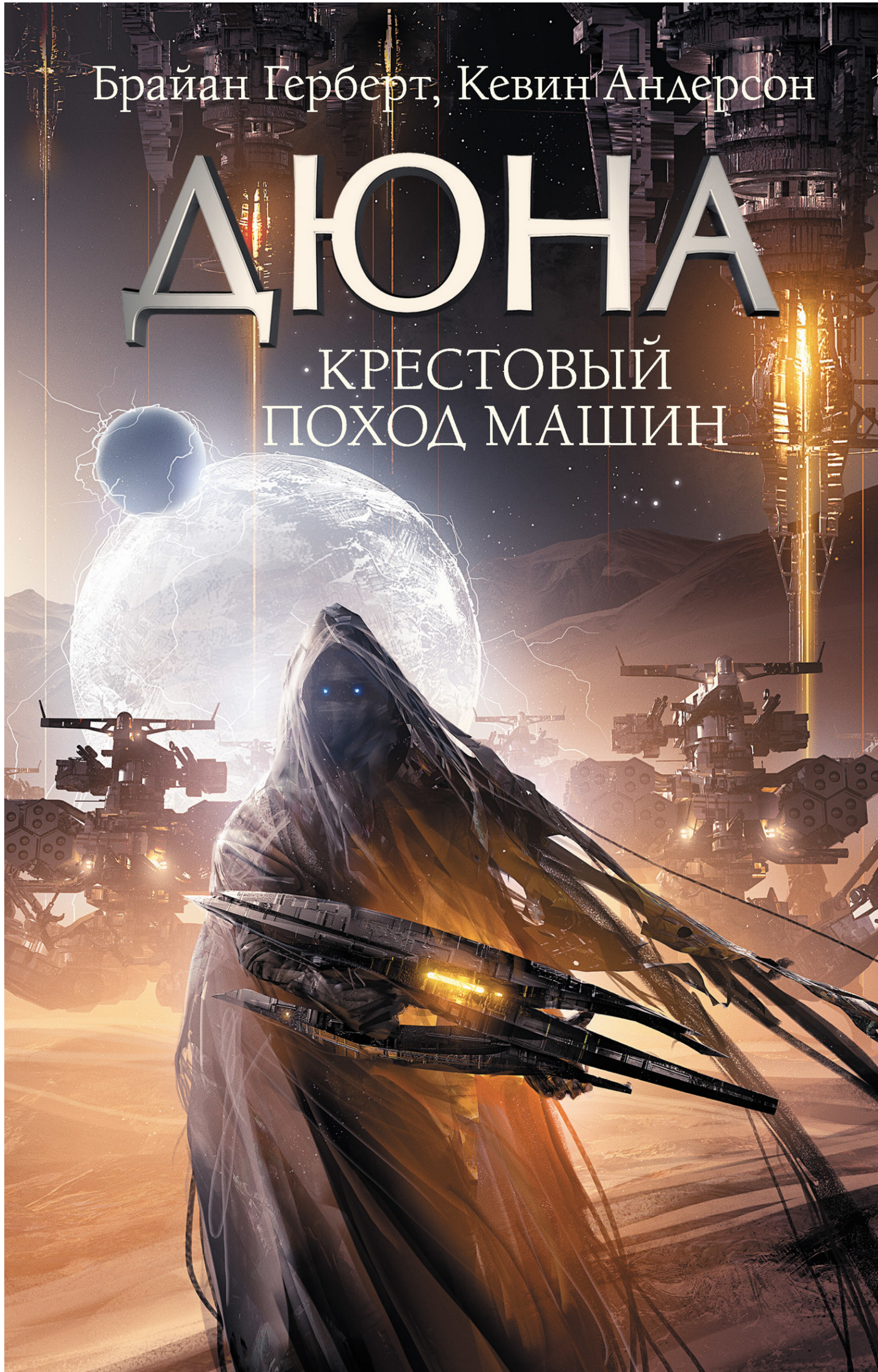


Брайан Герберт, Кевин Андерсон

# ДЮНА

КРЕСТОВЫЙ  
ПОХОД МАШИН





Легенды Дюны

Кевин Андерсон

# **Крестовый поход машин**

«Издательство АСТ»

2003

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Coe)-44

**Андерсон К. Д.**

Крестовый поход машин / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ», 2003 — (Легенды Дюны)

ISBN 978-5-17-123229-0

Более двадцати лет минуло с того дня, когда начался Священный Батлерианский джихад. Силы людей постепенно крепнут, однако мыслящие машины не сдаются: они намерены вернуть власть своему беспощадному предводителю Омниусу. Грядут битвы, равных которым Вселенная еще не видела. Настало время великих жертв и великих подвигов во имя свободы и торжества человеческого разума.

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-123229-0

© Андерсон К. Д., 2003  
© Издательство АСТ, 2003

## Содержание

Пролог	6
177 год до Гильдии	8
176 год до Гильдии	95
Конец ознакомительного фрагмента.	115

# Брайан Герберт, Кевин Андерсон

## Крестовый поход машин

*Пенни и Рону Меррит, верным спутникам в блужданиях по вселенной Дюны, – с любовью и признательностью за помощь в сохранении наследия Фрэнка Герберта.*

## Пролог

*Историки не могут прийти к единому мнению о посланиях, содержащихся в сохранившихся обломках давнего прошлого.*

*Углубляясь в историю – такие древние, хаотичные времена, – видишь, как расплываются факты, а свидетельства становятся все более и более противоречивыми. Бескрайний океан времени и подверженная ошибкам ненадежная память преломляют действительность, превращая живых героев в архетипы; битвы приобретают великую значимость, какой они не имели на поле сражения. Трудно примирить правду и вымысел.*

*Как первый официальный историк и летописец джихада должен я составить по мере моих сил этот отчет, опираясь на устные предания и фрагментарные документы, чудом сохранившиеся в течение сотен веков. Что больше соответствует действительности – такая тщательно документированная история, как моя, или собрание мифов и народных сказаний?*

*Я, Ноам Старший, должен писать честно, пусть даже это навлечет на мою голову гнев моих повелителей. Внимательно читайте эту историю, начиная с «Манифеста протеста» Рендика Толу-Фара, документа, конфискованного полицией джихада:*

*«Мы устали от борьбы и сражений – устали смертельно! Миллиарды и миллиарды людей уже принесены в жертву этому походу против мыслящих машин. В это число входят не только одетые в военную форму солдаты джихада и его наемники, но и мирные колонисты и люди-рабы Синхронизированных Миров. Никто не потрудился посчитать число уничтоженных врагов.*

*Всемирный компьютерный разум, Омниус, правил многими планетами на протяжении тысячелетия, но только двадцать четыре года назад убийство невинного ребенка Жрицы Серены Батлер всколыхнуло человечество и привело ко всеобщему восстанию. Серена использовала эту трагедию, чтобы зажечь яростью Лигу Благородных, что спровоцировало нападение Армады и атомную бомбардировку Земли.*

*Да, это был удар по Омниусу, но в результате погибли все живые существа на этой планете, а колыбель человечества была превращена на многие будущие столетия в радиоактивное кладбище. Какая ужасающая цена! – и это была не победа, не конец, но лишь первый акт в этой долгой войне.*

*Более двух десятилетий шла ожесточенная священная война Серены против мыслящих машин. На наши удары по Синхронизированным Мирам роботы отвечали набегами на колонии Лиги. И так повторялось снова и снова.*

*Жрица Серена кажется искренней и самоотверженной женщиной, и мне хотелось бы верить в ее чистоту и святость. Она посвятила многие годы изучению доступных сочинений и доктрин древних человеческих философов. Ни один человек не проводил столько времени в беседах с Квиной, когитатором, живущей в Городе Интроспекции. Страстность Серены очевидна, а ее убеждения и вера выше всяких упреков, но знает ли она, что творят ее именем?*

*Серена Батлер – это всего лишь знаковая фигура, и за ней стоит ее ближайший политический сподвижник Иблис Гинджо. Он величает себя «Великим патриархом джихада» и возглавляет Совет джихада – чрезвычайный руководящий орган, который правит вне рамок, установленных парламентом Лиги. И мы это позволяем!*

*Я видел, как Великий патриарх – бывший бригадир рабов на Земле – своими харизматическими ораторскими приемами превращал трагедию Серены в оружие. Неужели все слепы и не видят, что он наращивает свою политическую власть? Зачем бы иначе он женился на Ками Боро, чей род восходит к последнему слабому правителю Старой Империи, царствовавшему*

*тысячу лет назад? Не женятся просто по любви на последней живой наследнице последнего Императора!*

*Чтобы выявлять среди людей предателей и тайных вредителей, Иблис Гинджо создал полицию джихада, джипол. Подумайте о тех тысячах людей, арестованных за последние годы, – могли ли все они быть предателями, работавшими на машины, как заявляет джипол? Не в том ли дело, что все арестованные были политическими противниками Великого патриарха?*

*Я не говорю о строевых командирах, храбрых солдатах и даже наемниках, ибо все они сражаются за джихад, не жалея сил и жизни. Люди всех свободных планет полны решимости уничтожить форпосты машин и прекратить мародерство роботов. Но как можем мы даже надеяться на полную победу? Машины без труда строят новых бойцов... и всегда возвращаются.*

*Мы истощены бесконечной войной. Можем ли мы питать надежду на мир? Есть ли возможность договориться с Омниусом? Мыслящие машины не знают усталости.*

*И никогда ничего не забывают».*

## 177 год до Гильдии 25 год джихада

\* \* \*

*Слабость мыслящих машин заключается в том, что они действительно верят всей поступающей к ним информации и реагируют соответственно этому.*

*Вориан Атрейдес. Четвертый опрос в командовании Лиги после выполнения задания*

Примеро Вориан Атрейдес, командир группы баллист, кружившей по орбите вокруг изрезанной каньонами планеты, внимательно изучал выстроенные против него силы роботов: гладкие серебристые машины, похожие на хищных рыб. Эффектный и притом функциональный дизайн придавал им грацию остро отточенного клинка.

Численное превосходство чудовищ Омниуса над силами людей было десятикратным, но корабли джихада защищены были перекрывающимися слоями поля Хольцмана, и огонь машин не наносил им вреда, а сами машины не могли пробиться к поверхности IV Анбус.

Огневой мощи защитников не хватало даже на то, чтобы отогнать машины от планеты, не говоря уже о том, чтобы их уничтожить, но воины джихада продолжали борьбу. Люди и машины столкнулись над планетой, и ни одна сторона не могла взять верх.

За последние семь лет Омниус со своим воинством одержал множество побед, покориł маленькие захолустные колонии и основал форпосты, с которых на планеты людей накатывались жестокие и беспощадные волны атакующих машин. И вот теперь Армия джихада поклялась любой ценой защищать Несоюзные планеты от мыслящих машин – хотят того их обитатели или нет.

А внизу, на планете, товарищ Вориана примеро Ксавьер Харконнен вел очередное дипломатическое наступление на дзеншиитских старейшин, вождей примитивной буддисламской секты. В успехе этих переговоров Вориан сильно сомневался: Ксавьер вообще не отличался гибкостью, и хорошим переговорщиком его можно было назвать с очень большой натяжкой. Для него главным было – помнить долг и свято придерживаться целей своей миссии.

К тому же Ксавьер испытывал антипатию к этим людям... и они не могли этого не понимать.

Мыслящие машины хотят захватить IV Анбус. Долг Армии джихада – не дать им этого сделать. Раз эти дзеншииты прячутся от галактического конфликта и не хотят помочь храбрым солдатам, сражающимся за свободу рода человеческого, то нечего с ними считаться. Однажды Вориан в шутку сравнил Ксавьера с машиной за такой черно-белый взгляд на мир. Ксавьер в ответ с ледяным видом нахмурил брови.

Если верить сообщениям с планеты, религиозные лидеры дзеншиитов оказались не менее упрямыми, чем примеро Харконнен. Обе стороны не желали сдавать ни пяди своих позиций.

Вориан не осуждал командный стиль своего друга, хотя этот стиль разительно отличался от его собственного. У выросшего среди мыслящих машин Вориана, который должен был стать их доверенным лицом, теперь кружилась голова от обретенной свободы. Он наслаждался «человечностью» во всех ее проявлениях, окунувшись в нее с головой. Он чувствовал себя абсолютно раскрепощенным, занимаясь спортом, играя в азартные игры, пересмеиваясь с другими офицерами. Все это так отличалось от того, чему учил его Агамемнон...



Вориан знал: боевые корабли роботов не уйдут, если им не доказать статистически, что у них нет шансов на победу. Все последние недели он разрабатывал сложный план, как пробить оборону флота Омниуса, но этот план еще не был готов. Хотя оставалось недолго.

Это великое стояние на орбите было абсолютно не похоже на военные игры, которыми Вориан с товарищами развлекались в патрулях джихада, или на военные задачи, которые ставили они друг другу с роботом Севратом в долгих странствиях по межзвездным просторам. В теперешнем тупике ничего веселого не было.

Вориан уже заранее знал, что будет дальше.

Скоро корабли роботов стайей пираний бросятся в атаку с обратной стороны орбиты. Вориан, гордо стоящий на мостике в отутуженной темно-зеленой форме с алой выпушкой – цвета джихада, символизирующие жизнь и пролитую за нее кровь, – отдаст всем кораблям приказ активировать защитное поле Хольцмана и следить, чтобы оно не перегревалось.

Боевые корабли роботов были удручающе предсказуемыми, и люди Вориана часто заключали пари на точное число выстрелов, которые произведет враг.

Вориан смотрел, как перестраиваются корабли по его приказу. Приемный брат Ксавьера Вергиль Тантор, капитан передовой баллисты, вывел ее на позицию. Вергиль служил в Армии джихада уже семнадцать лет, и Ксавьер внимательно следил за его карьерой.

За последнюю неделю ничего не изменилось, и бойцы теряли терпение, в который раз видя приближающегося противника, но не в силах ничего сделать, кроме как выпячивать грудь и распускать перья в боевой стойке подобно экзотическим птицам.

– Эти машины могли бы уже чему-нибудь научиться, – ворчал Вергиль по линии связи. – Они что, надеются, что мы все-таки ошибемся?

– Они просто испытывают нас на прочность, Вергиль. – Вориан старался избегать официального тона и передачи распоряжений по команде – это напоминало ему жесткие порядки, заведенные у машин.

Еще в начале дня, когда траектории двух флотов на короткое время пересеклись, корабли роботов дали ракетный залп, разбившийся о непроницаемое поле Хольцмана. Вориан даже глазом не моргнул, наблюдая за бесплодной пальбой противника. На несколько секунд вражеская эскадра превратилась в хаотический рой, потом выстроилась в цепь и полетела дальше.

– Сколько всего? – спросил Вориан.

– Двадцать восемь выстрелов, примеро, – доложил один из вахтенных офицеров.

Вориан кивнул. Выстрелов всегда было от двадцати до тридцати, хотя сам он на этот раз думал, что их будет двадцать два. Офицеры кораблей обменялись поздравлениями выигравших и добродушными жалобами не угадавших на одну-две ракеты, потом Вориан распорядился об организации расплаты. Вахты передавались от победителей к побежденным, а роскошные продовольственные пайки гуляли между кораблями.

Это уже происходило почти тридцать раз, но теперь Вориан припас для машин сюрприз.

Флот джихада соблюдал строй не менее дисциплинированно, чем машины.

– Началось, – обратился Вориан к экипажу мостика. – Приготовиться к бою. Поля включить на полную мощность. Вы знаете, что делать. Мы это уже давно отработали.

От мощной жужжащей вибрации, сотрясшей палубу, по коже побежали мурашки. Огромные генераторы, соединенные с двигателями, начали окружать корабли многослойной силовой защитой. Все командиры тщательно следили за перегревом полей, фатальным изъяном этого оружия, о котором – по крайней мере пока – машины не подозревали.

Вориан отыскал глазами передовую баллисту, несущуюся впереди по орбите.

– Вергиль, ты готов?

– Давно готов, сэр. Пора начинать!

Вориан связался с подрывниками, которыми командовал наемник с Гинаца Зон Норет.

– Господин Норет, полагаю, что вы расставили все наши... мышеловки?

Сигнал вернулся.

– Каждая точно на своем месте, примеро. Я разослал по кораблям точные координаты каждой, чтобы они сами не напоролись. Вопрос в том, заметят ли их машины?

– Им не до этого будет, я уж постараюсь! – вклинился в разговор Вергиль.

Корабли машин приближались, угрожающе увеличиваясь в размерах. Мыслящие машины не знали эстетики, но в результате точных расчетов и эффективных технологий возникали корабли совершенных обводов с безупречно гладкими корпусами, оцетинившимися оружием.

Вориан улыбнулся:

– Вперед!

И навстречу летящей рыбьим косяком зловещей стае Омниуса вдруг рванулась с внезапным ускорением баллиста Вергилия, запуская ракеты с помощью новой системы «мерцающего огня». Эта система отключала носовые защитные поля всего на миллисекунду, четко координируя отключение с пуском снарядов.

Мощные ракеты обрушились на ближайший корабль машинного флота, а Вергиль резко сменил курс и пробился сквозь скопление вражеских кораблей, как бешеный салузанский бык.

Вориан отдал приказ рассредоточиться, чтобы не мешать передовой баллистe.

Машины, пытаясь реагировать на неожиданную ситуацию, только и могли, что открыть огонь по кораблям джихада, защищенным полями Хольцмана.

Вергиль снова направил вперед свою баллисту и приказал, опустошая пороховой погреб, открыть ураганный огонь по противнику. Снаряд за снарядом детонировал об обшивку кораблей роботов, причиняя им значительные повреждения, но не уничтожая их окончательно. Линии связи звенели возбужденными голосами.

Однако атака Вергилия была лишь отвлекающим маневром. Основная масса вражеских кораблей, продолжая следовать по своей орбите, шла прямо на космическое минное поле, заложенное командой наемника Зона Норета.

Огромной мощности контактные мины скрывала оболочка, почти невидимая для сенсоров. Обнаружить такие мины еще можно было бы тщательной разведкой и внимательным сканированием, но яростная и неожиданная атака Вергилия отвлекла внимание машин.

Два передовых крейсера машин взорвались, напоревшись на заложенные мины. Мощная детонация, как бумагу, рвала корпуса кораблей и кожухи двигателей. Сбившись с курса, пораженные корабли вспыхнули пламенем, один из них напоролся еще на одну мину.

Не успев понять, что произошло, на невидимые мины налетели еще три корабля роботов, но остальные тут же перестроились и, не обращая больше внимания на Вергилия, рассредоточились и включили сенсоры на поиск мин, убирая их очередями точных выстрелов.

– Вергиль, отходите! – передал Вориан по линии связи. – Остальным баллистам – перегруппироваться. Хватит, поразвлекались.

Удовлетворенно вздохнув, Вориан откинулся на спинку стула.

– Пошлите четыре разведчика-кинжала, чтобы уточнить потери противника.

Вориан включил отдельную линию связи, и на экране появилось лицо гинацкого наемника Зона Норета.

– Норет, вы и ваши люди будете награждены медалями.

Когда наемники не занимались установкой мин и другими тайными операциями, они носили красно-золотые мундиры, ими самими придуманные. Золото означало приличные деньги, которые они получали, а красный цвет – пролитую за эти деньги кровь.

Позади минного поля потрепанная боевая группа Омниуса продолжала свой патрульный полет, не задерживаясь, словно акулы, несущиеся по морю в поисках пищи. Многочисленные группы роботов уже выползли из кораблей и, как вши, ползали по корпусам, ремонтируя повреждения.

– Похоже, нам не удалось даже пощипать их как следует, – разочарованно проговорил Вергиль, когда его баллиста вернулась в строй. И тут же добавил: – Но они не смогли пока отобрать у нас IV Анбус.

– Что да, то да. Мы и так сдали им слишком много планет за последние годы. Настало время переломить ход войны.

Вориан никак не мог понять, почему силы роботов так долго выжидают, не обостряя именно этот конфликт. Это не было похоже на их обычную тактику. Будучи сыном титана Агамемнона, он – больше чем кто-либо из воинов джихада – понимал, как мыслят роботы, как работает их механический разум. Это было очень подозрительно.

*Может быть, это я сам стал слишком предсказуемым? И роботы хотят убедить меня, что не изменят тактику?*

Нахмурившись, он включил связь с передовой баллистой.

– Вергиль? Мне все это очень не нравится. Рассредоточь разведывательные корабли – пусть осмотрят и нанесут на карту ландшафт. Кажется, машины что-то задумали.

Вергиль не усомнился в интуиции командира.

– Мы внимательно осмотрим планету, примеро. Если они там хоть камешек перевернули, мы это обнаружим.

– Подозреваю, что не только. Они пытаются хитрить – своим, предсказуемым способом.

Вориан взглянул на хронометр, понимая, что до следующего столкновения в его распоряжении есть несколько часов. Ему было беспокойно.

– Останешься за меня, Вергиль. Я спущусь на планету, посмотрю, чего добился твой брат в переговорах с нашими дзеншиитскими друзьями.

\* \* \*

*Чтобы понять, что будет значить для тебя победа, надо сначала определить, кто твои враги... и кто союзники.*

*Примеро Ксавьер Харконнен. Лекции по стратегии*

После исхода буддисламских сект из Лиги Благородных, случившегося много столетий назад, центром дзеншиитской цивилизации стала планета IV Анбус. Сердцем этой независимой и обособленной секты был главный город планеты Даритс. Чужестранцы старались не иметь с ней дела – планета была бедна ресурсами и населена воинственными религиозными фанатиками.

Массивы суши IV Анбус пестрели обширными мелкими морями – и пресноводными, и сильно солеными. Приливы, вызванные лунами на низких орбитах, исполинскими швабрами прокатывались по ландшафту, унося почвенный слой по расщелинам каньонов, вымывая в песчанике пещеры и террасы. Под прикрытием огромных скальных навесов дзеншииты и строили свои города.

Между морями текли реки, подгоняемые приливными силами. Обитатели планеты достигли исключительных успехов в математике, астрономии и строительной механике, научились предсказывать разрушительные наводнения и бороться с ними. Из ила текущих по каньонам мутных рек добывались минеральные богатства. Почвы в низовьях рек отличались исключительным плодородием, и крестьяне собирали богатые урожаи, подгадывая вовремя с посевом и жатвой.

В Даритсе дзеншииты построили гигантскую плотину, перегородив узкое горло каньонов в красных скалах, – дерзкий поступок, демонстрация, что вера и мастерство могут остановить даже мощный ход реки. Перед плотиной образовалось огромное водохранилище, заполненное темно-синей водой. Дзеншиитские рыбаки плавали по этому искусственному озеру на утлых

лодочках и ловили большими сетями рыбу в дополнение к злакам и овощам, произрастававшим на заливных равнинах.

Плотина Даритса была не просто стеной: ее украшали исполинские статуи, высеченные в скале талантливыми и верующими скульпторами. Два монолитных каменных близнеца высотой в сотни метров символизировали Будду и Мухаммеда, черты скульптурных лиц которых заметно стерло время, легенды и представления идеалистического почитания.

Правоверные установили в теле плотины электрические турбины, вращавшиеся силой водяного потока. Вместе с многочисленными плитами солнечных батарей электростанция Даритса давала достаточно энергии для снабжения всей планеты IV Анбус – не очень, впрочем, большой по сравнению со многими другими известными планетами: ее население составляло всего семьдесят девять миллионов человек. Однако инфраструктура линий связи и энергетической сети превосходила по развитости инфраструктуры других планет, где нашли убежище буддистские изгнанники.

Именно эта инфраструктура и послужила приманкой, ради которой мыслящие машины решили завладеть IV Анбус. Приложив минимум усилий, Омниус смог бы превратить этот мир в плацдарм для широкомасштабного наступления на планеты Лиги.

Джихад Серены Батлер продолжался с полной силой уже больше двадцати лет. За двадцать три года, прошедших после ядерного разрушения Земли, военное счастье много раз сопутствовало и изменяло каждой из противоборствующих сторон.

Но семь лет назад мыслящие машины начали атаковать несоюзные планеты, бывшие легкой добычей по сравнению с лучше защищенными и более густонаселенными планетами Лиги. Рассеянные по поверхности уязвимых, беззащитных Несоюзных планет торговцы, шахтеры, крестьяне и буддистские беженцы не могли собрать достаточные силы для противостояния Омниусу. Только за последние три года жертвами мыслящих машин пали уже пять Несоюзных планет.

Совет джихада, расположившийся на Салузе Секундус, долго не мог понять, зачем Омниусу понадобились эти совершенно бесполезные планеты; но потом Вориан подметил закономерность. Следуя расчетам и проектам всемирного компьютерного разума, мыслящие машины, словно сеть, окружали миры Лиги, подбираясь все ближе и ближе, готовясь нанести решающий удар по ее столице.

Вскоре после этого Вориан Атрейде – не без поддержки Ксавьера – потребовал, чтобы джихад направил войска на защиту несоюзных планет, и массированный неожиданный контрудар джихада принес свои плоды – Тиндалл был отвоеван у машин. Это была блестящая победа.

Поначалу Ксавьер был полон оптимизма. Армия джихада прибыла к IV Анбус вовремя благодаря предупреждению тлуаксианского работоторговца Рекура Вана. Этот торговец живым товаром с командой своих головорезов совершил налет на планету и захватил много дзеншиитов для невольничьих рынков Занбара и Поритрина. На обратном пути работоторговец наткнулся на разведывательный патруль машин, проводивших рекогносцировку IV Анбус. Роботы всегда тщательно готовили свои наступления. Рекур Ван поспешил на Салузу Секундус и сообщил страшную весть Совету джихада.

Для отражения опасности Великий патриарх Иблис Гинджо распорядился организовать эту торопливую, но весьма эффективную военную операцию. «Мы не вправе допустить, чтобы еще один мир пал жертвой демонических мыслящих машин, – с пафосом возглашал он на церемонии проводов экспедиции под восторженный рев толпы, размахивавшей оранжевыми цветами. – Мы уже потеряли Элграм, Колонию Периодот, Беллос и многие другие. Но у IV Анбус Армия джихада встанет насмерть!»

Ксавьер недооценил численность армады, посланной Омниусом к этой отдаленной планете, и хотя силам джихада удалось расстроить его планы, не получилось самое главное – отбросить роботов прочь.

В перерыве переговоров Ксавьер в душе клял дзеншиитов на чем свет стоит. Те самые люди, которым он собирался помочь, не проявляли к борьбе никакого интереса и отклоняли самую возможность своего вмешательства в конфликт с мыслящими машинами.

Город на красных скалах каньона хранил реликвии и древние рукописи дзеншиитского толкования буддизма. Под сводами пещер мудрецы сберегли оригиналы рукописных «Сутр Корана» и пять раз в день возносили молитвы, услышав клич с минаретов, воздвигнутых на краю каньона. Из Даритса старейшины рассылали по всей планете комментарии к священным книгам, чтобы правоверные не заблудились в эзотерических дебрях.

Ксавьер Харконнен едва сдерживал свое дурное настроение. Он был военным, то есть привык руководить сражениями и боями, отдавать приказания своим солдатам, зная, что они будут беспрекословно выполнены. И понятия не имел, что делать с этими твердолобыми пацифистами, которые – трудно в это поверить – просто отказывались его слушать.

На родине, на планетах Лиги, тоже нарастало недовольство джихадом, множились протесты. Люди устали от двадцатилетнего кровопролития, не принесшего никаких видимых успехов. Бывали случаи, когда недовольные выходили на демонстрации к гробнице Маниона Невинного с плакатами «Мир любой ценой!».

Да, этих людей Ксавьер мог понять – они устали, они отчаялись, ежедневно теряя своих любимых и близких, убитых мыслящими машинами. Но эти забытые богом буддизмисты, не пошевелившие и пальцем ради сопротивления, являли собой разительный пример безумного, крайнего непротивления.

Цель машин была ясна, и Омниус, естественно, не станет считаться с тем, чего хотят и чего не хотят какие-то религиозные фанатики. Ксавьер должен – обязан во имя джихада – выполнить свою миссию, но для этого необходимо добиться хотя бы минимального согласия с местными обитателями. Он даже не предполагал, как трудно будет заставить этих людей оценить, чем рискует ради них Армия джихада.

Старейшины дзеншиитов, шаркая ногами, вернулись в зал переговоров, где находились древние культовые предметы, блиставшие золотом и драгоценными камнями.

Как и прежде, старейшина и религиозный лидер Ренгалид смотрел на Ксавьера каменным взглядом, выразившим непреклонный отказ. Бритая голова старца блестела от масла какого-то экзотического растения, подстриженные брови были искусно подкрашены. Подбородок скрывала окладистая седая борода, которую старец носил с нескрываемой гордостью. Светлые серо-зеленые глаза резким контрастом смотрелись на загорелом дочерна лице. Зловещий боевой флот мыслящих машин навис над планетой, поражала огневой мощью Армия джихада – но этот человек оставался бесстрастен и бесстрашен. Будто в упор их не видел.

Ксавьер заговорил первым – ему стоило усилия сохранить спокойный тон.

– Мы хотим защитить вашу планету, старейшина Ренгалид. Если бы нас здесь не было, если бы наши корабли не отражали *ежедневно* натиск машин, то и вы сами, и весь ваш народ давно стали бы рабами Омниуса.

Ксавьер сидел неподвижно, выпрямив спину, на жесткой деревянной скамье напротив предводителя дзеншиитов. Ренгалид ни разу не предложил ему перекусить, хотя Харконнен был уверен, что сам он ел, когда солдаты уходили из зала.

– Рабами? Если вы так сильно озабочены нашим благополучием, примеро Харконнен, то где же были ваши корабли и вы сами несколько месяцев назад, когда тлулаксианский работороговец похищал из наших сел молодых здоровых мужчин и способных к деторождению женщин?

Ксавьер постарался не проявить раздражения. Карьера дипломата никогда его не манила – слишком нетерпелив он был для нее. Он служил делу джихада верой и правдой, отдавая ему все свои силы. Алая форма символизировала пролитую человечеством кровь, а его невинное



дитя Манион – малышу едва исполнилось одиннадцать месяцев – стал первым из новых мучеников.

– Старейшина, что вы сами сделали для того, чтобы защитить свой народ от набега работорговца? Я ничего не знал об этом инциденте до вашего рассказа и не могу ничего поделать с тем, что случилось в прошлом. Я могу лишь гарантировать вам, что жизнь под гнетом мыслящих машин окажется хуже.

– Так вы говорите, но это не опровергает лицемерия вашего собственного общества. Почему мы должны считать, что слово одного рабовладельца честнее слова другого рабовладельца?

Ноздри Ксавьера раздулись от едва сдерживаемого гнева. *На что я трачу время?*

– Если вы уж так хотите поговорить о старых обидах, то вспомните, что отказ вашего народа с самого начала участвовать в борьбе уже стоил свободы миллиардам людей и обошелся в миллионы смертей. Очень и очень многие полагают, что вы в большом долгу перед человечеством.

– Нам одинаково чужды обе стороны в этом конфликте, – резко парировал седобородый. – Мой народ не примет участия в вашей бесцельной кровавой войне.

Удержавшись от столь же резкого ответа, Ксавьер произнес:

– Тем не менее вы попали между двух огней, и выбирать вам придется – хотя и против воли.

– Чем тираны-люди лучше тиранов-роботов? Я знаю одно: это не наша война и никогда не была нашей.

Рабочие внутри даритской дамбы открыли ворота шлюза и из ладоней двух колоссов – Мухаммеда и Будды – полились две мощные струи прозрачной чистейшей воды. Привлеченный этим внезапным шумом, Ксавьер поднял голову и увидел примеро Вориана Атрейдеса, который безмятежно шагал по вымощенной дороге от своего шаттла, приземлившегося на площадке старого примитивного космопорта. Улыбающийся темноволосый человек приблизился, и Ксавьер не мог в который раз не удивиться – это был все тот же юный, мужественный и стройный Вориан Атрейдес, каким был он после своего бегства с Земли много лет назад.

– Ты можешь умасливать их как хочешь, Ксавьер, но дзеншииты говорят на другом языке – не только в лингвистическом смысле.

Даритский старейшина с негодованием заявил:

– Ваша безбожная цивилизация всегда преследовала нас. Мы не желаем видеть у себя солдат джихада – тем более в Даритсе, нашем священном городе.

Ксавьер поднял глаза и посмотрел в лицо Ренгалиду.

– Должен – для вашего сведения – сообщить вам, старейшина, что я не позволю мыслящим машинам овладеть этой планетой – не важно, будете вы нам помогать или нет. Падение IV Анбус еще на одну ступень приблизит машин к сердцу Лиги.

– Это наша планета, примеро Харконнен. И вам здесь не место.

Ксавьер побагровел:

– Тем более не место здесь машинам!

Вориана начала забавлять эта сцена. Он взял Ксавьера за локоть.

– Вижу, ты изобрел новый вид дипломатии.

– Я никогда не говорил, что я дипломат.

Улыбаясь, Вориан согласно кивнул.

– Если бы эти люди просто взяли и встали по стойке «смирно», услышав твой приказ, то все было бы гораздо проще?

– Я не оставляю эту планету, Вориан.

Из аппарата связи послышался треск, а потом раздался взволнованный голос Вергилия Тантора:

– Примеро Атрейдес, ваши подозрения оправдались! Наши сканеры засекли секретный лагерь мыслящих машин на плато. Кажется, это передовой плацдарм – там масса строительных машин, тяжелого вооружения и боевых роботов.

– Отличная работа, Вергиль, – отозвался Вориан. – Начинается главная потеха.

Ксавьер обернулся и бросил взгляд на погруженного в себя Ренгалида. Старец не желал больше видеть солдат джихада.

– Здесь мы закончили, Вориан. Возвращаемся на флагман. Сейчас у нас будет масса дел.

\* \* \*

*Единственного будущего не существует. Для человечества всегда существует множество вариантов будущего, и они реализуются в зависимости от событий, с виду совершенно случайных.*

*Хроники муадру*

Зимия поражала воображение – этот город был вершиной культуры свободного человечества. Обсаженные деревьями бульвары, словно лучи, отходили от величественного комплекса правительственных зданий и огромной мемориальной площади. По площади в разных направлениях непрерывно деловым торопливым шагом куда-то шли мужчины в костюмах-двойках и дамы в расшитых платьях.

Иблис Гинджо, хмурясь, спешил по этому огромному пространству, направляясь к величественному Дому парламента. Громада здания создавала иллюзию надежности, внушала веру в незыблемость хода вещей.

*Но нет на свете ничего вечного. Ничто не вечно и ничто не надежно.*

Его работой было вдохновлять людей, побуждать их к действию, убеждая, что злокозненные машины могут в любое время напасть на любую планету и что есть и среди людей подлые шпионы, втайне сохранившие верность Омниусу, и эти негодяи есть даже здесь, в самом сердце Лиги.

Временами Иблис преувеличивал опасность, но исключительно ради успеха борьбы.

Иблис – широкоплечий сильный мужчина с квадратным открытым лицом – был одет в просторный черный блейзер, украшенный золотым шитьем и сверкающими браслетами. Отстав на несколько шагов, за ним следовали несколько полицейских джихада – агентов джихада, – всегда готовых молниеносно применить свое смертоносное оружие. Поблизости могли затаиться изменники или наемные убийцы, служащие машинам.

Двадцать лет назад Иблис даровал себе титул «Великого патриарха джихада Серены Батлер», и толпа бешено приветствовала своего вождя, стоило ему появиться на публике. Он произносил речи, сплавивал людей, учил их, как думать и как поступать. Подобно Вориану Атрейдесу, Иблис некогда был доверенным человеком машин на Земле. Теперь он стал оратором и государственным деятелем высшего ранга – королем, политиком, религиозным лидером и верховным главнокомандующим, – окутанным во всех своих ипостасях одним харизматическим покрывалом. Он сам, без посторонней помощи проторил свой путь, беспрецедентную дорогу, приведшую его в элиту человеческого сообщества. Он знал историю и ясно видел в ней свое место.

Когда он, поднявшись по широким ступеням подъезда, вступил в высокое, украшенное огромными фресками фойе, в толпе парламентариев и чиновников воцарилась мертвая тишина. Иблис любил смотреть, как начинают люди мяться в его присутствии, краснеть и заикаться от смешанного чувства благоговения и страха.

Перед украшенной нишей – гробницей убиенного сына Серены Батлер Маниона – Иблис остановился с должным смиренным почтением. Манион, которого скульптор изваял в виде

ангела, стоял, раскинув руки, готовый принять в дар охапки оранжево-красных ноготков, горевших, словно маленькое скопление сверхновых. Ноготок давно стали называть «цветком Маниона».

Зал был полон. Все места были заняты аристократами или планетными представителями. Именитые гости находились даже в проходах, усевшись на недавно изобретенные портативные кресла-подвески, которые могли парить в любом доступном месте.

Впереди всего собрания сидел монах в оранжево-желтом одеянии, не спускавший глаз с тяжелой прозрачной емкости, внутри которой, в поддерживающей жизнь голубоватой электрожидкости, находился живой человеческий мозг. Стоило ему взглянуть на почитаемого когитора, как Иблис испытал головокружительную радость воспоминаний о мозге древнего философа по имени Экло, поделившегося своими знаниями с Иблисом, бывшим тогда на Земле всего лишь надзирателем рабов. Да, какими горячими, полными надежд и возможностей были те незабываемые дни...

Этот же когитор, мозг женщины-философа по имени Квина, не слишком охотно делился с Иблисом, не хотел давать советы. Но несмотря на это, Иблис часто приезжал в Город Интроспекции, чтобы просто посидеть у емкости с мозгом Квины в надежде чему-нибудь научиться. В своей жизни он видел только двух когиторов, но замечательные органические мыслящие единицы не переставали до глубины души впечатлять его. Они настолько превосходили Омниуса, были настолько изящны и так *человечны*, несмотря на свои очевидные физические ограничения.

Заседание парламента уже продолжалось несколько часов, но до появления Иблиса на нем не могло происходить ничего важного. Так было устроено заранее. Незаметные союзники Иблиса среди представителей Лиги блокировали работу парламента бюрократическими процедурами и многословными обсуждениями ничего не значащих мелочей, чтобы тем эффективнее выглядел Иблис Гинджо, сразу решающий все проблемы.

На трибуне стоял представитель Хагала Хостен Фру и бубнил что-то невразумительное по поводу ничтожной коммерческой проблемы – спора между корпорацией «ВенКи» и правительством Поритрина в связи с патентами и правами на продажу плавучих светочаров, начавших входить в моду.

– Исходная концепция основана на работах помощницы саванта Тио Хольцмана, но «ВенКи» торгует новой технологией без всякой компенсации Поритрину, – гудел с трибуны Хостен Фру. – Я предлагаю создать комитет, чтобы разобраться в существе дела и вынести решение...

Иблис мысленно улыбался. *Ага, и ничего этот комитет не сможет решить.* Хостен Фру казался абсолютно некомпетентным политиком, блокировавшим работу Лиги высосанными из пальца проблемами и выставлявшим правительство в неприглядном свете – таким же бессильным, как Старая Империя. Но никто даже не подозревал, что представитель Хагала был всего лишь тайным агентом Иблиса. И эта марионетка превосходно делала свое дело: чем более очевидной становилась некомпетентность правительства, чем больше показывала Ассамблея Лиги свою неспособность решать даже простые вопросы, особенно в критических ситуациях, тем больше дел делегировалось на рассмотрении Совета джихада – органа, полностью подконтрольного Иблису Гинджо.

Излучая несокрушимую уверенность в себе, Иблис торжественно вступил в зал заседаний. Как приближенный самой Серены Батлер, он являлся полномочным представителем всего человечества в Священном джихаде против мыслящих машин.

После беспощадного атомного разрушения Земли прошло десять бурных лет. Старый Манион Батлер ушел с поста вице-короля Лиги, попросив, чтобы на это место была назначена его дочь Серена. Она была избрана под шумное одобрение собравшихся, но настояла на том, чтобы ее называли лишь «временной вице-королевой» до окончания войны. Иблис был в пол-

ном восторге. Постепенно он втерся в доверие к Серене и стал ее ближайшим советником. Он писал для нее речи, разжигая истерию крестового похода против машин.

Высоко подняв голову, он прошептал по устланному толстым ковром проходу и подошел к трибуне. Проекторы показали увеличенное лицо Иблиса на экранах по обе стороны зала. Хостен Фру, немедленно проявив должную почтительность, замолчал и, низко поклонившись, сошел с трибуны.

– Я с радостью отдаю оставшееся в моем распоряжении время выступления нашему Великому патриарху.

Иблис взошел на сцену, пересек ее и, сложив на груди руки, формально поблагодарил хагальского представителя, спешно покинувшего сцену, за любезность. Прежде чем Иблис успел собраться с мыслями, из зала раздался протестующий голос:

– Я требую соблюдения порядка!

По голосу Иблис тотчас узнал женщину – Муньюзу Чен, докучливую представительницу отдаленной планеты Лиги – Пинкнона.

Иблис обернулся к ней, с трудом сохранив на лице маску терпения. Тем временем представитель Пинкнона, встав, заговорила:

– Я сегодня уже ставила вопрос о дополнительных полномочиях, переданных от парламента Совету джихада без соответствующей процедуры. Обсуждение было отложено до того момента, когда на заседании Ассамблеи появится авторитетный член Совета. – Чен сложила руки на маленькой груди. – Я полагаю, что Великий патриарх Гинджо уполномочен выступать от лица Совета.

Иблис холодно улыбнулся женщине.

– Я не для этого пришел сегодня в Ассамблею, мадам Чен.

Но эта несносная женщина и не думала садиться.

– На повестке дня незаконченное дело. Официальный протокол требует решить его, прежде чем переходить к следующему вопросу.

Иблис умел улавливать нетерпение толпы и использовать его к своей выгоде. Они пришли слушать *его*, а не следить за утомительной дискуссией о несущественных протокольных проблемах.

– Вы сами даете сейчас наглядный урок, объясняя, зачем был образован Совет джихада: чтобы принимать быстрые и неотложные решения, не увязая в бюрократической трясине.

По залу прокатился одобрительный ропот. Улыбка Иблиса потеплела.

В течение первых тринадцати лет объявленного Сереной Батлер джихада парламент Лиги из всех сил старался решать экстренные вопросы военного времени с помощью той же неуклюжей государственной системы, что действовала в течение предыдущих столетий неустойчивого мира. Вышло так, что, пока политики торговались, взвешивая «за» и «против», целые протектораты исчезали под натиском машин, не дождавшись спасательных экспедиций. После катастроф, постигших Эллам и Колонию Перидот, возмущенная Серена Батлер обратилась к парламенту с пламенной речью. Она выразила свое негодование и (что было еще хуже) *разочарование* тем, что парламентарии ставят свои личные амбиции выше необходимости борьбы с реальным врагом.

Стоявший тогда рядом с ней Иблис немедленно перехватил инициативу и предложил создать Совет джихада, который бы взял на себя оперативное решение всех вопросов, непосредственно связанных с джихадом, оставив в ведении парламента менее неотложные торговые, общественные и внутренние дела, которые можно было обсуждать в ходе неторопливых парламентских дебатов и слушаний. Военные вопросы надо было решать быстро, не отвлекаясь на мелочи, и тут тысячеголосый парламент мог служить только досадной помехой.

Во всяком случае, Иблис сумел убедить в этом парламентариев. Его предложение прошло подавляющим большинством голосов.

Но даже теперь, десятилетие спустя, старые политические методы продолжали тормозить прогресс. Одобрительный ропот ласкал слух, и Иблис снова посмотрел на представительницу Пинкнона взглядом, исполненным многострадального терпения.

– И в чем же заключается ваш вопрос?

Муньоза Чен, казалось, не замечала поднявшегося в зале шума.

– Ваш Совет продолжает находить все новые и новые функции, подпадающие под его юрисдикцию. Изначально ваша работа ограничивалась надзором за Армией джихада в вопросах проведения военных операций и за деятельностью джиопола. Теперь Совет занимается беженцами, распределяет финансирование и припасы, вводит новые пошлины и налоги. Когда кончится эта тревожная экспансия и движение к авторитаризму?

Иблис про себя решил, не откладывая, поручить командующему полицейскими силами Йореку Турру тайно покопаться в биографии этой женщины. Может быть, придется даже найти «свидетеля», который выступит с неопровержимыми доказательствами «сговора» Чен с мыслящими машинами. Турр такие вещи хорошо умел. А может, она, как это ни прискорбно, скончается от какой-то не обнаруженной ранее болезни.

Иблис принялся невозмутимо отвечать:

– Оказание помощи выжившему мирному населению и беженцам из зоны военных действий – очень важная часть мандата Совета, как и подготовка военно-полевых хирургов, распределение медикаментов и продовольствия. Когда мы всего лишь год назад отвоевали Тиндалл у машин, Совет джихада немедленно приступил к гуманитарным операциям. Введением экстренных законов о налогах на роскошь на благополучных планетах мы смогли дать этим несчастным людям кров, лекарства, надежду. Если бы мы оставили все это на усмотрение парламента Лиги, мадам Чен, то вы бы до сих пор обсуждали этот вопрос на своих открытых заседаниях. – Он обвел взглядом подиум, а потом, словно подумав, добавил: – Я не слышал ни одной жалобы от населения Тиндалла.

– Но расширение Советом пределов своей компетенции без соответствующего голосования...

Иблис нетерпеливо хмыкнул.

– Мы с вами можем часами обсуждать эти проблемы, но за тем ли собрались здесь представители планет, чтобы слушать наш спор?

Он воздел руки в вопрошающем жесте, и зал ответил шумными возгласами. Естественно, многие из этих выкриков исходили от его людей в зале, но часть прозвучала вполне спонтанно.

– Кстати, сегодня я явился на заседание, чтобы поделиться с представителями некоторыми знаниями, открытыми недавно в древних писаниях муадру.

В крепких руках Иблиса появилась важная часть истории – древняя каменная плита, покрытая вырезанными на ней знаками и зажата между двумя защитными пластинами прозрачного плаза. Иблис установил камень на подиуме.

– Фрагмент этого рунического камня был поднят на поверхность земли на одной из заброшенных планет около двух столетий назад, но оставался непереуверенным. *До сегодняшнего дня.*

Заинтригованная аудитория смолкла. Муньоза Чен, на которую перестали обращать внимание, нерешительно потопталась, а потом неловко прошла на свое место, забыв даже официально снять свой вопрос.

– Эти письмена были написаны давно умершим пророком на языке, известном под названием муадру, и навеки высечены в твердом камне. Эти слова, пришедшие к нам из далекого прошлого, были, как полагают, написаны на Земле, матери человечества. – Иблис повернул голову и посмотрел на одетого в желтую накидку монаха, сидевшего возле емкости с древним живым мозгом. – Когитор Квина, которая оказала неоценимую помощь в переводе этих арха-



ичных рунических символов, помогла мне понять их смысл. Квина, не откажете ли вы и теперь в своем руководстве?

Монах нерешительно встал и пронес украшенную емкость к золотому столу на возвышении. Иблис почувствовал священный трепет, оказавшись рядом с этим выдающимся умом. Одетый в желтую накидку монах застыл в ожидании.

Чувствуя прилив сил и уверенности от близости Квины, Иблис провел кончиком пальца по строчкам рун. Люди в зале продолжали хранить полную тишину, с головой погружившись в то, что начал читать Иблис, отчетливо произнося странные шелкающие согласные и распевные слоги. Странные звуки гулко отдавались под сводами величественного зала, оказывая магическое действие на собрание.

Когда Иблис делал паузы, служитель когитора прижимал ладонь к выпуклой стенке емкости и медленно опускал палец в голубоватую жидкость. Пользуясь этой связью, монах переводил слова муадру отчужденным нездешним голосом, звучащим как эхо давно прошедших тысячелетий.

Рунический камень, говорил монах, поврежден в каком-то древнем катаклизме, поверхность его обожжена, на ней остались трещины и выбоины. В некоторых фразах недостает слов, но остальные, уцелевшие части, повествуют о страшной древней войне, в которой множество людей нашли мученическую ужасную смерть. Наконец, монах произнес: «Как сказал древний пророк: пройдет тысячелетие бедствий, прежде чем наш народ отыщет дорогу в рай».

Дождавшись этого момента, Иблис вспыхнул ослепительной улыбкой и воскликнул:

– Разве вам не ясно? Свободное человечество в течение целого тысячелетия было вынуждено влачить существование в рабстве у кимеков и их хозяев – машин. Разве вы не видите? Время наших бедствий окончено – если только мы сами захотим этого.

Голубоватая электрожидкость вспучилась, и монах передал собранию слова Квины:

– Плита с рунами не содержит всего пророчества. Оно неполное.

Но Иблис продолжал настаивать на своем:

– Мы всегда должны смело смотреть в лицо как опасностям, так и *обещаниям* неизведанного. Одна из наших боевых групп отправилась на IV Анбус, чтобы отразить последнее нашествие машин – но и этого недостаточно. Мы, свободные люди, должны действовать энергично и захватить все Синхронизированные Миры, чтобы освободить поработанное роботами человечество. Только на этом пути закончатся наши несчастья и беды, как утверждает в руническом пророчестве. Как и было предсказано, миновала тысяча лет. *Теперь* должны мы встать на путь, ведущий в рай, и смести с дороги мыслящие машины. Я призываю к увеличению сил джихада, к строительству дополнительных боевых кораблей и призыву преданных солдат, чтобы возобновить атаку на Омниуса.

Жидкость в емкости забурлила с новой силой.

– Это еще миллионы мертвецов, – перевел монах.

– И миллионы новых героев! – Иблис повысил голос, лицо его горело. – Как говорит мудрая Квина, этот фрагмент – единственное, что у нас есть. Итак, как подобает людям, мы должны избрать наилучшую интерпретацию пророчества. Хватит ли у нас мужества заплатить цену, достаточную для исполнения предсказания?

Резко, не дожидаясь, когда Квина выскажет еще одно возражение, Великий патриарх поблагодарил когитора и ее служителя. Иблис искренне почитал женщину-философа, но, к великому его сожалению, Квина слишком много времени посвятила изучению противоречивых и исключаящих друг друга философских систем и размышлений, оторвавшись от всякого понимания реальностей джихада.

У Иблиса же была вполне конкретная практическая цель. Его охваченной восторгом аудитории не было никакого дела до философских тонкостей.

Голос Великого патриарха загремел под сводами зала, меняя в нужных местах свою тональность:

– Наша победа оплачивается человеческой кровью. Маленький сын Серены Батлер уже заплатил эту цену, как и миллионы доблестных солдат джихада. Конечная победа не только стоит таких жертв, она прямо их *требует*. Мы не смеем даже думать о поражении. Само наше существование зависит от победы.

Люди в зале согласно склонили головы. Иблис запечатлел на лице сдержанную улыбку удовлетворения. Хотя монах, сидевший возле емкости, хранил молчание, Великий патриарх чувствовал, что даже Квина не может не поддерживать его. Никто не мог противостоять его словам, его убежденности, его страсти. В глазах Иблиса сверкнули слезы признательности, скупые слезы, но они ясно показывали, насколько близки сердцу Иблиса Гинджо беды человечества.

\* \* \*

*Можно сравнить этот новый джихад с процессом редактирования. Мы вычеркиваем то, что уничтожает нас как людей.*

*Когитор Квина. Архивы Города Интроспекции*

Невинное дитя в своей чистоте и целомудренности безмятежно вкушало вечный мир в безупречной формы хрустальном гробу. Словно искра, заключенная в стеклянном колпаке, Манион Батлер был отчужден от всего, что творилось в мире его именем. И сама Серена – вместе со своим мертвым сыном – стала затворницей Города Интроспекции.

Как и много раз за прошедшие годы, она с видом одновременно блаженным и суровым преклонила колени на каменной плите перед гробницей. Преданные Серене люди уже давно перестали предлагать добровольной затворнице поставить скамейку, на которой можно было бы удобно сидеть и молиться за ребенка. И вот уже на протяжении двадцати четырех лет Серена, смиренно стоя на коленях перед хрустальным саркофагом, предается своим мыслям, воспоминаниям и кошмарам.

Манион, лежащий в гробу, выглядит таким безмятежным, таким защищенным. Милое личико ребенка было изуродовано, а хрупкие косточки сломаны, когда чудовищный Эразм сбросил его с балкона, но Иблис Гинджо позаботился о том, чтобы косметологи восстановили прежний облик мальчика. Сын лежал в гробу таким, каким Серена хотела его помнить. Да, верный Иблис сделал все, что было возможно, ничего не упустив.

Будь Манион жив, он сейчас превратился бы в молодого взрослого аристократа; он мог бы уже жениться и иметь своих детей. Глядя на прекрасное личико ребенка, она думала о том, чего бы он достиг, если бы не мыслящие машины, носители зла.

Но вместо этого невинное дитя породило джихад, стремительно пронесшийся по звездным системам, пылающую человеческую революцию на Синхронизированных Мирах, безумно дерзкую атаку против кораблей роботов и всех инкарнаций Омниуса. Миллиарды людей уже приняли смерть в этой священной войне. Должно быть, и Эразм был уничтожен во время атомной бомбардировки. Но компьютерный всемирный разум сохранил свою власть над остальными мирами, и люди не имели права ослаблять бдительность.

Боль утраты не проходила с годами. Душа Серены была потрясена гибелью сына. Медитация на его могиле успокаивала и давала силы продолжать дело руководства джихадом. Эта могила, где покоилось тело Маниона, служила местом поклонения только для Серены и немногих избранных, преданных ей ближайших соратников.

На Салузе Секундус и других планетах Лиги были устроены другие святилища и мемориалы. Некоторые из них были убраны живописными изображениями или снимками обожеств-

ленного младенца, принесенного в жертву агнца, хотя ни один из художников никогда не видел ребенка при жизни. В некоторых святилищах находились фрагменты одежды и даже микроскопические пробы клеток Маниона. Хотя Серена сомневалась в аутентичности таких святилищ, она не просила ликвидировать их. Вера и преданность людей куда важнее совершенной точности.

После того как Армия джихада не смогла сбросить власть машин на планете Бела Тегейзе и когда мыслящие роботы атаковали Салузу Секундус – и были отброшены прочь, – Иблис убедил Серену не распылять свои силы и не подвергать себя риску ради такой бессмысленной политической деятельности, как утверждение торговых соглашений и ничего не значащих законов. Теперь Серена появлялась на публике только по исключительно важным поводам. Иблис твердил, что человечество утратит волю к борьбе, если его не будет вдохновлять Серена Батлер. И теперь Серена произносила пламенные речи, и люди шли жертвовать своими жизнями за правое дело, за *нее*.

Однако, несмотря на все предосторожности, предпринятые Иблисом, когда Серена отправилась спустя год после принятия сана временного вице-короля выступать в парламент, на ее жизнь было организовано покушение. Неудачливый заговорщик был убит, и начальник джипола Йорек Турр раскрыл необычную машинную технологию, скрытую за внешностью нападавшего. Впервые Лига столкнулась лицом к лицу с реальностью существования шпионов Омниуса – людей-изменников, – проникших на планеты Лиги.

На фоне всеобщего волнения мало кто мог представить себе, что способно толкнуть человеческое существо на добровольное служение мыслящим машинам, не знающим морали. Однако Иблис обратился к огромной толпе, собравшейся на мемориальной площади в Зимии, со словами:

– Я лично видел рабов, воспитанных в Синхронизированном Мире, – не секрет, что и мы с примеро Ворианом Атрейдесом подверглись промывке мозгов и служили Омниусу. Другие, охваченные жадностью и эгоизмом, соблазнялись привлекательным вознаграждением – обещанием тела неокимека, получением в собственность рабов и даже целых планет. Мы должны всегда помнить об этом и быть бдительными.

Именно опасаясь шпионов мыслящих машин, живущих среди людей на всех планетах, Иблис сформировал джипол – бдительную стражу, которая контролировала и отслеживала все происходившее на планетах в поисках признаков подозрительного поведения.

После попытки покушения Серена поспешно удалилась в Город Интроспекции, где с целью обеспечения большей безопасности жила в еще более строгой изоляции, чем раньше.

Старое здание было выстроено несколько веков назад. В основу идеи его строительства легли споры вокруг буддизма, закончившиеся изгнанием дзенсуннитских и дзеншиитских рабов – до исхода на Несоюзные планеты, отсутствующие на звездных картах, эти рабы оставили на Салузе Секундус сотни лет каторжного своего труда. Теперь же последователи различных расколотых вероучений приезжали сюда изучать древние писания, религиозные учения и философские трактаты. Ученые анализировали все формы солидных, освященных веками учений: от таинственных рунических надписей муадру, разбросанных по многим планетам Вселенной, включая необитаемые, до смутных навахристианских преданий Поритрина и Чусука, хайку Дзен Хекиганышу на планете Дельта Павлина III и альтернативных толкований сутр Корана в дзенсуннитских и дзеншиитских сектах. Вариации этих учений были так же многочисленны и разнообразны, как человеческие сообщества, разбросанные по бесчисленным планетам...

Серена услышала тихий хруст гравия под ногами подходившего человека. Она оглянулась и увидела мать. Настоятельница сопровождали три молодые женщины с горящими глазами, одетые в белые накидки с алой каймой, словно края их окунули в кровь. Стражницы были высоки и мускулисты и хранили на лицах выражение каменного спокойствия. Головы их

были покрыты уборами из тонкой кольчужного плетения сетки. У каждой из них над левой бровью была нарисована эмблема джихада.

Четырнадцать лет назад, когда начальник джиопола впервые раскрыл тайный заговор сторонников Омниуса против Серены, Иблис учредил особую женскую гвардию для защиты Жрицы джихада. Серафимы Серены были похожи на амазонок и девственных весталок одновременно. Этих женщин, которые должны были удовлетворять все нужды Серены, лично отбирал и назначал сам Великий патриарх.

Ливия Батлер шла быстро, немного опередив трех ангелов-хранителей. Серена поднялась с колен, отошла от гробницы и, подчиняясь формальному этикету, поцеловала пожилую женщину в щеку.

Снежно-белые волосы Ливии были коротко острижены, одета она была в длинное кремовое платье простого покроя. На лице навсегда запечатлелись следы трагедий и переживаний. После смерти брата Серены Фредо их мать удалилась из имения Батлер, ища уединения и Божьей мудрости. Долгое время пробыв супругой бывшего вице-короля, эта достойная женщина до сих пор проявляла живейший интерес к политике и текущим событиям. Ее больше интересовали фактические следствия джихада, а не эзотерические и моральные вопросы, которые были главными для когитора Квины.

Сейчас лицо пожилой женщины выражало глубокую озабоченность.

– Я только сейчас прослушала речь Великого патриарха, Серена. Ты знаешь, что он снова бросает в бой Армию джихада, начиная еще более кровопролитные операции?

Ливия через плечо оглянулась на трех ангелов-хранителей, застывших, словно статуи, вблизи каменной плиты перед гробницей. Серена жестом велела им отойти. Они подчинились, но не покинули пределов гробницы, оставаясь в пределах слышимости. Серена хорошо знала двух ангелов, но третья была новенькой, только что окончившей курс сурового обучения.

Серена ответила на вопрос матери давно усвоенными и хорошо всем знакомыми словами:

– Жертвы необходимы для достижения полной нашей победы, мама. Мой джихад пылал два десятка лет, но недостаточно ярко. Такое неустойчивое равновесие не может длиться вечно, и потому нам надо удвоить усилия.

Губы Ливии сложились в тонкую линию – правда, она не выразила сильного неодобрения.

– Я слышала, как Великий патриарх приводил те же доводы, практически теми же словами.

– А почему нет? – Лавандовые глаза Серены сверкнули. – У Иблиса цели те же, что и у меня. Я – Жрица джихада; политические игры, борьба за власть – это все меня не касается. Что ты ставишь под сомнение: мои суждения или мою преданность делу свободного человечества?

Ливия ответила, не повышая голоса:

– Никто не сомневается в твоих мотивах, Серена. Твое сердце чисто, но безжалостно.

– Машины сами убили мою способность к любви. Робот Эразм ее у меня отнял. Навсегда.

Лицо Ливии опечалилось; она подошла к дочери и обняла ее за плечи. Серафимы напряглись, руки их скользнули под одежду, где было спрятано оружие. Мать и дочь будто этого и не заметили.

– Дитя мое, человеческая любовь – это неисчерпаемый источник. Не важно, сколько раз приходится ее тратить, не важно, крадут ли ее или отнимают, но она всегда может вырасти вновь, как прекрасный цветок из луковицы, и наполнить твое опустевшее сердце.

Серена, склонив голову, продолжала слушать утешающие слова матери.

– Завтра день рождения Окты. Ее и... Фредо. Я тоже потеряла сына, Серена, поэтому я знаю, что чувствуешь ты. Конечно, твой брат погиб совсем по-другому, – поспешила добавить Ливия.

– Да, мама, и ты после этого удалилась в Город Интроспекции. Ты должна понимать меня лучше других.

– Я и понимаю, но я не позволила своему сердцу превратиться в камень, я не позволила умереть переполнявшей меня любви. Я предана твоему отцу, Окте, тебе. Пойдем со мной, ты увидишь, как подросли ее дочери. У тебя же есть две племянницы.

– Ксавьера не будет?

Ливия нахмурилась.

– Он воюет с машинами на IV Анбус. Ты забыла, что сама послала его туда?

Серена рассеянно кивнула.

– Он уехал так давно. Думаю, он очень хотел бы приехать на праздник к Окте. – Она подняла голову. – Но дело джихада должно быть выше всех наших личных дел. Мы сделали свой выбор, и мы до сих пор живы только благодаря этому.

Не скрывая печали, Ливия ответила:

– Не упрекай его за женитьбу на твоей сестре. Нельзя все время жалеть о том, что произошло. Этого уже нельзя изменить.

– Конечно, я хотела бы, чтобы все произошло по-другому, но может быть, чтобы побудить к действию род человеческий, было необходимо мое страдание. Иначе мы никогда не оглянулись бы в гневе и не сбросили оковы мыслящих машин. – Она покачала головой. – Я больше не ревную Ксавьера к Окте и не упрекаю его. Да, я когда-то любила его, он стал отцом Маниона, но тогда я была еще девчонкой. Глупой и мечтательной. В свете последующих событий все теперь кажется такой... мелочью.

Ливия укоризненно произнесла:

– Любовь никогда не бывает мелочью, Серена, если даже ты не хочешь этого признать.

Голос Серены стал необычайно тихим – совсем не тот сильный и страстный голос, каким она обращалась с призывами к огромным толпам.

– Боюсь, мама, что ране в моей душе мало будет одной жизни, чтобы затянуться.

Ливия взяла дочь под руку, чтобы увести ее:

– И все же, дочь моя, только эта жизнь тебе отпущена.

Внезапно Серена заметила резкое движение – что-то белое там, где стояли три серафима. Одна из охранниц, выкрикнув что-то, бросилась на новенькую, которая с головокружительной скоростью метнулась к Серене. В руке ее серебристо блеснул длинный кинжал.

Мать, резко прижавшись к Серене всем телом, сшибла ее наземь. Падая, Серена услышала шелест материи и kloкочущий звук, увидела струю густеющей на лету крови и почти одновременно ощутила сильный толчок. Ливия упала сверху, прикрыв дочь своим телом.

Третья девушка-серафим бросилась к бегущей новенькой, схватила предательницу за золотую сетку и резко запрокинула ее голову назад. Раздался сухой треск сломанного позвоночника.

Хотя мать все еще лежала на Серене, закрывая ее своим телом, она все же успела рассмотреть, что на накидке одной из телохранительниц расплывается алое пятно, как на таблице Роршаха, и это было отнюдь не пурпурное украшение белой одежды. Геройски отличившаяся девушка, единственная из трех оставшаяся в живых, отдышавшись, произнесла с трудом:

– Угроза нейтрализована, Жрица.

Охранница перевела дух и взяла себя в руки. Лицо ее снова стало бесстрастной маской.

Дрожа всем телом, Ливия встала на ноги и помогла дочери подняться. Серена была поражена, увидев, что две ее охранницы лежат мертвые: самоотверженная защитница с перерезанным горлом и другая – со сломанной шеей. Предательница.

– Она из наемных убийц? – спросила Серена, глядя на женщину, лежащую с вывернутой под неестественным углом шеей.

– Как она проникла на курсы стражниц? – спросила Ливия.

Уцелевшая девушка-серафим сказала:



– Жрица, мы должны укрыть вас в безопасном месте, в здании. Может быть, готовится еще одно покушение на вашу жизнь.

Уже прозвучал сигнал тревоги, вокруг появилось множество девушек-телохранителей в белой форме. Они тщательно прочесывали окрестность, выискивая угрозу. Серена почувствовала, что у нее подгибаются ставшие ватными колени. Вместе с матерью она в поисках убежища поспешила к ближайшему большому зданию.

Она глянула на молодую женщину в белой накидке, спасшую ей жизнь. Золотая сетка сползла с волос в пылу борьбы; стали видны короткие светлые волосы.

– Нирием? Тебя так зовут?

– Да, Жрица. – Девушка поправила капюшон.

– С этого момента я назначаю тебя начальником моей охраны. Пусть Великий патриарх направит сюда лучшего офицера джипола для проведения расследования, – приказала Серена, едва отдышавшись от быстрого бега.

– Слушаюсь, Жрица.

Случай серьезный; Иблис будет вынужден заняться им лично. Может быть, он заменит весь состав охраны... за исключением Нирием. Расследование Серена решила полностью доверить Иблису. Пока еще ей трудно было даже поверить, что такое могло произойти.

Ливия повела дочь под надежные своды главного здания святилища, старинного замка с сохранившимися куполами и башнями.

– Ты всегда знала об этой угрозе, дочь. Машины вездесущи.

Глаза Серены были сухи, лицо бесстрастно, когда она ответила:

– И они никогда не перестанут плести заговоры против нас.

\* \* \*

*Срока человеческой жизни не всегда хватает на то, чтобы достигнуть величия. Чтобы обойти эту трудность, некоторые из нас вырвали для себя более длительный срок.*

*Генерал Агамемнон. Воспоминания*

Злейшие враги человечества собрались на Коррине, главном из Синхронизированных Миров, – кимеки, роботы и сам Омниус – всемирный компьютерный разум.

К этому времени в живых остались только четверо из прежних двадцати титанов. Тысячу лет назад, из страха смерти, эти тираны поместили свой мозг в бронированные цилиндры, чтобы их мышление, сознание и души стали вечными. Но на протяжении долгих и бурных столетий они все же время от времени погибали либо от несчастных случаев, либо их намеренно убивали. Во время последних восстаний погибли Барбаросса и Аякс.

Генерал Агамемнон, вождь титанов, возвратил человечеству этот долг сполна, в тысячекратном размере, убив неисчислимое множество людей. Он давил их и оставлял гнить под открытым небом или громоздил кучи тел, сжигая их потом смертоносными лучами. Его подруга и возлюбленная Юнона помогала готовить ужасающие планы возмездия.

Есть очень много способов убивать людишек.

Кимек Данте, лишенный амбиций, но талантливый бюрократ, служил общему делу в меру своих сил – он был незаметен, но и незаменим. Трус Ксеркс, по вине которого Омниус когда-то сумел вырвать власть из рук тиранов, все еще глупо полагал, что сможет вернуть себе былое уважение.

Титаны прибыли на Коррин в четырех специально сконструированных кораблях. Рычаги манипуляторов корабля Агамемнона извлекли из гнезда емкость с его мозгом и переместили ее в специальное ходильное устройство. Проводящие стержни соединили мозг с механическими

двигательными системами, и Агамемнон несколько раз согнул и разогнул паучьи конечности, прежде чем выйти из корабля под кроваво-красное небо зловещей планеты. Юнона, Данте и Ксеркс вылезли из своих кораблей и последовали за своим вождем к роскошной вилле Эразма, в точности похожей на виллу, которую сровняла с землей Армада Лиги во время нападения на Землю.

Эразм воображал себя культурным созданием, чтящим былую славу человечества. Свое грандиозное поместье он построил по образу и подобию чудесно украшенных исторических дворцов, хотя местность и ландшафт Коррина требовали некоторых модификаций, включая устройство диффузионных приспособлений, чтобы люди-рабы не отравились потоками ядовитых грунтовых газов.

Изначально Коррин представлял собой мертвую, насквозь промерзшую каменистую планету, но когда солнце этой системы вступило в стадию красного гиганта, оно сожгло внутренние планеты, ближайшие к звезде, и согрело Коррин, где начали таять льды. В те времена Старая Империя еще сохранила способность к вспышкам гения и не утратила амбиций. Отважные пионеры преобразовали Коррин, засадив его травами и деревьями и заселив его фауной и колонистами.

Но этой колонии не удалось просуществовать даже тот короткий срок, что отпущен красным гигантам. Теперь под красными небесами правили машины, а мрачное око раздувшегося солнца равнодушно взидало на грязные загоны для рабов.

Кимеки прошествовали на виллу через ворота из специально обработанного металла, дуги и петли которого сплетались в красивый причудливый узор. Пышные выющиеся растения, местами взрывающиеся ярко-алыми цветами, покрывали стены и открытые решетчатые потолки. Воздух наверняка был тяжелым от цветочных ароматов. Агамемнон порадовался, что не принял ходячую форму, обладающую всеми органами чувств. Меньше всего ему сейчас надо было нюхать цветочки.

Эразм, блистая искусственной улыбкой на лице из флюометалла, вышел навстречу высоким гостям во внутренний двор. Независимый робот был одет в фатоватый костюм, отороченный плюшем – в подражание одежде древних земных королей.

– Добро пожаловать, коллеги. Мне стоило бы предложить вам перекусить, но подозреваю, что это был бы пустой жест в отношении машин с человеческим мозгом.

– Мы приехали сюда не на праздничный вечер, – ответил Агамемнон. Ксеркс же, напротив, всегда жалел о том, что не может насладиться вкусной едой: будучи человеком, он слыл неисправимым гедонистом. Теперь же он издал неслышный механический вздох и принялся восхищенно осматривать поместье.

На стенах висели наблюдательные экраны Омниуса, а в помещениях плавали его наблюдательные камеры, похожие на механических шмелей. Хотя центральный узел всемирного разума на Коррине находился в другом месте, в Центральной Вышке города, Омниус видел все глазами мириадом наблюдателей и слышал любой самый тихий шепот. Агамемнон давно привык к этому, и хотя такой надзор раздражал, с ним ничего нельзя было поделать – пока Агамемнон не сбросит Омниуса с трона.

– Мы должны обсудить планы военных действий против неразумного человечества, – прогудел под сводами зала голос Омниуса, подобный гласу вездесущего и всемогущего бога.

Агамемнон уменьшил чувствительность своих слуховых датчиков, и громоподобные команды Омниуса превратились в едва слышный писк.

– Господин Омниус, я готов продолжить нападения на хретгиров. Нужно только ваше согласие.

– Генерал Агамемнон уже много лет отстаивает такой образ действий, – с излишним энтузиазмом вступил в разговор Ксеркс. – Он всегда говорил, что свободное человечество – это мина замедленного действия. Он всегда предупреждал, что, если мы не станем расправ-

ляться с хретгирами, их брожение рано или поздно достигнет точки кипения и они причинят великий вред – как это было на Земле, на Бела Тегейзе и в Колонии Перидот, а недавно еще и на Тиндалле.

Генерал кимеков едва сдержал раздражение:

– Омниус знаком с содержанием всех наших предыдущих бесед, Ксеркс. Знает он и о наших битвах с людьми.

Раздался рассудительный голос Эразма:

– Поскольку мы не получили данных о последних мыслях и решениях земного Омниуса, постольку мы не можем точно знать, что именно происходило на Земле в те дни. Эта информация для нас навсегда потеряна.

– Мы не нуждаемся в конкретных деталях, – парировал Агамемнон. – Я команду войсками вот уже тысячу лет. Я вел в бой армии людей и армии роботов. Я организовал разгром Старой Империи.

– И вы были верным воином и слугой Омниуса в течение столетий, – добавил Эразм.

Титану показалось, что в голосе робота проскользнули нотки сарказма.

– Это верно, – вмешалась в разговор Юнона, чтобы не дать Агамемнону наговорить резкостей. – Титаны всегда были ценными союзниками и помощниками Омниуса.

– Наша первейшая задача – не допустить повторения таких восстаний на других Синхронизированных Мирах, – назидательно произнес Омниус.

– Статистически это маловероятно, – заметил Данте. – Ваши наблюдательные камеры непрерывно следят за населением. Ни один раб отныне не будет иметь возможность сплотить угнетенных, как это случилось с доверенным человеком Иблисом Гинджо.

– Я лично возглавлял походы неокимеков и уничтожал очаги мятежей, – объявил Ксеркс, выступив вперед. – У непокорных никогда больше не будет точки опоры.

Эразм принялся вышагивать по двору. Отороченная мехом одежда живописно развевалась.

– К несчастью, такие репрессивные меры лишь усиливают недовольство. Армия джихада посылает на наши планеты агентов-provокаторов. Они занимаются разлагающей пропагандой среди рабов, ремесленников и даже среди наших доверенных людей. Они привозят с собой записи речей Серены Батлер, которую они называют Жрицей джихада. – При этих словах флуометаллическое лицо робота приняло страдальчески-томное выражение. – Для них она красива и убедительна, настоящая богиня. Когда они слушают слова Серены, то разве не теряют они способность сопротивляться ее чарам? Они последуют за ней, если даже это грозит им смертью.

– У наших доверенных людей есть все, что они могут хотеть, – проворчал Агамемнон, – и тем не менее они все равно ее слушают. *Как мой сын, глупец Вориан.* Лучшим решением в уничтожении этой раковой опухоли я считаю уничтожение каждой вспышки недовольства, когда таковая возникает. Со временем мы искореним всех недовольных... или будем вынуждены истребить все это докучливое человечество раз и навсегда. Оба решения представляются мне приемлемыми.

– Откуда прикажете начать, господин Омниус? – верноподданнически спросил Ксеркс.

– Случаи саботажа и прямого неповиновения особенно сильно участились на Иксе, – вмешался Эразм. – Местность по большей части превращена в полезный промышленный ландшафт, но мятежники скрываются в сети пещер в твердой коре планеты. Они прячутся там, словно термиты, и наносят удары по нашим слабым местам.

– У нас не должно быть слабых мест, – возразил Агамемнон.

– Не должно быть также и мятежников, учитывая, что я усовершенствовал эффективность планетарных сетей, – заговорил Омниус. – Эти беспорядки породили множество про-

блем, и я хотел бы проверить все возможности. Может быть, попытка уничтожить мятежников не стоит прилагаемых усилий. Быть может, нам стоит просто прекратить сражаться с ними.

Агамемнон не смог удержать гнева:

– И позволить им победить? После всего, чего нам удалось добиться и совершить за тысячу лет?

– Что значит какая-то тысяча лет? – спросил Омниус. – У нас, мыслящих машин, есть альтернативы, которых лишены человеческие существа. Наши тела могут приспособиться к условиям, смертельным для биологических форм жизни. Если я просто покину миры, инфицированные хреттирами, то смогу эксплуатировать безвоздушные луны и каменистые безжизненные планеты. Мыслящие машины смогут там процветать и вести экспансию Синхронизированных Миров без таких неудобств.

Такое предложение удивило даже Эразма.

– Когда-то у людей была поговорка, господин Омниус: «Лучше царствовать в аду, чем служить на небесах».

– Я никому не служу. Я просто анализирую соотношение наибольшей выгоды с наименьшей стоимостью и наименьшим риском. Согласно моим расчетам, мы никогда не сможем до конца усмирить наших рабов – людей. Если исключить полное искоренение вида – а оно потребует очень больших затрат, – то люди всегда будут представлять угрозу саботажа и потери сырьевых материалов.

Агамемнон пылко возразил:

– Господин Омниус, разве это победа – распоряжаться территориями, на которые никто не претендует? Покинув все планеты, которыми когда-то правили, вы признаете свое поражение. Вы станете королем непоследовательности. Это безумие.

Омниус сохранил полную невозмутимость.

– Я заинтересован в экспансии и эффективности, а не в грандиозных архаичных идеях. Пропаганда Серены Батлер заставила меня задуматься о целесообразности прежних основ правления. Я не знаю, как взять под контроль поток неточной внешней информации. Почему рабы верят утверждениям, не подкрепленным данными?

Эразм ответил:

– Дело в том, что люди обладают склонностью верить в то, во что они хотят верить. Они доверяют *чувству*, а не доказательству. Обратите внимание на их суетливую манию преследования: они заглядывают за каждую занавеску, в каждый темный угол из страха, что в их среде присутствуют бесчисленные шпионы машин. Я понимаю, что нам удалось заслать на планеты, контролируемые Лигой, несколько наших доверенных людей, но охваченные манией преследования люди убеждают самих себя, что все их соседи являются тайными союзниками Омниуса. Такие безосновательные страхи приносят вред прежде всего самим людям.

Юнона хихикнула, а Ксеркс издал презрительный смешок по поводу легковерия и слабости хреттиров.

– Давайте вернемся к нашим проблемам, – произнес Агамемнон, царапнув острой металлической ногой брусчатку двора. – Можно упрекнуть Эразма в том, что по его вине случился тот разрушительный мятеж. Его эксперименты создали условия для вспыхнувшего на Земле восстания.

Эразм обернулся к могущественному кимеку.

– Без последних данных от земного Омниуса, генерал, в этом нет полной уверенности. Однако и вы сами не слишком-то безупречны. Один из самых выдающихся воинов джихада – ваш сын Вориан Атрейдес.

Агамемнон едва не зашипел от злобы. Он всегда помнил, какие надежды возлагал на своего тринадцатого, последнего сына, помнил, что убил двенадцать предыдущих детей, обнаружив у них серьезные дефекты. Но теперь вся ценная сперма Агамемнона, хранившаяся на

Земле, была уничтожена атомным ударом. Агамемнон поэтому очень болезненно воспринимал нападки на свою семью.

Вориан был его последней надеждой, но оказался причиной его несмываемого позора.

Снова заговорил Омниус:

– Для каждого, кто хочет считать себя виноватым, всегда найдется достаточно вины. Мне совершенно неинтересны эти несущественные отвлечения.

– Господин Омниус, в течение многих столетий мы, титаны, стремились уничтожить дикое человечество. – Голос Юоны был глубоким, а тон неискренним. – Но так и не получили на это разрешения.

– Возможно, это изменится, – ответил всемирный разум.

– Сейчас мой сын во главе Армии джихада находится на IV Анбус, где отвлекает на себя значительную часть флота машин. Позвольте мне возглавить боевую группу кимеков, и я укрошу своего непокорного отпрыска.

Омниус выразил согласие:

– Битва у IV Анбус требует больших затрат времени и энергии. Я ожидал там легкой победы. Проследите, чтобы все так и случилось, генерал Агамемнон. Пошлите также одного из своих титанов на Икс, чтобы подавить и там очаги сопротивления. Устраните обе проблемы – быстро и эффективно.

– Я выражаю желание отправиться на Икс, господин Омниус, – сказал Ксеркс. Вероятно, он решил, что уничтожить несколько неорганизованных повстанцев легче и безопаснее, чем противостоять Армии джихада. – Естественно, если получу для этого подходящую военную поддержку. Я хотел бы взять с собой в качестве генерала Беовульфа...

– Беовульф пойдет с нами, – заявил Агамемнон – просто чтобы возразить Ксерксу.

Беовульф был одним из первых кимеков нового поколения, созданный Барбароссой спустя столетие, когда компьютерный всемирный разум подчинил себе титанов. Будучи человеком, Беовульф сотрудничал с кимеками, был начальником вспомогательной армии на второй степенной планете. При этом он продемонстрировал выдающиеся способности и был в полном восторге, когда ему представилась возможность самому стать кимеком.

На самом деле генералу титанов был вовсе не нужен Беовульф, но он был рад, что рядом с ним не будет трусливого Ксеркса. Вместе с Юоной и Данте он наберет достаточно неокимеков и целую армию роботов, чтобы усилить группировку, уже находящуюся у IV Анбус. Но даже такой грозной силе будет трудно нанести поражение Вориану Атрейдесу.

Агамемнон хорошо воспитал своего сына.

\* \* \*

*Есть одно обстоятельство, когда аналитические способности мыслящих машин их подводят, – они убеждены, что у них нет слабостей.*

*Примеро Вориан Атрейдес. «Нет всемирному разуму»*

Пролетая над местом высадки противника на поверхность IV Анбус, флот джихада сбросил на него россыпь разрывных снарядов. Наблюдая на экранах сканеров своей баллисты, что творится с авангардом роботов, юный Вергиль Тантор издал радостный боевой клич. Роботы крутились волчком, падали на свои металлические колени, их гелевая схематика забивалась шумами.

Возвратившись на свой корабль из Даритса, Ксавьер Харконнен переоделся в новенький ало-зеленый мундир с впечатляющими знаками различия примеро. После переговоров с упрямыми дзеншитскими старейшинами его до сих пор мучило тошнотворное чувство. И сей-



час, отправив на поверхность планеты очередную диверсионную группу, он снова ощутил себя настоящим боевым офицером.

Десантный корабль, набитый гинацскими наемниками – лучшими бойцами, которых можно было нанять за деньги, – спланировал к базовому лагерю машин. Со всех сторон лагерь начали обрабатывать лучевыми мечами, противозлектронными бомбами и огнеметами. Профессиональным солдатам Зона Норета потребовалось меньше часа на уничтожение наполовину укомплектованной базы до последнего строения и до последнего робота. Машины не ожидали такого стремительного и ошеломляющего натиска.

Стоя на мостике своего флагмана, Ксавьер не мог сдержать довольной улыбки.

– Мы отбросили противника, но даже минуты не стоит думать, что это его остановит.

Вориан подошел к другу.

– Поскольку им не хватает ума понять, когда надо сдаваться, придется им объяснить.

Склонившись над документами и картами в аналитическом отсеке на борту флагмана, штабисты Армии джихада изучали расположение сил машин, чтобы понять план Омниуса. Очевидно, несмотря на полное уничтожение плацдарма, машины все же планировали высадиться и начать военные действия на суше превосходящими силами, что наверняка позволило бы им захватить планету.

В боевой рубке два примера рассматривали на карте наиболее вероятный путь сил вторжения. Ксавьер ждал, что скажет его темноволосый друг.

– Ты здесь видишь какой-нибудь смысл? Что хотят сделать машины?

Вориан откинул со лба непослушную прядь волос.

– Как почти во всем, машины поступают просто и ясно. Они будут наступать, пользуясь превосходством в силах, без тактических тонкостей.

Поджав губы, он указал на предполагаемые маршруты наступления, выданные аналитиками штаба.

– Смотри: огневой мощи флота роботов хватит, чтобы снести все дзеншиитские города на планете. Проще простого. Но похоже, что Омниус хочет сохранить инфраструктуру Даритса и других городов и использовать их как опорные пункты для создания полноценного Синхронизированного Мира. Инфраструктура эта примитивна по сравнению с тем, что построили бы они сами, но роботы сумеют ее приспособить.

Ксавьер мрачно взглянул на Вориана.

– И это потребует больше работы, чем просто размолоть здешние города в мелкую пыль.

– Конечно, если выйдет слишком долго, они вернутся к первоначальному плану. Мне думается, что у нас не так уж много времени. Мы их здесь и так надолго задержали.

Ксавьер провел пальцем по извилистым ущельям на изображении планеты:

– Если боевые роботы будут превосходящими наземными силами брать Даритс, гидроэлектростанцию и сеть связи, то наверняка машины двинутся вот по этому каньону. Проникнув в город под скалой, они превратят его в обычную копию Омниуса.

Он вернулся к столу и снова склонился над картой.

– Так что ты предлагаешь, Вориан? Даже имея под командой таких вояк, как гинацские наемники, мы не выстоим против полновесного натиска роботов. У нас бойцы – не расходный материал.

– С Омниусом нам нельзя драться лоб в лоб. Надо будет устроить что-нибудь *хитрое*, – улыбаясь, сказал Вориан. – Чтобы начисто сбить с толку эти мыслящие машины.

– Да? Что-то вроде твоей сумасшедшей идеи насчет строительства теневого флота на Поритрине? Что-то мне до сих пор не верится, что из этого что-нибудь выйдет.

В ответ Вориан лишь усмехнулся. Он предпочитал бить роботов с помощью военных хитростей, побеждать их изворотливостью ума, а не тупой прямолинейной силой, и не потому

что считал этот путь более действенным, но из желания по возможности уменьшить людские потери.

– Значит, так. У меня есть план, Ксавьер, и я уже почти закончил создание нужного компьютерного вируса, каким мы поразим боевые корабли противника. Я займусь кораблями роботов в космосе, а ты их наземными базами.

– Интересно, как мне это удастся без «решающего превосходства в силах»?

У Вориана был ответ и на этот вопрос:

– Отправь нашему флоту приказ убрать с планеты наши силы. Укажи такую причину: мы считаем, что мыслящие машины атакуют нас из космоса.

У Ксавьера было такое озадаченное лицо, что другой примеро едва не расхохотался:

– Машины не настолько тупы, чтобы поверить в это, Вориан. Даже робот способен распознать такой наивный обман.

– Ничего подобного, они попадутся на удочку, если ты тщательно закодируешь приказ. Используй самый сложный математический шифр. Роботы его расколют, ручаюсь тебе. И они поверят тому, что услышат.

– Твой отец сильно извратил твой ум, – произнес Ксавьер, покачав головой. – Но я рад, что ты обратил его на службу джихада. Если мы не сможем их остановить и они установят здесь базу Омниуса... – Напряженная поза Харконнена говорила, что он физически чувствует тяжесть решения на своих плечах. – Я так скажу: скорее я сровню с землей все строения IV Анбус, чем допущу такое поражение. Само существование Лиги Благородных поставлено на карту. – Ксавьер вздохнул и потер виски. – И почему этот Ренгалид не хочет с нами сотрудничать? Мы могли бы спасти его народ и одновременно достичь своих целей.

Вориан сочувственно улыбнулся другу.

– Дзеншииты повсюду видят врагов, но не способны распознавать друзей.

Он пытался встать на буддизмскую точку зрения, разыгрывая роль адвоката дьявола перед лицом непоколебимой убежденности Ксавьера, но все равно не мог отыскать логического обоснования такому странному поведению.

– Боюсь, что всему виной мое воспитание. Мена растили мыслящие машины, и я просто не понимаю сути религии.

Ксавьер оторвал взгляд от экрана с тактическими схемами и раздраженно изогнул бровь.

– Мы не можем позволить себе роскоши «понимания», Вориан. Такие тонкие материи – для политиков в теплых кабинетах, а не для офицеров на поле битвы. Выбор местных дзеншиитов может пагубно отразиться на судьбе всего человечества. Насколько я хотел бы оставить их на произвол судьбы, настолько же я не могу этого допустить. IV Анбус не должен стать очередной ступенью для Омниуса.

Вориан хлопнул друга по плечу. Какое счастье, что ему никогда не приходилось испытывать характер этого человека с каменным лицом за игровым столом.

– Ты крепкий орешек, Ксавьер Харконнен.

– Таким меня сделал джихад Серены Батлер.

Тщательно изучив обстановку по картам, Ксавьер выбрал в качестве своих баз два дзеншиитских городка, имевших стратегическое значение. Эти ничем не примечательные населенные пункты представляли собой превосходные позиции для войск Армии джихада – здесь можно было устроить великолепную засаду для машин, которые неминуемо пойдут к Даритсу этим путем. По приказу Ксавьера на планету были спущены самые мощные артиллерийские орудия и ракетные установки для размещения в выбранных городах.

Терсеро Вергиль Тантор – к его великой радости и гордости – был назначен командовать войсками, расположенными в городе, которому предстояло встретить первый натиск машин. В часы отдыха на борту флагманского корабля, играя на скорую руку с Ворианом Атрейдесом в

геральдические карты, Вергиль часто жаловался, что сводный брат не доверяет ему ответственных заданий. Однако на этот раз темноволосый кареглазый юноша не отставал от Ксавьера до тех пор, пока тот не поставил его во главе первой засады на вероятном пути движения машин.

– Вергиль, в этих дзеншиитских городах есть все для успешного удара по роботам. Не забудь, чему тебя учили на уроках тактики.

– Да, Ксавьер.

– Найди узкое место, где ты сможешь, не подвергая своих людей ненужной опасности, нанести мощный удар. Бей, не жалея сил и снарядов, а потом быстро отступи. Терсеро Крег и его войска во втором городке сметут уцелевших роботов.

– Я все понял.

– Мы также посылаем гинацских наемников для уничтожения роботов на второстепенных направлениях, – добавил Вориан и коротко хмыкнул. – Пусть разомнутся, а то засиделись на орбите, притворяясь, будто угрожают кораблям машин.

– И вот что еще, – в голосе Ксавьера зазвучали стальные ноты, – побереги себя. Твой отец усыновил меня, когда машины убили моих родителей. Я не хочу приносить им дурные вести.

Отправляясь к месту назначения, Вергиль надеялся, что местные жители окажут ему радушный прием. Прибыв на место, он осмотрелся, стараясь уловить настроение горожан. Дзеншииты, в большинстве своем крестьяне и солевары, молча стояли у дверей своих домов, не скрывая недовольства. На их поля один за другим приземлялись транспортные суда, откуда высаживались солдаты Армии джихада и гинацские наемники. Инженеры, артиллеристы и ракетчики принялись выгружать установки, в то время как разведчики рассыпались по местности в поисках выгодных позиций.

Вергиль выступил вперед и заговорил, стараясь проявлять спокойствие и дружелюбие:

– Мы не причиним вам никакого вреда. Мы пришли, чтобы защитить вас от машин, которые идут сюда.

Крестьяне смотрели на него с упрямым недоверием. Один из них, мужчина с мрачным лицом, сказал:

– Ренгалид сказал, что мы не хотим вас видеть. Уходите.

– Мне очень жаль, но у меня есть приказ.

Вергиль послал людей в поселок, чтобы осмотреть дома. Напутствуя солдат, он сказал:

– Ни в коем случае ничего не трогать, никакого насилия. Постарайтесь отыскать пустующие строения. Надо как можно меньше стеснять местных жителей.

Какая-то старуха слала громкие проклятия на голову воинов джихада. Родители уводили детей в дома и запирали их за толстыми стенами, словно боясь, что инженеры Вергилия украдут их под покровом ночи.

На лице угрюмого крестьянина появилось выражение вынужденного смирения.

– А если мы не захотим предоставить вам ночлег?

Вергиль знал, что ответить.

– Тогда мы поставим палатки. Но мы все же очень надеемся на вашу помощь и ваше гостеприимство. Когда настанет утро, вы увидите, что вам грозит опасность куда большая, чем наше появление. Тогда вы будете рады, что мы здесь.

Дзеншииты не выказали восторга, но и мешать не стали.

Ожидалось, что машины пойдут к Даритсу по узкому глубокому каньону. Разведка доложила, что передовые отряды роботов уже находятся на плато, как и предполагал примеро Атрейдес.

Инженеры изо всех сил старались не оставлять следов своей работы. Тяжелые орудия разместили в пустующих строениях и замаскировали. Вергилию не пришлось выгонять селян на улицу.

Нашлось и несколько стоявших близко друг к другу пустых домов, где Вергиль расположил на ночь своих солдат. Когда Вергиль спросил, что случилось с хозяевами пустых жилищ, местные жители лишь испуганно хмурились. Наконец один бородатый крестьянин ответил:

– Несколько месяцев назад их похитили работорговцы-тлулаксы. Они увезли все семьи до последнего человека. – Бородач протянул руку в сторону нескольких покинутых домов.

– Мне очень жаль... – Вергиль не знал, что еще сказать.

С наступлением темноты он связался с терсеро Хонду Крегом, занявшим второй городок. Обменявшись информацией, они выяснили, что обе засады готовы. Терсеро Крег тоже жаловался на негостеприимность местных жителей, но попыток мешать они тоже не делали.

Вергиль и его люди были очень удивлены, когда после последней инспекции позиций они вдруг увидели направляющуюся к ним группу из нескольких местных крестьян, несущих кувшины и бутылки. Встревожившись, но надеясь на лучшее, Вергиль вышел вперед. В руках говорившего с ним ранее крестьянина был кувшин, а пришедшая вместе с мужем женщина достала из сумки несколько плоских мелких чашек.

– Сутры Корана велят нам проявлять гостеприимство по отношению к любому, даже незваному гостю.

С этими словами крестьянин плеснул в чашку светло-оранжевую жидкость.

– Мы не хотим нарушать традицию.

Вергиль принял чашку, а женщина налила напиток в чашку мужа. Вергиль и дзеншиит отхлебнули из чаш, соблюдая обычай. Жидкость оказалась горьким крепким алкогольным напитком, но офицер сделал еще один глоток.

Достали чаши и другие селяне, и все бойцы выпили, чтобы не обидеть хозяев.

– Мы вам не враги, – снова начал убеждать местных жителей Вергиль. – Мы стараемся спасти вас от мыслящих машин.

Хотя, как показалось Вергилю, дзеншииты были отнюдь не убеждены в этом, он все же почувствовал, что сумел добиться хотя бы сомнения.

После окончания ритуала Вергиль приказал своим солдатам разойтись по домам и как можно лучше отдохнуть перед ожидавшейся утром атакой машин. Возле каждой артиллерийской и ракетной установки было выставлено охранение.

Засыпая, Вергиль думал о Ксавьере, перед которым он преклонялся, как перед героем. В детстве он всегда стремился во всем подражать старшему брату, мечтал, как и тот, стать офицером Армии джихада. В семнадцать лет, после трагической бойни на планете Эллам, Вергиль убедил отца подписать необходимое разрешение и записался в Армию. Десятки тысяч добровольцев, горевших чувством мести после новых жестокостей машин, стремились как можно скорее броситься в бой. Несмотря на протесты супруги, Эмиль Тантор позволил сыну вступить в Армию – отчасти из-за понимания, что если он не разрешит, то сын сбежит и так или иначе добьется своего. Теперь же он находился под неусыпным надзором и опекой Ксавьера.

После обучения Вергиль был направлен на Гайеди Прим, где участвовал в восстановлении планеты после изгнания оттуда машин. В течение многих лет старший брат не пускал младшего на фронт, отправив его на строительство мемориала павшим героям, который должны были освятить со дня на день.

На Гайеди Прим Вергиль встретил и полюбил Шилу, и они были женаты уже тринадцать лет. В семье росли трое детей – сыновья Эмилио и Джисп и дочь Улана.

Но Ксавьер не мог вечно беречь брата. Вергиль был грамотным и подготовленным офицером, а нужды армии потребовали наконец и его участия в боевых действиях. Пока самым тяжелым сражением в его жизни был захват несоюзной планеты Тиндалл. Тогда в результате массивного и неожиданного контрудара удалось вырвать измученный войной мир из цепких объятий мыслящих машин. В этих боях Вергиль отличился и получил две медали, которые отослал Шиле и детям.

Теперь же он поклялся себе, что сделает все, что в его силах, чтобы операция увенчалась успехом. Они разобьют машины и здесь, на IV Анбус, и он, Вергиль Тантор, внесет свой вклад в эту победу.

Глубокий сон окутал его, как черное непроницаемое покрывало. Позже, ближе к утру, когда машины были уже близко, он, как и остальные его бойцы, проснулся от страшной дурноты и слабости.

Когда четыре баллисты Армии джихада появились над обратной стороной планеты, машины высадили очередной десант боевых роботов. Враг извлек уроки из первой попытки занять плацдарм. Теперь силы роботов двигались быстро и умело, готовясь к утреннему наступлению. Батальоны устрашающих механических бойцов и боевых транспортеров покатились к Даритеу, оставляя пусковые установки и подстанции на каждом захваченном километре.

Ниже, в образованном осадочными породами каньоне, машины уже ждали рассыпавшиеся по местности высокооплачиваемые гинацские наемники под началом Зона Норета. Они бегом передвигались по гребням горных отрогов и по усыпанным гравием руслам рек, устраивая на пути препятствия. Направленными взрывами они обрушивали отвесные стены узких ущелий, чтобы замедлить продвижение машин, хотя роботы, обладая достаточной огневой мощностью, разносили эти завалы.

Большая часть наемников, однако, рассредоточилась на плоских равнинах, на дне высохших водоемов, где они устанавливали мины для уничтожения передовых отрядов наступающих роботов. Каждый гинацкий наемник был одет в специальный жилет – генератор защитного поля Хольцмана, окружавшего бойца невидимым непроницаемым барьером. Роботы полагались на стрелковое оружие, на пули и острые иглы, но поля отражали эти снаряды. Наемники отваживались даже просачиваться в боевые порядки роботов и вступали с ними в рукопашные схватки.

Зон Норет давал каждому бойцу четкую инструкцию.

– Ваше дело – не уничтожать врага, хотя это, конечно, в высшей степени приветствуется.

Улыбнувшись, он добавлял:

– Ваша задача – своими неумелыми действиями заманить противника в ловушку и заставить его без оглядки наступать. Дразните их, провоцируйте, убедите их в том, что местные жители решили сопротивляться оккупации. Мы хорошо умеем это делать.

Хорошо продуманное, неэффективное сопротивление должно было усыпить бдительность мыслящих машин, заставить их поверить в то, что людям нечего противопоставить наступлению роботов. Вольные бойцы Норета должны были прикинуться неумелыми вояками.

Роботы рванулись вперед, подстегиваемые своей внутренней программой.

Когда первые лучи света брызнули из-за скальных гребней, Вергиль, шатаясь, брел вдоль стены дома, где провел ночь. Дом вонял рвотой и испражнениями. Чувствуя, что их предали, многие солдаты стонали, покачиваясь, выбирались из дома и корчились от рвотных позывов, едва держась на ногах. Вергиль беспомощно моргал глазами, не в силах сдержать приступ кашля. Местные жители вышли из домов, самодовольно разглядывая больных солдат.

Вергиль с трудом выдохнул:

– Вы... *отравили* нас!

– Это пройдет, – ответил бородатый крестьянин. – Мы же предупреждали вас. Чужаки нам не нужны. Мы не хотим участвовать в вашей войне с механическими демонами. Убирайтесь.

Офицер пошатнулся и ухватился за дверной косяк, чтобы сохранить равновесие.

– Но утром вы все погибнете! Они пришли не к нам, а к вам! Роботы... – Вергиль содрогнулся от рвотного позыва и вдруг понял, что сами деревенские приняли какое-то противоядие или лекарство.

Раздался сигнал по линии связи. Вергиль едва смог отозваться. Командиры рассредоточенных отрядов и наблюдатели сообщали, что передовые группы роботов начали движение от своих новых опорных пунктов. Гинацкие наемники уже заняли позиции вдоль пути движения машин, чтобы вернее заманить их в ловушку. Нападения машин надо ожидать с минуты на минуту.

– Машины идут! – хрипло воскликнул Вергиль, стараясь воодушевить своих людей и вывести их из оцепенения. – Все по местам!

Не обращая больше внимания на местных жителей, он вернулся в дом и принялся вытаскивать солдат на улицу. Для маскировки солдаты были переодеты в крестьянскую одежду дзеншиитов, но теперь она была насквозь пропитана потом и рвотными массами.

– Проснитесь! Встряхнитесь же! – Он потащил одного из оглушенных солдат к ближайшей замаскированной артиллерийской позиции. – На позиции! К орудиям!

С леденящим душу страхом Вергиль вдруг увидел, что бойцы охраны в судорогах корчатся возле установок. Болтаясь из стороны в сторону, словно сломанная заводная игрушка, Вергиль побежал, изо всех сил стараясь не упасть, к ближайшему дому, где располагалась пусковая ракетная установка, и принялся рассматривать тяжелое орудие. Подошел оглушенный стрелок, и Вергиль попытался включить силовую систему установки. Ничего не получалось. Вергиль протер глаза, стараясь избавиться от тумана, застилавшего взор. Прицел не работал.

Стрелок вновь проверил панель управления, потом открыл ее и издал возглас удивления и ярости:

– Кто-то порвал все провода. Установка обесточена.

Внезапно до Вергилия дошло, что такие же возгласы доносятся и из других домов, где расположились артиллеристы и ракетчики.

– Нам в спину ударили люди, которых мы хотели спасти! – в бессильной ярости вскричал он.

Эта ярость позволила Вергилию на мгновение сбросить с себя болезненное оцепенение. Вергиль, шатаясь, вышел на улицу и увидел самодовольно ухмыляющихся дзеншиитских крестьян.

– Что вы сделали? – закричал, срывая голос, офицер. – Идиоты, что вы сделали?

\* \* \*

*Будущее, прошлое и настоящее сплетены в ткань, образующую любой миг времени.*

*Из Легенды о Селиме Укротителе Червей. «Огненная поэзия» дзенсуннитов Арракиса*

Стоя у входа в большую племенную пещеру, Селим Укротитель Червей смотрел на навевающий покой океан дюн Арракиса, ожидая, когда солнце всплывет над горизонтом. Он ждал, чувствуя, как ускоряется его пульс при виде золотистого света, который подобно расплавленному металлу выливался на волнуемую пустыню – очищающий и неотвратимый, как его видения, как его жизненная миссия.

Селим приветствовал наступающий день, вдохнув полной грудью воздух – такой сухой, что в легких будто раздался тягучий скрип. Он очень любил рассвет, приходящий сразу после пробуждения от сна, полного таинственных грез и знамений. Рассвет – самое лучшее время для исполнения великих свершений.

К Селиму неслышно подошел высокий сухопарый человек, всегда знавший, где можно найти вождя в начале дня. У верного Джафара была выступающая вперед мощная челюсть, впалые щеки и синие глаза с голубыми белками – результат постоянного, из года в год, употребления специй. Лейтенант молча ждал, чувствуя, что Селим знает о его присутствии. Наконец Селим отвернулся от взошедшего солнца и взглянул на своего самого уважаемого и преданного друга и последователя.

Джафар протянул вождю небольшое блюдо.

– Я принес тебе меланж на завтрак, Селим, чтобы ты смог лучше взглянуть в разум Шай-Хулуда.

– Мы служим ему и нашему будущему, но никто не смеет понимать сокровенные мысли Шай-Хулуда. Никогда больше не повторяй этого допущения, Джафар, и ты проживешь дольше.

– Как скажешь, Укротитель Червей.

Селим взял с блюда одну вафлю – специю, смешанную с мукой и медом. Глаза его также отличались синевой, выдавая пристрастие к специи, но священный меланж поддерживал в нем энергию жизни, дарил силу даже во времена великих испытаний и лишений. Меланж открывал чудесное окно во Вселенную и посылал Селиму видения, помогая понять назначение, выбранное для него Буддаллахом. Он сам и его постоянно растущая группа изгнанников шли на зов, более мощный, чем их ничтожная земная жизнь.

– Сегодня утром будет испытание, – сказал Джафар ровным низким голосом. Новорожденное солнце высветило тайные следы, оставленные ночью в песке. – Бионди хочет испытать себя. Сегодня он попробует оседлать червя.

Селим нахмурился.

– Он еще не готов.

– Но он настаивает.

– Тогда он погибнет.

Джафар пожал плечами.

– Значит, он погибнет. Такова пустыня.

Селим испустил смиренный вздох.

– Каждый человек должен смотреть в лицо своей совести и своим испытаниям. Шай-Хулуд делает лишь последний выбор.

Селим испытывал нежные отеческие чувства к Бионди, хотя бесшабашное нетерпение молодого человека больше подходило для жизни бродяги в городском космопорту Арракиса, чем к неизменному существованию в глубине пустыни. Со временем Бионди мог стать ценным членом группы Селима, но если юноша не дорастет морально до своих способностей, то он может стать опасным для товарищей. Лучше вскрыть эту слабость сейчас, чем потом подвергнуть ненужному риску жизнь верных сподвижников Селима.

– Я буду смотреть отсюда, – сказал Селим.

Джафар кивнул и исчез.

Двадцать шесть с лишним стандартных лет прошло с тех пор, как Селима несправедливо обвинили в краже воды из хранилищ племени и он был изгнан в пустыню. Бывшие друзья Селима, поверившие наветам наиба Дхартхи, швыряли ему в лицо камни и оскорбления до тех пор, пока он не убежал в коварные дюны, чтобы быть пожранным «демоническим червем».

Но Селим был невиновен, и Буддаллах уберег его – и не из простой милости, а для свершения великой цели.

Когда явился червь, чтобы пожрать свою предполагаемую жертву, Селим сумел открыть секрет езды на нем. Шай-Хулуд увез его далеко от селения дзенсуннитов к заброшенной испытательной ботанической станции, где юноша нашел еду, питье и инструменты. Там у Селима появилось время заглянуть в себя и осознать свое истинное предназначение, свою миссию.

Из вызванного меланжем видения, почти утопая в густом красноватом облаке, поднятом взрывом специи, он понял, что должен помешать наibu Дхартхе и его паразитам собирать в пустыне специю и продавать ее чужакам с других планет. В течение многих лет, действуя в одиночку, он объехал множество лагерей добытчиков специи и, нападая на них, уничтожал собранный дзенсуннитами меланж. Он стал легендарен и удостоился титула Укротитель Червей.

Немного времени спустя он начал собирать вокруг себя группу верных.

Джафар был первым. Он пришел двадцать лет назад, отрекшись от покровительства своей родной деревни близ города Арракиса, чтобы найти человека, который умел управлять исполинскими чудовищами пустыни. Джафар был уже почти мертв, когда Селим нашел его, обезвоженного, обожженного беспощадным солнцем и умирающего от голода под головокружительно ясным небом. Уставив взор в худого, подтянутого человека, склонившегося над ним, Джафар выдохнул сквозь запекшиеся растрескавшиеся губы не просьбу дать воды – он спросил: «Ты – Укротитель Червей?»

К тому моменту Селим жил в одиночестве уже более пяти лет – он был слишком одинок, чтобы во всеоружии встретить вставшую перед ним священную миссию. Он выходил Джафара и научил его укрощать и оседлывать Шай-Хулуда. На протяжении следующих лет они собирали разрозненные группы оборванных последователей, мужчин и женщин, недовольных строгостями и несправедливостью жизни в спрятанных среди скал колониях дзенсуннитов. Селим говорил им о высокой миссии – прекращении сбора специи, и они слушали, покоренные его горящими глазами.

Согласно посещавшим Селима видениям, деятельность инопланетных купцов и дзенсуннитских сборщиков специи могла до основания потрясти хрупкий мир всей планеты. Хотя рамки времени нечетки и граница его простирается в смутное отдаленное будущее, все же распространение специи по Галактике со временем приведет к вымиранию всех червей и к кризису человеческой цивилизации. Хотя слова его пугали людей, когда они видели, как он гордо едет на гороподобной спине песчаного червя, никто не смел сомневаться в его словах и в его вере.

*Но даже я не понимаю Шай-Хулуда... Старца Пустыни.*

Будучи молодым бездельником, изгнанным из племени, Селим никогда не желал быть вождем. Но теперь, по прошествии нескольких десятилетий жизни, когда у него появилось собственное знание, когда ему приходилось принимать решения за группу своих последователей, которые зависели от него и его науки выживать, Селим Укротитель Червей превратился в уверенного в себе, умного генерала, уверовавшего в миф о собственной непогрешимости, убежденного, что он действительно является демоном пустыни. Но, невзирая на то что Селим посвятил свою жизнь спасению червей, он не ожидал, что капризный Шай-Хулуд будет выражать ему за это свою признательность...

Внезапно в пещеру с большим шумом вернулся Джафар. Селим отвернулся от окна и увидел, что друг привел с собой нового пришельца. Это была женщина. Исхудавшая, покрытая густой пылью, но в ярких глазах горел дерзкий вызов. Коротко стриженные каштановые волосы потускнели от пыли и песка. Щеки ниже глаз сгорели от солнца, но выше не было даже загара – женщине хватило ума закрыться покрывалом от невыносимо жаркого зноя пустыни. Беловатый, похожий на полумесяц шрам виднелся над левой бровью, подчеркивая диковатую красоту молодой женщины.

– Смотри, что мы нашли в пустыне, Селим.

Джафар стоял, как всегда, высокий, неподвижный и бесстрастный, но Селим уловил в его подернутых меланжевой синевой глазах смешливый блеск.

Женщина отошла от странного высокого человека, словно желая показать этим, что не нуждается в его покровительстве.



– Меня зовут Марха. Я шла одна, чтобы найти тебя. – Лицо ее вспыхнуло от неуверенности и благоговения и стало совсем юным. – Для меня большая честь встретиться с тобой, Селим Укротитель Червей.

Она подняла глаза, вздернув подбородок. Большие глаза, крупные черты лица – исхудавшего и грязного – говорили о сильном характере.

– Ты еще совсем ребенок. У нас работа тяжелая, от тебя мало будет пользы. Почему ты оставила свой народ?

– Потому что все они дураки, – отрезала девушка.

– Многие люди оказываются дураками, когда узнаешь их ближе.

– Но не я. Я пришла к вам.

Селим удивленно вскинул бровь.

– Посмотрим. – С этими словами он повернулся к Джафару: – Где вы ее нашли? Как близко она подошла к нам?

– Мы поймали ее у Игольной скалы. Она расположилась там, не зная, что мы за ней наблюдаем.

– Я бы все равно вас увидела, – упрямо произнесла девушка.

Игольная скала была расположена очень близко к поселку. Хотя это произвело впечатление на Селима, он не показал этого.

– И ты выжила в пустыне одна? Далеко ли отсюда твоя деревня?

– В восьми днях пути. У меня были еда и питье, и я ловила ящериц.

– Ты хочешь сказать, что украла в деревне еду и воду.

– Я их *заработала*.

– Сомневаюсь, что ваш наиб с этим согласится. Так что вряд ли твой народ примет тебя назад.

Глаза Мархи вспыхнули.

– Да, вряд ли. Я бежала из деревни наиба Дхартхи, как ты сам много лет назад.

Селим застыл на месте от неожиданности и принялся внимательно разглядывать девушку.

– Он все еще держит все племя в кулаке?

– Он учит нас, что ты злодей, вор и разрушитель.

Селим сухо и невесело усмехнулся.

– Лучше бы в зеркало посмотрел. Своей подлостью он сделал себя моим злейшим врагом на всю жизнь.

У Мархи был усталый вид. Было видно, что ее томит жажда, но она не жаловалась и не просила приюта. Пошарив рукой под воротником своей накидки, она извлекла оттуда проволочное кольцо с нанизанными на него металлическими жетонами.

– Жетоны специй, полученные от инопланетных купцов. Наиб Дхартха посылает нас работать в пески, соскребать специю, собирать ее для доставки торговцам, друзьям наиба в Арракисе. Я уже три года назад вступила в брачный возраст, но ни одна дзенсуннитская женщина – как и мужчина – не может взять себе супруга до тех пор, пока не наберет пятьдесят таких жетонов. Вот так наиб Дхартха измеряет наше служение племени.

Селим нахмурился, потрогал жетоны и положил их назад, в капюшон накидки.

– Он обман жадностью и ложной надеждой на легкую жизнь.

С этими словами Селим отвернулся и посмотрел на пустыню. Сощурившись от яркого света, он разглядывал четыре человеческие фигуры, вышедшие из нижних пещер. Люди шли в открытую пустыню, одетые в камуфляжные куртки и накидки, лица были обернуты тканью для предупреждения потери влаги.

Самым маленьким был Бионди, готовый к испытанию.

Марха вопросительно взглянула на Селима, потом на его друга. Джафар начал объяснять:

– Селим Укротитель Червей получает вести от Шай-Хулуда. Бог послал нас прекратить насилие над пустыней, остановить сбор специи, остановить торговлю, которая может направить историю по катастрофическому пути. Это огромная, почти непосильная задача для нашей маленькой общины. Собирая меланж, ты тоже помогала нашим врагам.

Молодая женщина вызываясь тряхнула головой.

– Покинув их, я помогла вашему делу.

Селим, обернувшись, перевел взгляд с полулунного шрама на горящие стремлением глаза. Он увидел в них решимость, но не мог судить об истинных мотивах женщины.

– Зачем ты пришла сюда, в мир тяжких трудов и лишений, а не бежала в Арракис, чтобы поступить на работу на купеческий корабль?

Казалось, девушку удивил вопрос.

– А как *ты* думаешь, почему?

– Потому что ты доверяешь чужеземцам не больше, чем своему собственному вождю.

Она снова вскинула подбородок.

– Я хочу научиться ездить на червях. Только ты можешь научить меня этому.

– Почему я должен это сделать?

Желание девушки пересилило неуверенность.

– Я думала, что если я смогу найти сама ваше убежище в пустыне, то вы примете меня.

Селим изогнул бровь.

– Это только первый этап.

– Самый легкий, – добавил Джафар.

– Каждому шагу свое время, Марха. Пока ты все сделала хорошо. Немногим удастся так близко подобраться к Игольной скале до того, как их обнаружат наши наблюдатели. Некоторых мы отправляем домой. Снабдив их на дорогу водой и пищей. Есть и такие, которые безнадежно блуждают по пескам и умирают, даже не зная, что мы смотрим на них.

– Вы безучастно смотрите, как они гибнут?

Джафар пожал плечами.

– Это пустыня. Те, кто не может здесь выжить, бесполезны.

– Я не бесполезна. Я умею хорошо владеть ножом... в схватках я убила одного противника и ранила другого. – Она коснулась пальцем шрама над бровью. – Этот удар мне нанес один мужчина в космопорту. Он пытался меня изнасиловать. Я же оставила ему шрам от одного края живота до другого.

Селим извлек из-под накидки молочно-белый кристаллический кинжал и поднял его так, чтобы женщина его видела.

– Оседлавшие червя носят такие кинжалы, они сделаны из священного зуба Шай-Хулуда. От восторга глаза Мархи вспыхнули.

– Ах, что я могла бы сделать, будь у меня такое отличное оружие!

Джафар рассмеялся.

– Многие бы хотели иметь его, но такой кинжал надо заслужить.

– Что надо для этого сделать?

Услышав ритмичный барабанный бой в пустыне, Селим повернулся к окну.

– Прежде чем принимать такое пылкое решение, девочка, посмотри, что тебя ждет на этом пути.

– Меня зовут Марха. Я уже давно выросла.

Для юных деревенских жителей Арракиса Селим был чарующей фигурой, бесстрашным героем. Многие пытались подражать ему и стать укротителями червей, хотя он всегда пытался отговорить их, предупреждая об опасности. У самого Селима, когда ему явилось видение от Буддаллаха, не было иного выбора. Но у молодых он был.

Однако редко кто из юношей слушал мудрых советов. Они лелеяли несбыточные надежды, преисполняясь самоуверенности, что обычно и приводило их к гибели. Но те, кто выживал, получали величайший урок на всю оставшуюся жизнь.

Над гребнями дюн гулко разносилось эхо ритмичных ударов. Почти все наблюдатели покинули пески, укрывшись в надежном убежище в скалах. Бионди, оставшись в полном одиночестве, сидел на гребне дюны, избранной им для испытания. У него было все необходимое: конденсирующий воду костюм, специально разработанный Селимом и его последователями для дальних путешествий в открытой пустыне. И посохи, крюки и веревка, зажатая между колен. Он упорно бил в барабан, призывая червя.

Марха шагнула вперед и встала рядом с Селимом, словно не могла до конца поверить в то, что стоит рядом с легендарным героем, о котором в пустыне слагают мифы.

– Червь придет? И этот человек поедет на нем?

– Посмотрим, как это ему удастся, – ответил Селим. – Но Шай-Хулуд придет. Он всегда приходит.

Селим первым заметил признаки приближения червя и указал на них молодой женщине. За четверть века он забыл уже, сколько раз вызывал червя, взбирался на его покрытую твердыми кольцами спину и направлял это чудовище туда, куда желал.

Бионди уже два раза ездил на черве, но оба раза в сопровождении инструктора, который делал за него все необходимое. Юноша тоже делал все правильно, но еще очень многого не умел. Ему бы очень помог хотя бы еще один месяц учения.

Селим надеялся, что ему не придется терять еще одного последователя, но, как бы то ни было, судьба Бионди была теперь только в его собственных руках.

Новичок бил в барабан намного дольше, чем следовало. Он не заметил приближения червя вовремя и увидел его, только посмотрев на восток и приметив мерцающие волны, пробегающие по пескам. Он собрался с силами и встал на ноги, случайно ударив барабан, который от толчка покатился вниз по склону дюны.

У подножия барабан стукнулся о камень и издал резкий вибрирующий звук. Приближающийся червь слегка изменил направление, и Бионди пришлось резко повернуться, чтобы в последний момент встать в нужное положение. Песчаный червь вынырнул на поверхность совершенно неожиданно, взметнув клубы пыли и приминая дюны.

Селим как замороженный смотрел на это величественное зрелище, благоговейно шепча имя Шай-Хулуда.

Казавшийся отсюда крохотной фигуркой рядом с приближающимся чудовищем, Бионди приготовил снаряжение и ждал, напрягая мышцы.

Марха, охваченная инстинктивным страхом, отпрянула от окна, но Селим, сжав ее плечо, заставил женщину смотреть.

В последний момент у Бионди не выдержали нервы. Вместо того чтобы оставаться на месте, он бросился бежать. Но ни один человек не может обогнать Шай-Хулуда в песках.

Червь заглотил свою жертву вместе с массой песка и мелкой пыли. Селим едва успел разглядеть маленькую человеческую фигурку, исчезающую в бездонной глотке червя.

Марха от ужаса застыла на месте. Джафар покачал головой, опустив голову в знак печального разочарования.

Селим покачал головой, как мудрец, который по уму намного старше своих лет.

– Шай-Хулуд счел соискателя недостойным. – С этими словами он обернулся к Мархе. – Теперь ты видела опасность. Не лучше ли тебе вернуться в деревню и вымолить прощение у наиба Дхартхи?

– Напротив, мне кажется, что у тебя освободилось место для нового последователя. – Она вперила горящий взгляд в пески. – Я все равно хочу научиться ездить на черве.

\* \* \*

*Стойкость. Вера. Терпение. Надежда.  
Вот ключевые слова нашего существования.  
Молитва дзенсуннитов*

Дорогостоящие, но бессмысленные строительные работы на Поритрине требовали огромного труда и непомерного количества рабочей силы, то есть рабов.

Исмаил изнемогал в дыму, искрах, невыносимой жаре и неумолчном грохоте литейного цеха верфи. Вместе с другими рабами, промокший от пота, вымазанный в саже и машинном масле, он делал свою работу, стараясь не привлекать к себе ненужного внимания. Таков был способ выживания, усвоенный дзенсуннитами, способ более или менее комфортно чувствовать себя под гнетом поритринских рабовладельцев.

Вечерами, вернувшись в казарму буддистамских рабов, Исмаил возглавлял молитвы и побуждал своих собратьев не терять веру. Он оказался самым ученым дзенсуннитом из всех, помнил больше всех сутр и притч. В результате товарищи смотрели на него как на своего духовного наставника, хотя сам он казался себе заблудшим.

В душе Исмаил твердо знал, что наступит день, когда их пленение кончится, но теперь у него не было уверенности, что это случится при его жизни. Ему уже тридцать четыре года. Сколько еще можно ждать, когда Бог освободит свой народ?

В конце концов, может быть, прав был Алиид...

Исмаил прикрыл глаза, прочитал короткую молитву и тут же вернулся к работе. В воздухе висел грохот металла и шипение лазерных сварочных аппаратов.

К югу от столицы страны, Старды, река Исана распадалась на многочисленные рукава дельты, образуя острова, разделенные глубокими судоходными каналами. Баржи везли руду из далеких северных шахт к югу, к промышленным центрам.

В последние полгода по предложению примеро Армии джихада Вориана Атрейдеса савант Тио Хольцман с благословения лорда Нико Бладда сосредоточил под своим началом огромную массу рабов, собранных со всего континента. Полномасштабный проект потребовал мобилизации всех трудовых ресурсов Поритрина. Более тысячи рабочих были брошены в промышленную островную зону. Испускающие вонь и грохот заводы перерабатывали сырье в огромные детали звездолетов, в корпуса и двигатели, которые поднимали в открытый космос и собирали новые боевые корабли.

Рабам никто ничего не стал объяснять. Каждый из них выполнял свое задание подобно рабочему муравью, а надсмотрщики с высоких площадок наблюдали за правильной работой человеческого муравейника.

Для Исмаила это была просто очередная грязная и тяжелая работа. За прошедшие пять лет ему довелось поработать на тростниковых плантациях, в шахтах и на заводах в Старде и за ее пределами. Фанатичные дзеншииты и менее радикальные дзенсунниты непрестанно трудились, подгоняемые хозяевами, ради удовлетворения растущих потребностей галактической войны Серены Батлер.

Когда Исмаил был еще мальчиком, на его родную деревню на планете Хармонтеп напали пираты-работоторговцы. Налетчики похищали здоровых дзенсуннитов, чтобы потом заставить их работать на планетах Лиги, где допускалось рабство. За прошедшие двадцать лет Поритрин стал для Исмаила родиной – столько же домом, сколько и тюрьмой. Здесь пролетела большая часть его жизни.

Так как Исмаил не проявлял неповиновения, то по достижении совершеннолетия ему разрешили взять жену. В конце концов, поритринские рабовладельцы желали сохранения и

приумножения своего живого богатства. Статистика показывала, что женатые рабы трудятся более старательно и ими легче управлять. Озза была крепкая женщина с живым характером, и Исмаил полюбил ее. Она подарила ему двух дочерей – Хамаль тринадцати лет и младшую Фалину, которой было одиннадцать. Конечно, родители не принадлежали сами себе, но по крайней мере за все эти годы их ни разу не разлучили при переводах на другие работы и в другие местности. Исмаил и сам не знал, было это признаком благоволения хозяев за хорошую работу или делом случая.

Вот теперь он здесь, в безрадостном и мрачном цехе, который из-за рыжих искр и ослепительного сияния брызжущего белого горячего металла казался похожим на Ад буддистских сутр. Шипение серного дыма, воздух, пропитанный пылью металла и обожженных руд, заставляли рабов заматывать рты почерневшими тряпками, чтобы хоть как-то дышать.

Скосив глаза, Исмаил увидел рядом потное, вечно злое и недовольное лицо своего друга детства Алиида, которого Исмаил лишь недавно после долгого перерыва встретил здесь, на верфи. В присутствии всегда готового взорваться дерзостью Алиида Исмаилу было неуютно, беспокойно, но давняя дружба – это была одна из немногих нитей, за которую могли держаться рабы.

Еще в детстве Алиид вечно ввязывался в истории, нарушая правила, ломая вещи и устраивая мелкие пакости. Исмаил был его другом и вместе с Алиидом терпел наказания и переводы на более тяжелую работу. Когда они стали подростками, их разлучили, и они не виделись почти восемнадцать лет.

Но грандиозный проект Тио Хольцмана в литейных и кузнечных цехах собрал великое множество рабов, и Исмаил снова встретился с Алиидом.

Сейчас в диком грохоте молотов и в шипении электродов Исмаил вел сварочный аппарат вдоль шва, соединяющего пластины корпуса. За прошедшие годы мышцы Исмаила стали мощными и бугристыми, как, впрочем, и у Алиида. Одет он был в грязные лохмотья, но худые щеки, подбородок и шею тщательно брил. У Алиида длинные черные волосы скреплялись застёжкой в хвост. И густая черная борода у него была в точности как у Бела Моулая, пытавшегося поднять рабов на восстание, когда оба они были еще мальчишками.

Исмаил подошел к другу и помог ему установить на место тяжелый металлический лист. Алиид включил аппарат раньше, чем Исмаил успел проверить правильность соединения. Алиид знал, что работает небрежно, но поритринские аристократы и надсмотрщики никогда не наказывали и даже не ругали рабов за такую работу. Над планетой, в открытом космосе продолжали, несмотря ни на что, собирать все новые и новые звездолеты. Десятки оцетинившихся оружием боевых кораблей теснились на орбите, как охотничьи псы, готовые сорваться с поводка.

– Ты допуски-то соблюдаешь? – осторожно спросил Исмаил. – Из-за неплотного шва могут погибнуть тысячи космонавтов.

Алиида это не тронуло ни в малейшей степени – он продолжал водить аппарат над металлом. Потом сдернул с лица грязную прокопченную повязку и Исмаил увидел его злобную улыбку.

– Я извинюсь перед ними, услышав их стенания из Ада, куда отправятся все злые люди. И вообще если они не проверяют компоненты на орбите, то пусть дышат вакуумом.

Исмаил сохранял относительно стабильное место работы и долгое время выполнял одни и те же поручения, получая возможность хлебнуть немного счастья в своей семейной жизни, Алиида же переводили с места на место десятки раз. Перекрикивая грохот цеха, Алиид рассказал Исмаилу о своей страстно любимой жене и о маленьком сыне, которого он теперь едва помнил. Десять лет назад надсмотрщик поймал Алиида, когда тот сыпал соль в топливный бак дробильной машины. В наказание его перевели на работы в другое полушарие Поритрина.

С тех пор Алиид ни разу не видел своей жены и ни разу не держал на руках сына. Нет ничего удивительного, что он преисполнился горечи и злобы. Но хотя Алиид понимал, что сам накликнул на себя несчастье, он не желал слышать увещаний Исмаила. Для него во всем виноват был только и исключительно народ Поритрина. Почему, собственно, его, Алииду, должна интересовать судьба экипажей этих кораблей?

Странно, что и мастеров с надсмотрщиками качество вроде бы тоже не очень интересовало. Как будто важно, чтобы корабли собирались *быстро*, и не важно, будут ли они работоспособными. Или безопасными.

Исмаил вернулся к работе. Не стоит вникать в детали и проблемы, которые могут возбудить гнев надсмотрщиков. Нескончаемые часы и годы рабства легче переносятся, если свои истинные чувства и мысли будешь прятать глубоко в душе. По ночам, читая сутры своим товарищам дзенсуннитам, он вспоминал жизнь на Хармонтепе, вспоминал, как его дед нараспев читал те же самые сутры Писания...

Внезапно раздался удар гонга, обычно возвещавшего окончание работы, в шумном цехе стало светлее – включили более мощный свет. Последние искры, как рыжие звездочки, упали на пол, а машины были на блоках подтянуты к потолку. Слова из громкоговорителей гулко и неразборчиво отдавались в огромном цехе. Вдоль периметра цеха по боковым галереям прошли одетые в форму надзиратели, расставляя рабов по местам.

– Лорд Нико Бладд дарит всем людям Поритрина, даже рабам, этот час отдохновения и созерцания для того, чтобы вспомнить славную победу цивилизации над варварством и порядка над хаосом.

Шипение и грохот в очистительных и сборочных цехах постепенно стихли. Рабы прекратили разговоры и напряженно вперились в громкоговорители. Надсмотрщики стояли на высоких платформах, следя за тем, чтобы рабы внимательно слушали, что им скажут.

Теперь из динамиков раздалась более отчетливая запись речи лорда Бладда.

– Двадцать четыре года назад мои славные драгуны положили конец разнузданному и противозаконному мятежу преступника Бела Моулая. Этот человек смутил разум наших трудолюбивых рабов, соблазнил их безумными посулами, заманив их в безнадежную, бессмысленную битву. К счастью, наша цивилизация оказалась в силах восстановить власть и правление закона.

Сегодня исполняется очередная годовщина казни этого безумного злодея. Мы празднуем триумф поритринского общества и Лиги Благородных. Все мы, невзирая на различия, должны оставить распри ради борьбы против общего врага – мыслящих машин.

Лицо Алииду исказилось, он с трудом сдерживал вспышку ярости. Исмаил понимал, что в эти минуты думает его друг. Буддистамские рабы, трудясь в военной промышленности, вносили свой вклад в вооруженную борьбу с Омниусом. Однако для пленников как поритринские рабовладельцы, так и машины были в равной степени демонами, хотя и разного сорта.

– Сегодня мы приглашаем каждого поритринского гражданина принять участие в пирах и празднествах. С плотов на реке будут запускать небесные цветы и картины. Рабы тоже смогут насладиться этим зрелищем, но при условии, что они не будут покидать свои кварталы. Совместный труд, объединение наших усилий гарантируют победу Поритрина над Омниусом и свободу от мыслящих машин. Пусть никто не смеет забывать о могуществе рода человеческого.

Выступление закончилось, и надсмотрщики бешено зааплодировали, однако рабы выражали свою радость весьма сдержанно. Алиид еще больше помрачнел и надвинул на лицо черную повязку. Исмаил сомневался, что беспечные надсмотрщики успели уловить за черной бородой и маской взгляд, исполненный лютой ненависти.

\* \* \*

Наступила ночь, и рабы вернулись в бараки, расположенные в болотистой дельте реки. Лорд Бладд начал свое расточительное и роскошное праздничное представление. В небо взлетели сотни фосфоресцирующих воздушных шаров. Над водой разносились звуки праздничной бравурной музыки. Хотя Исмаил прожил на Поритрине уже больше двадцати лет, звуки чуждой музыки резали ухо, когда он сидел в своей комнатке с Оззой и двумя дочерьми.

Поритринские аристократы внешне исповедовали терпимую буколическую навахристианскую религию, но вера их не имела ни малейшего отношения к их мирским делам. Они справляли праздники и исполняли религиозные обряды, но высший класс Поритрина не был способен делами доказать истинность своей веры. Веками экономика планеты жила на рабском труде – с тех самых пор, когда жители планеты отбросили сложную технологию, отказавшись от всего, что могло напомнить о мыслящих машинах.

Рабы умели ловить каждый счастливый момент, каждое хорошее воспоминание. Хамаль и Фалина были зачарованы праздничным зрелищем, но сам Исмаил молча сидел рядом с женой, погруженный в свои невеселые мысли. Праздник живо напомнил ему, как двадцать лет назад драгуны в раззолоченных мундирах утопили восстание в крови. Лорд Бладд распорядился, чтобы все рабы смотрели казнь, и Исмаил с Алиидом вместе с другими видели, как палачи раздели Бела Моулая донага и разрубили на части. Восстание вселило было в рабов надежду, но гибель неистового вождя сокрушила их дух и оставила незаживающую рану в сердцах.

Позже Исмаил с другими рабами собрались вместе, чтобы почтить память павшего Бела Моулая. Пришел и Алиид, желая побыть в компании своего друга Исмаила и разделить с ним память о трагических событиях, оставивших неизгладимый отпечаток на их детстве.

Алиид стоял рядом с Оззой, переминаясь с ноги на ногу, пока Исмаил читал знакомые сутры с обещанием рая и свободы. Рабы не замечали далеких звуков музыки, пушечных выстрелов и хлопков фейерверка. Наконец Исмаил обратился к слушателям со словами, которые он повторял очень часто – пожалуй, даже, слишком часто:

– Бог обещает, что настанет день, когда народ наш станет свободным. – В темных глазах Алиида полыхал невидимый лесной пожар. Голос его был тих, но ясен, и этот голос заставил Исмаила поежиться от кипящей угрозы в словах друга. – Я клянусь вам – день нашего мщения настанет.

\* \* \*

*Изобретение есть род искусства.  
Тео Хольцман. Речь на церемонии вручения медали за доблесть*

Пока на Поритрине в лихорадочном темпе строились эскадры новых боевых кораблей, савант Хольцман работал на Салузе Секундус. Легендарный изобретатель стоял посреди лаборатории в одной из самых секретных зон, нетерпеливо похлопывал себя по бедру и недовольно хмурился. То была маска, которую он надевал, когда хотел показать окружающим, что занят важным делом.

Это правительственное здание за бронированными стенами и проволокой высокого напряжения, питающейся независимо от электросети Зимии, можно было считать абсолютно безопасным. Теоретически говоря, заложник Омниус был полностью изолирован.

Но сама лаборатория была устроена совсем не так, как хотелось бы Хольцману. Он предпочел бы иметь собственные диагностические инструменты, аналитические системы, а самое

главное, своих рабов, чтобы было кого обвинить, если бы работу постигла неудача. Маленького роста, пожилой человек с седой бородой, каким был теперь Хольцман, весьма гордился своей способностью распоряжаться наличными ресурсами. Савант был на сто процентов уверен, что может давать военным ученым Армии джихада весьма ценные советы. Если не хватало слов, Хольцман мог бы направить разработку своим многочисленным ассистентам на Поритрине, которые всегда умели произвести на него впечатление.

Из-за прозрачных непроницаемых барьеров безопасности за каждым движением Хольцмана следили государственные официальные наблюдатели, среди которых была и когитор Квина. Ее снова забрали из уединения Города Интроспекции, оторвав от тихих размышлений. Даже сквозь защитные барьеры Хольцман почти физически ощущал гнев и страх наблюдателей.

Перед ученым плавала в воздухе блестящая серебристая геле-сфера, вращающаяся в невидимом поддерживающем поле. Это воплощение всемирного разума было сейчас в полной власти Хольцмана. Когда-то он испытывал сильный страх от столь зловещей близости, но теперь величайший враг рода человеческого выглядел сущей мелочью, детской игрушкой. Вся сфера могла без труда поместиться на ладони.

Гель-сфера содержала полную копию компьютерного всемирного разума, хотя и немного модифицированную. Во время атомной бомбардировки Земли в самом начале джихада Вориан Атрейдес сумел перехватить уходивший корабль противника с этой обновленной копией. В течение многих лет этот «пленник» Лиги позволял заглядывать в планы и действия мыслящих машин.

Программа всемирного компьютерного разума была скопирована, расчленена и исследована опытными кибернетиками Лиги. Поначалу было решено, что данные подозрительны, возможно, даже намеренно искажены Омниусом, хотя предполагалось, что такой обман невозможен для компьютерного разума.

Армия джихада провела несколько военных операций, основываясь на данных, полученных из копии всемирного разума. Когда началось наступление на облачную планету Бела Тегейзе, все подробности системы обороны Омниуса были получены от пленной копии. Однако тогда предприятие закончилось не вполне удачно.

Теперь, спустя двадцать три года, в течение которых копия не модернизировалась, содержащиеся в ней разведанные сильно устарели. Пленная копия Омниуса не предупредила о нападении роботов на Зимию – хотя это второе нападение было успешно отражено примеро Ксавьером Харконненом, – как и не дала никаких сведений о готовящемся налете на Хонру, где роботы устроили бойню среди беззащитных колонистов. Однако эта копия всемирного разума была все же небесполезной.

Задумчиво поглаживая густую гриву волос, Хольцман внимательно рассматривал вращавшийся в воздухе серебристый шар. *Несмотря на все его недостатки, этот экземпляр все же может давать нам ключи. Надо просто правильно их интерпретировать.*

«Эразм часто хвалил бесконечную глубину и неисчерпаемость творческих способностей человека, – вещал из встроенного в сферу громкоговорителя утомленный синтезированный голос, – но твоё расследование стало просто скучным. Неужели за все эти годы ты не получил от меня все, что твой мелкий разум оказался способным понять?»

Хольцман сунул руку в карман белого рабочего халата.

– Я пришел не развлекать тебя, Омниус. Совсем нет.

Ученый общался с этой копией Омниуса много лет, но никогда раньше это общение не было столь интенсивным. Правда, за последние недели все усилия оказались тщетными, никакого прорыва не намечалось, несмотря на прошлые успехи Хольцмана. Он от души надеялся, что не загнал себя в угол, обещая оправдать возложенные на него нереальные надежды.



Ему вспомнилось, как все начиналось. Четверть века назад он взял на работу юное дарование – Норму Ценва. Низкорослая и некрасивая девочка пятнадцати лет, какой она была тогда, Норма казалась гадким утенком в сравнении с поразительно красивой матерью, всемогущей россакской колдуньей. Однако Хольцман не поленился почитать работы девушки и понял, что она обладает незаурядным научным потенциалом.

Норма не разочаровала ученого. Во всяком случае, сначала. Она очень прилежно работала, выдавая проекты и схемы – одна причудливее другой. Высокоэффективные комбинированные защитные поля, окружавшие целые планеты, были его изобретением, но Норма предложила проект более портативных полей, которые с успехом применяли в наступательных операциях против Синхронизированных Миров. Уравнение полей Хольцмана Норма применила также для создания широко применяемых ныне гравиплатформ и для плавучих светосфэр, которые никогда не теряли яркости. Но это были забавные игрушки, пустячки – хотя и весьма популярные и исключительно прибыльные.

В это же время Хольцман и его патрон и благодетель лорд Нико Бладд разработали и внедрили в производство коммерческие индивидуальные защитные поля, которые приносили доход Поритрину с той быстротой, с какой корабли Лиги могли доставить сообщение о переводе денег со счетов Центрального банка. К сожалению, коммерческая эксплуатация плавучих светосфер ускользнула из их рук. Норма Ценва просто передала технологию своему другу Аврелию Венпорту, который производил их на своих предприятиях «ВенКи» и самостоятельно продавал.

Однако гравипоплавки и светосферы наивной женщины были созданы ею, когда она работала под его крылом и использовала выведенные им уравнения. Лорд Бладд уже направил жалобу в Суд Лиги с требованием возмещения доходов, которые корпорация «ВенКи» получила от незаконного использования его, Хольцмана, технологии. Сомнений в выигрыше предстоящего процесса у него не было.

Теперь, глядя на плавающую в воздухе серебристую сферу, словно волшебник, пытающийся разгадать заклятие, Хольцман думал, что бы стала делать Норма Ценва, окажись она сейчас здесь. Игнорируя его советы, Норма потратила годы и годы на преобразования большого массива уравнений, выведенных ею в процессе ее собственной работы. Она не вдавалась в подробности и не объясняла саванту суть своих математических изысканий, считая, видимо, что ученый не способен их понять. Такое оскорбление раздражало, но Хольцман все же воспользовался этими уравнениями. Несмотря на некоторый вклад в военные усилия, Норма все же сосредоточилась на каких-то второстепенных направлениях; короче, она стала бесполезной обузой для Тио Хольцмана.

Проявив незаурядное терпение, савант в конце концов освободился от чар, которыми когда-то опутала его Норма Ценва. Он постепенно, сообразно обстоятельствам и имея довольно ограниченный выбор, начал освобождать Норму от участия во многих других проектах и принялся искать других помощников – блестящих молодых изобретателей, горевших желанием совершить великое революционное открытие. Теперь Тио Хольцман отдавал предпочтение этой старательной, амбициозной, но одновременно весьма лояльной интеллектуальной команде. Хольцман выселил Ценва из своей главной лаборатории в башне, переместив в отдаленные лаборатории близ доков. Казалось, сама Норма не придавала этому никакого значения.

Но сейчас саванту было бы очень интересно, смогла ли бы Норма сказать что-нибудь ценное относительно Омниуса.

Гель-сфера выглядела как вращающаяся в воздухе металлическая планета, отражающая искусственный свет. Многочисленные нити информации, содержащейся во всемирном разуме, расходились в невообразимом множестве направлений, а невероятно сложный разум искусственного интеллекта не поддавался полноценному исследованию.

Но великому Тио Хольцману надо было во что бы то ни стало добиться хоть какого-то результата. Любой ценой, так или иначе.

Улыбнувшись, он извлек из кармана миниатюрный передатчик. *Открытие прячется здесь, на более глубоком уровне. Я убежден в этом.*

– Это всего лишь слабый импульс моего комбинаторного генератора. Но я знаю, что для твоих контуров и цепей он может стать катастрофическим. Может быть, это сделает тебя более сговорчивым.

– Я понял тебя. Эразм говорил мне и о том, что люди весьма склонны к пыткам.

В синтезированном голосе вдруг зазвучали помехи.

Из отсека наблюдателей раздался другой голос, голос посредника когитора Квины, говорившего от ее имени:

– Это может привести к непоправимым повреждениям, савант Хольцман.

– Но это может дать нам очень важные ответы, – упрямо парировал ученый. – После всех этих бесплодных лет настало время подвергнуть Омниуса настоящему испытанию. Что мы потеряем при этом?

– Это слишком опасно, – вмешался в разговор один из наблюдателей, поднявшись со своего стула. – Мы так и не смогли воссоздать саму сферу, поэтому это единственная...

– Не мешайте мне работать! У вас тут нет власти!

В качестве условия своего участия в работе Тио Хольцман оговорил свою неподотчетность никому, включая и когитора Квину. Но наблюдатели, особенно необразованные и суеверные политики, дышавшие ему в затылок, невероятно раздражали ученого. Он предпочел бы представить им письменный отчет о работе, который мог бы написать, как ему вздумается. Однако Хольцман надеялся все же добиться чего-то от всемирного разума, проверить правильность некоторых своих идей.

– Меня уже подробно исследовали и допрашивали, – заговорил Омниус вкрадчивым тоном. – Полагаю, что военные сведения вы применили с большой для себя пользой – это касается дислокации флотов и стратегии кимеков.

– Все это уже настолько устарело, что не может представлять для нас никакого практического интереса, – солгал Хольцман. На самом деле Армия джихада в первые годы после захвата сферы провела несколько успешных внезапных рейдов на планеты Омниуса, пользуясь заложенной в гель-сфере информацией. Тогда казалось, что машины в своих военных операциях полностью предсказуемы, снова и снова используют старые методы ведения войны, передвигаются по одним и тем же галактическим маршрутам, а при наступлении и отходе пользуются одними и теми же тактическими приемами.

Флоты машин наступали и отступали на основании проработки вероятностей тех или иных исходов – проработки, которую выполняли бортовые компьютерные системы. Задача вождей джихада сводилась, в сущности, к простому вычислению вероятности тех или иных действий роботов. Устраивалась засада, которая должна была показать машинам мнимую слабость обороны людей, роботов заманивали в ловушку, а потом, в нужный момент, эта ловушка взрывалась огнем, уничтожая роботов. В таких предприятиях было уничтожено множество машинных флотов.

После первых успехов Армии джихада, однако, мыслящие машины начали «прогнозировать», что их обманут, и дурачить их стало намного труднее. В последние семь лет информация Омниуса постепенно теряла ценность.

Улыбаясь, Хольцман снова пристально всмотрелся в мерцающую перед ним гель-сферу.

– Мне было бы очень неприятно одним импульсом стереть всю твою информацию, Омниус. Ведь ты что-то от меня прячешь, не так ли?

– Я при всем желании не смог бы ничего скрыть от такого великого ученого, как Тио Хольцман, – отозвался синтезированный голос, в котором отчетливо слышались нотки сарказма. Но может ли компьютер вообще обладать чувством юмора?

– Говорят, что ты сатана в сосуде. – Ученый аккуратно настроил передатчик, и в сфере послышался высокий свистящий тон. – Я бы, пожалуй, лучше сказал, что сатана в узилище. Ты никогда не узнаешь, какую память я сейчас стер и каких своих мыслей и решений ты сейчас лишился.

Официальные наблюдатели забеспокоились. Но пока Хольцман не повредил еще серебряному шару. По крайней мере он сам так считал. Приспособление для запугивания искусственного разума было изобретено одним из новых талантливых помощников саванта.

– Ты готов поделиться со мной своими секретами?

– Твой вопрос смутен и бессмыслен. Я не смогу ответить, пока ты не конкретизируешь свой вопрос. – Это был не вызывающий тон – просто констатация факта. – Все примитивные библиотеки и базы данных этой планеты не могут вместить той информации, которая содержится во мне, в моем всемирном универсальном разуме.

Хольцман задумался: какие данные хочет получить Совет джихада? Хотя пленный компьютерный всемирный разум проявлял злобную пассивность, он, кажется, начал поддаваться. Хольцман приготовился настроить прибор на более высокий уровень.

– Хотя мне очень приятно видеть, как Омниус корчится в муках, мне все же кажется, что на сегодня достаточно, савант Хольцман.

В помещение лаборатории, миновав все барьеры, вошел Великий патриарх Иблис Гинджо. На нем был один из его знаменитых черных мундиров, украшенных сияющим золотым шитьем.

Понимая, что может одним движением пальца, просто увеличив мощность импульсов генератора, стереть всю информацию в контурах сферы, Хольцман все-таки сдержался и выключил прибор. Он оглянулся на перегородку из прозрачного плаза, заметив, что три малоприметных служащих джиопола расположились возле наиболее беспокойных членов наблюдательной комиссии.

Серебристая сфера, висевшая в воздухе, вдруг заговорила громким голосом:

– Я никогда не испытывал подобных... ощущений.

– Полагаю, что ты ощутил эквивалент человеческой боли. Думаю, еще немного, и ты начал бы кричать.

– Не говори глупостей.

– Как это ни странно, но компьютеры могут быть так же упрямы, как и люди, – раздраженно заметил Хольцман, обращаясь к Великому патриарху.

Иблис натянуто улыбнулся, хотя у него по спине побежали мурашки, когда он услышал синтезированный голос Омниуса. Иблис ненавидел машины и с удовольствием разбил бы проклятую сферу дубиной.

– Я не хотел мешать вам, савант Хольцман. Я только приехал повидаться с когитором Квиной.

С этими словами он задумчиво взглянул на древний мозг в питательном растворе.

– У меня много идей и вопросов. Может быть, она поможет мне разобраться в моих мыслях и привести их в порядок.

– Или ложно интерпретировать старинные писания? – ровным, как брусчатка, голосом сказал одетый в желтое посредник.

Иблиса встревожила такая дерзость.

– Если смысл речений не ясен никому, то кто смеет говорить, что именно я неверно их интерпретирую?

– Дело в том, что стоит тебе отыскать смысл в древних рунических письменах, как начинают гибнуть люди.

– Люди погибают в каждой войне.

– Но в джихаде их погибает все больше и больше.

В глазах Великого патриарха вспыхнул гнев, но затем он вдруг широко улыбнулся.

– Видите, савант? Именно такие дебаты мне и нужны, хотя я предпочел бы вести их наедине с когитатором. Если, конечно, она не будет возражать.

Темные глаза Иблиса блеснули.

Расстроенный неудачным исходом контакта с плененным всемирным разумом, Хольцман начал торопливо собирать оборудование.

– К сожалению, в настоящий момент у меня нет времени продолжать дознание. Скоро отправляется лайнер на Поритрин; дома меня ждут важные обязанности. – Он посмотрел в глаза Иблису. – Это... э... связано с проектом примеро Атрейдеса.

Великий патриарх в ответ понимающе улыбнулся:

– Хотя его план не назовешь вполне «научным», он может помочь провести роботов.

Хольцман надеялся вернуться с Зимии триумфатором, но проведенные здесь недели оказались мучительно бесплодными. В следующий раз он возьмет с собой кого-нибудь из помощников, и вместе они найдут способ разрешить сложную проблему. При этом савант решил не брать с собой Норму Ценва.

\* \* \*

*Хотя Норма Ценва совершила множество открытий в запутанных хитросплетениях космоса, она часто бывала не в состоянии отличить день от ночи и иногда не понимала даже, где она находится. Возможно, она просто не нуждалась в таких обыденных мелочах, будучи способной мысленно пересекать бесконечность мирового пространства.*

*Способен ли был ее головной мозг аккумулировать и обрабатывать огромные массивы данных для получения информации, необходимой для определения крупномасштабных событий и сложных тенденций? Или мы имеем дело с необъяснимым экстрасенсорным явлением, благодаря которому Норма Ценва превосходила своими мыслительными способностями всех живших до нее людей и даже мыслящие машины?*

*Спустя много поколений ее биографы будут спорить о природе ее мыслительных способностей, но даже сама Норма Ценва едва ли смогла бы помочь им в разрешении спора. Будучи реалисткой, она интересовалась бы не столько тем, как работал ее мозг, сколько тем, что она могла делать этим мозгом – и результатами этой работы.*

*«Норма Ценва и Космическая Гильдия». Секретный меморандум Гильдии*

Где бы ни была Норма Ценва, что бы она ни делала, все вокруг служило сырьем для работающей фабрики ее разума.

По причинам, которые ей не сочли нужным объяснить, Хольцман перевел кабинет и лабораторию Нормы в другое – меньшее и более дешевое – здание недалеко от складов на реке Исана. Помещения были весьма малы, но для Нормы не существовало более желанной роскоши, чем время и уединение. Она лишилась доступа к самоотверженным рабам-вычислителям, единственным делом которых было решение уравнений. Теперь рабы-вычислители использовались для более прибыльных работ, предложенных савантом и его молодыми често-

любивыми ассистентами. Норма не стала возражать – она сама любила выполнять вычисления. Целыми днями она входила в транс и выходила из него, мысленно следуя за потоком чисел.

Уже много лет ее несло по течениям океана уравнений, суть которого она так и не смогла объяснить ни Хольцману, ни другим теоретикам Лиги. Норма жила в мире своих видений, и каждый раз, когда ей удавалось разрешить загадку песчинки или большего отрезка математического берега Вселенной, она приближалась к гавани своего спасения.

Она найдет способ свертывать пространство... перемещаться на огромные расстояния, в действительности не совершая никакого движения. Она *знала*, что это возможно.

Формально савант Хольцман по-прежнему держал Норму в штате своих ассистентов, хотя она и работала не в основном здании, но на самом деле эта маленькая некрасивая женщина работала только над своими таинственными циклическими вычислениями. Больше ее ничто не интересовало.

Время от времени Хольцман наносил Норме визиты и пытался вести с ней разговоры, стараясь понять, чем именно она занимается. Но он плохо понимал, что она говорила ему. Так проходил год за годом. До Нормы дошло, что он предпочитает держать ее там, где за ней можно присматривать.

Хотя в последнее время она не выдала ни одного изобретения или открытия, которые он мог бы приписать себе, в прошлом она не раз удивляла его. После начала джихада она сумела модифицировать защитные поля Хольцмана на кораблях Армады Лиги так, что они медленнее разогревались за время боя. Выделение теплоты продолжало оставаться главным недостатком системы, но поля Нормы были значительно лучше в этом отношении, чем исходная версия.

Спустя четыре года после этого Хольцман предложил усовершенствованное поле типа «проблеск-выстрел». Это была настоящая хореография в военном деле – система позволяла кораблям Лиги производить выстрелы, не снимая защитного поля, но лишь делая в нем микроскопические отверстия на доли микросекунды. Норма усовершенствовала вычисления Хольцмана, предупредив многие несчастья. Она так и не набралась мужества сказать ему об этом, поскольку знала, что это лишь вызовет вспышку негодования и недовольства.

Теперь в течение вот уже восьми лет она работала в своей собственной лаборатории, занимаясь только тем, что ее интересовало. В тесном помещении Норма выделила лишь небольшую площадь под кухню, спальню и туалет. Эти простые человеческие потребности были для нее второстепенными, превалировали же достижения ума. Хольцман продолжал обеспечивать ее минимальными средствами, хотя в действительности Норме были нужны деньги лишь на восполнение творческой активности, так как ее работы были сугубо теоретическими. Во всяком случае, пока.

Последние три дня Норма беспрерывно работала над особо сложными преобразованиями исходных уравнений Хольцмана. Склонившись над столом, сконструированным специально для ее карликового роста, она почти ничего не ела и не пила в эти дни, не желая откликаться на требования тела.

Хотя Норма была дочерью главной колдуньи Россака, она большую часть жизни провела на Поритрине – не как гражданка, а как гость, приглашенный савантом Тио Хольцманом. Еще в то давнее время, когда суровая мать смотрела на Норму как на досадное недоразумение, Хольцман сумел разглядеть в девочке задатки скрытого гения и дал ей возможность работать у себя.

За все это время она получила мало наград и редко удостоивалась похвалы. Скромная и самоотверженная, Норма без жалоб смирилась со своим положением в тени великого человека. В своем роде она была патриоткой и хотела только одного – чтобы усовершенствования в технике, предложенные ею, послужили на благо джихада.

В течение многих лет Норма фактически прикрывала Хольцмана, находя в его вычислениях несоответствия, которые могли привести к катастрофическим последствиям. Норма

делала это из чувства благодарности и еще потому, что Хольцман был ее покровителем. Однако, поняв, что савант большую часть времени проводит в обществе аристократов и мало чего добивается своим умом и талантом, она стала уделять меньше времени спасению его имиджа и сосредоточилась на собственных исследованиях.

Последний дорогостоящий проект саванта Норма считала просто идиотским с научной точки зрения. Создание гигантского ложного флота на орбите! Это не более чем блеф, иллюзия. Даже если план окажется удачным – а примеро Атрейдес настаивал на том, что именно так и будет, – Норма полагала, что савант Хольцман мог бы посвятить свое время чему-то более интересному, чем дымы и зеркала.

Из своей жалкой лаборатории, примыкавшей к докам на Исане, Норма слышала несмолкаемый грохот и гул на заводах и верфях близ иловых полей. Шипели литейные печи; над сборочными линиями вздымались к небу клубы дыма и взметались искры. Баржи ввозили в цехи руду и вывозили из них готовую продукцию.

К счастью, когда Норма погружалась в раздумья, все эти шумы исчезали, отступая на задний план ее сознания.

Изнывающее от голода и жажды тело ее в конце концов отчаянно запросило отдыха. Усталая Норма положила голову на кипу листов с уравнениями, словно надеясь, что математические символы смогут пробиться в ее мозг сами по законам осмоса. Даже в полузабытии ее подсознание продолжало обрабатывать и оценивать полученные в исследованиях формулы...

Математические выражения и уравнения продолжали циркулировать в ее утомленном мозгу и во сне. Она классифицировала и распределяла задачи, направляя их в разные отделы мозга, предназначенные для выполнения тех или иных функций. В результате разные задачи решались в разных отделах коры головного мозга, а потом координировались в особом участке для получения окончательного результата. За много лет постоянное выполнение таких интерактивных операций достигло совершенства, и во сне мозг Нормы Ценва, ее дремлющее «я» поднималось над глубинами подземелий сознания.

Внезапно Норма резко выпрямилась и села, едва не свалившись со своего высокого кресла. Покрасневшие от бессонницы глаза широко открылись, но по-прежнему не замечали ничего вокруг. Продолжая видеть сон, Норма прозревала в этот момент бесконечное пространство, словно импульсы ее мышления могли преодолевать от края до края невообразимую бездну Вселенной, соединяя вместе отдаленнейшие части, свертывая в рулон подлежащую ткань пространства. После стольких бессонных суток ее подсознание смогло наконец сложить воедино элементы головоломки.

*Наконец!*

Она постепенно пришла в себя, стала осознавать свое физическое тело, ощутила, как бешено стучит ее сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Она осторожно вдохнула, отчаянно стараясь не упустить мгновения наивысшей сосредоточенности, не упустить добычи. Которая наконец-то оказалась у нее в руках. Она знала ответ!

Она проснулась, но мозг ее продолжал цепко держать в своих объятиях открытие, как попавшую в сачок бабочку. Норма представляла себе огромные космические пространства, пересекаемые людьми без единого движения, представила себе корабли, ведомые штурманами, обладающими предзнанием, способными видеть безопасные пути через свернутое пространство. На этом фундаменте поднимутся огромные торгово-промышленные компании и гигантские империи, произойдут фундаментальные изменения в способах ведения войны, в путешествиях, в политике.

Тио Хольцман сам не мог предвидеть таких последствий своих уравнений. Он и сейчас оказался бы неспособным их разглядеть. Норма не смеет попусту терять время. Савант начнет изводить ее мелочными расспросами, начнет оспаривать ее «недоказуемые» математические расчеты, а она не желала терять драгоценное время на ответы и объяснения. Она слишком

упорно работала, а открывшиеся возможности были слишком велики. Это было ее, и только ее достижение, ее личный прорыв.

Норме не было дела до признания ее интеллектуальной собственности или денежного вознаграждения, но она хотела уверенности, что ее концепции будут использоваться в торговле и военном деле так, как они того заслуживают. Савант Хольцман не поймет величия того, что она сделала; он скроет от мира ее открытие.

Нет, Норме придется искать другой выход. *Будущее уповает на меня.*

Улыбнувшись, она медленно и облегченно вздохнула. Ей давно следовало подумать об этой возможности. Теперь она точно знала, где найти независимый источник финансирования для проведения исследований и налаживания производства.

\* \* \*

*Вглядываясь в прошлое через линзу времени, люди будущего видят деятелей Великого Переворота в увеличенном масштабе. Такое впечатление возникает не от аберрации увеличительного стекла, не от раздувания значимости, производимого мифотворчеством. Напротив, герои джихада были именно такими крупными личностями, какими их сохранила народная память. Они выросли именно такими, какими отчаянно нужны были человечеству.*

*Принцесса Ирулан. Линза времени*

После десятилетия строительства, ваяния и отделки мемориальный комплекс в память погибших в войнах джихада был наконец завершен. Аврелий Венпорт, чья торговая компания «ВенКи» была одним из самых крупных жертвователей, занял на церемонии открытия в Зимии почетное место.

Ночь веяла прохладой, тьму разогнали прожекторы и украшенные праздничной иллюминацией здания, обрамлявшие центральную площадь. Народ толпился в прилегающих улицах и переулках, оттесненный от роскошных трибун для высоких гостей в центре площади.

Венпорт чуть-чуть пригубил пенящуюся шампю из дутого круглого бокала. Ему не слишком нравился сладковатый вкус этого слабоалкогольного россакского напитка, но шампия составляла одну из основных статей его экспортных операций. Именно он доставил на Салuzu Секундус огромную партию этого популярного вина специально для праздника.

Памятник являл собой поразительное и сюрреалистическое зрелище. Он состоял из двух прихотливо изгибающихся колонн с мягкими округлыми очертаниями, символизирующими живое, то есть человечество. Столпы склонялись над разбитым вдребезги неуклюже-бесформенным монолитом. Все вместе символизировало победу над мыслящими машинами.

Такой же точно монумент строили и на Гайеди Прим, планете, где погибла масса людей, но была одержана и очень важная победа. Если строительство там закончилось по плану, то открытие мемориала должно было состояться в один день с этим. Во время одного из своих деловых посещений Гайеди Прим Венпорт видел лихорадочную спешку возведения такого же мемориала.

Десятью годами ранее, когда пламя джихада уже четырнадцать лет перекачивалось от края до края Галактики, Ксавьер Харконнен возглавил движение за сооружение мемориала погибшим в битвах с мыслящими машинами. За прошедшие два года машины атаковали и захватили маленькую колонию Эллам, а потом нанесли удар по Колонии Перидот, откуда были с большими потерями выбиты. Группа героических, но плохо подготовленных воинов джихада даже нанесла удар по главному Синхронизированному Миру – планете Коррин. И вся группа погибла. Очень подходящее по времени добавление к мартирологии.

Когда в связи с этим возникли беспорядки и волнения, примеро Ксавьер Харконнен снова призвал к возведению памятника, чтобы жертвы джихада никогда не были забыты. Проект поддержала и Серена Батлер, все еще считавшаяся временным вице-королем Лиги, хотя и удалилась в Город Интроспекции. Она использовала все свое влияние, чтобы заручиться поддержкой и финансированием со стороны лидеров политики и бизнеса.

Тронутый призывом Серены и будучи однажды свидетелем страшной битвы с машинами, Аврелий Венпорт решил внести в строительство мемориала свой вклад, хотя его компаньон с Тлулакса, Тук Кеedayр, резко против этого возражал. С начала джихада доходы компании сильно пошли в гору, так как ее торговые суда доставляли в пострадавшие колонии военное снаряжение и продовольствие. Кроме того, компания получала неплохой доход от продажи таких предметов роскоши, как плавучие световые шары, и самую дефицитную роскошь – специю с Арракиса.

Венпорт гордился своей деловой проницательностью, своей способностью угадывать выгодные дела и вкладывать в них деньги, наживая капитал. Лига Благородных была открытым и свободным для торговли обществом. Имея доступ к фармацевтическим предприятиям Россака, меланжу Арракиса, а также к световым шарам и гравипоплавкам, изобретенным его дорогой Нормой, он развивал и усиливал эти преимущества, насколько это было в его силах, наслаждаясь своей деятельностью.

Его бывшая подруга Зуфа Ценва всегда считала, что он ничего не достигнет, так же как и ее карлица-дочь. Они оба доказали, что Зуфа жестоко ошиблась.

Прошло много лет с тех пор, как он перестал быть другом, любовником и партнером главной колдуньи Россака. В то время Зуфа так и не поверила, что Венпорт с его интересом к коммерции или Норма с ее дилетантским интересом к математике смогут сделать что-нибудь важное для дела джихада.

Даже когда Венпорт вложил большую сумму своих личных средств в строительство мемориала на Зимии, он не думал, что это произведет на Зуфу впечатление. Суровая женщина посвятила свою жизнь и душу джихаду, готовя колдуний, которые в одиночку атаковали крепости кимеков, играя роль психологических бомб. И потому ничего удивительного не было в том, что пожертвования Венпорта и сам мемориальный проект Зуфа Ценва считала преступной и пустой тратой денег, которые лучше бы потратить на приобретение оружия или на строительство новых боевых кораблей.

При этой мысли Венпорт едва сдержал улыбку. В конце концов Зуфа была последовательной и предсказуемой. Несмотря ни на что, он по-прежнему любил эту женщину и восхищался ею так же, как в первый день их знакомства. Но это было не самое лучшее вложение его эмоционального капитала.

Сидевший на открытой трибуне рядом с красивой молодой женщиной – одной из своих внучек? – отставной вице-король Манион Батлер заметил Венпорта и приветствовал его сердечной улыбкой. Рядом с ним сидел приемный отец примеро Ксавьера Харконнена, престарелый и исполненный достоинства Эмиль Тантор, казалось, погруженный в дремоту.

Улыбающийся служитель предложил Венпорту еще один бокал шампани, от которого он вежливо отказался. Откинувшись на спинку кресла, он принялся смотреть праздничное представление. Присутствующие уже начали волноваться, но Великий патриарх Иблис Гинджо был не менее великим мастером держать паузу. Он появлялся обычно именно в тот момент, когда энтузиазм достигал своего пика, не переходя в откровенное раздражительное нетерпение.

Хотя Великий патриарх прибыл на церемонию вовремя, окруженный могучими устрашающими агентами джиопола, он подождал, глядя на скупающих почетных гостей, пока толпа закончит покупать сувениры и букетики ноготков.

Венпорт повернул голову в сторону вспухавшего в толпе шума и увидел большой выход Иблиса Гинджо и Серены Батлер. На Серене было ее обычное отороченное пурпуром платье



такой белизны, что она выглядела спустившимся с неба ангелом. Удерживая на квадратном лице уверенную улыбку, рядом с ней шествовал Великий патриарх, облаченный в черный мундир с золотым шитьем. Он проводил Серену до трибуны и встал там рядом с ней под ослепительным светом софитов.

За Иблисом молча и тихо следовала его красавица жена, Ками Боро. Этот брак совершился отнюдь не по любви, но по трезвому расчету: восходя к вершинам власти, этот человек дальновидно выбрал себе в спутницы женщину безупречного происхождения, прямую наследницу последнего правителя Старой Империи.

На шее Иблиса была видна цепь из призм с подвеской из блестящего сине-зеленого хагальского кварца. Возможно, это была часть приданого супруги. Никто и никогда не задавал себе вопроса, откуда Великий патриарх джихада берет деньги на такие роскошные вещи и на свою отнюдь не аскетическую жизнь. Его ценность для Лиги нельзя было измерить никаким денежным эквивалентом. Он был окружен собственной, созданной им самим мифологией.

Иблис поднял руки, и голос его, усиленный громкоговорителями, загремел над аудиторией:

– Глядя на этот мемориал, мы вспоминаем тех, кто заплатил наивысшую цену в борьбе с машинами. Но при этом мы также должны помнить, во имя чего они сражались.

Серена, выступив вперед, продолжила своим чистым страстным голосом:

– Этот монумент не только напоминание о павших героях, нет, это еще и символ нашего следующего шага к окончательной победе над Омниусом!

Последовала вспышка, яркая, как взрыв звезды, и в небо взметнулись два ослепительных луча, осветив мемориал и весь парк. Отражающая поверхность пруда превратилась в зеркало, в котором засияли звезды бездонного ночного неба. Рядом с прудом, усиливая впечатление, забили высокие перистые фонтаны. Прожектора вспыхивали все ярче и ярче, словно стремясь превзойти друг друга, брызги фонтанов взлетали все выше и выше, а крики толпы превратились в несмолкаемый оглушительный рев. Яркие желто-оранжевые ноготки виднелись в траве и в прудах, источая в ночной воздух головокружительный аромат.

Когда Серена Батлер упала на колени и разрыдалась, половина присутствующих застонала, переживая вместе с Сереной потерю ее ребенка и своих близких.

Венпорт встал и зааплодировал, захваченный всеобщим восторгом толпы. Вожди джихада знали, как управлять толпой.

\* \* \*

После окончания представления народ продолжал праздновать на улицах до глубокой ночи, а Иблис Гинджо и его супруга приняли участие в более формальном приеме, устроенном для почетных гостей во внутреннем дворе салузанского Культурного Музея.

Плавающие над головами световые шары бросали веселые цветные пятна на столы и декорации приема на открытом воздухе. Ночные мотыльки вились вокруг лунных лилий, цветущих в вазонах у дальнего края двора. Важные гости непринужденно беседовали между собой.

Ослепительно блиставшая драгоценностями и безупречным вечерним нарядом Ками Боро всегда заботилась, чтобы ее видели с супругом только в начале приемов, но она считала бы вечер пропавшим, если бы ей пришлось провести его рядом с мужем. У Ками были свои планы и свои связи – обмен небольшими услугами, незначительными обязательствами. Иблис улыбнулся вслед жене и обратил свой взор на тех, кто был нужен ему в толпе высокопоставленных гостей. Патриарх и его супруга точно знали, кому из них что следует делать на приемах.

Великий патриарх заметил высокого человека патрицианской наружности со светлыми голубыми глазами и волнистыми темными волосами, изрядно тронутыми сединой. Человек этот поставил рядом с собой небольшой чемоданчик из плаза. Открыв крышку, он стал пока-

зывать разные продукты из меланжа, производимые его компанией. Многие аристократы Лиги уже были очарованы и восхищены редкой и дорогой специей, и Аврелий Венпорт редко упускал возможность выказать свое расположение – и привлечь больше покупателей, – предлагая бесплатно попробовать редкое и изысканное угощение.

Жаждающие удовольствия гости указывали на продукты, которые они хотели бы попробовать – меланжевое пиво, меланжевые конфеты или жевательную резинку со специей, – и Венпорт извлекал из чемоданчика требуемый образец.

– Все бесплатно. Если вы еще не знакомы с прелестью меланжа, подходите и пробуйте.

*Говорят, что меланж вызывает привыкание*, подумал Иблис, выступив вперед и подходя к Венпорту. *И безусловно полезен*. Ему уже случалось пробовать специю, хотя она была сильно разбавлена и оказалась почти безвкусной.

– Я бы хотел попробовать небольшую порцию чистой специи, директор Венпорт. Что-нибудь такое, что можно было бы только... попробовать.

Россакский патриций тонко улыбнулся. Подчеркивая совершенство своего произношения, чтобы оказать должное уважение выдающемуся человеку, он сказал:

– Я почту за честь представить Великому патриарху самое лучшее из своей коллекции. Это специевая икра.

С этими словами он извлек из чемоданчика небольшой диск размером не больше мелкой монеты.

– Возьмите щепотку этой икры и положите ее на кончик языка. Пусть она проникнет в ваши органы чувств и просочится в вашу душу.

Когда Венпорт с некоторым усилием открыл миниатюрную крышку диска, Иблис увидел на дне плотный красновато-оранжевый порошок. Погрузив в него кончик пальца, Гинджо с удивлением обнаружил, что специя на ощупь напоминает песок. Подняв глаза к одному из плавающих световых шаров, Иблис Гинджо вдруг вспомнил, что это – популярное изделие той же корпорации «ВенКи», хотя сейчас эти шары стали предметом какого-то скучного и глупого патентного спора.

Он немного поколебался, глядя на тонкий слой порошка на кончике пальца.

– Если не ошибаюсь, то на недавней парламентской ассамблее – несколько дней назад – я слышал, как сенатор Хостен Фру обсуждал какой-то спор между вашей компанией и правительством Поритрина. Речь, кажется, шла об отчислении процентов с продаж вот таких световых шаров.

Савант Тио Хольцмана и его напояженный патрон лорд Нико Бладд внушали Иблису определенные сомнения, а вот Аврелий Венпорт пока что производил впечатление исключительно умелого бизнесмена.

– Норма Ценва – весьма талантливый ученый, и именно она, в очень большой степени, помогла саванту Хольцману добиться славы и успеха. Она также является моим давним и хорошим другом, хотя сейчас у нас довольно сложные отношения. – Венпорт поморщился, словно откусил добрый кусок лимона. – Норма самостоятельно изобрела технологию гравипоплавка, используемую в производстве плавающих световых шаров, и предложила моей компании продвигать это изобретение на рынок. Теперь же, когда корпорация «ВенКи» потратила на это целое состояние и начала продавать шары на всей территории Лиги – причем Поритрин даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь нам, – лорд Бладд вдруг решил, что имеет право на долю в наших прибылях.

За спиной Венпорта скопилось несколько человек, также желающих попробовать специю, но они не прерывали разговора предпринимателя с Великим патриархом.

Иблис улыбнулся:

– Но все же технология была разработана на Поритрине, в лабораториях Хольцмана? И кто ее финансировал – разве не лорд Бладд? Сенатор Фру утверждает, что Совет Пори-

трина представил документ, подписанный Нормой Ценва, в котором сказано, что технологическое открытие, сделанное во время работы в учреждении Хольцмана, является собственностью поритринского правительства.

Венпорт вздохнул, его губы сложились в виноватую улыбку, которая немало удивила Иблиса.

– Я не сомневаюсь, что савант Хольцман обманным путем вынудил Норму Ценва подписать этот документ. Норма была подростком, когда начала работать у Хольцмана. Девушка всегда была предана только своим исследованиям и мало что понимала в политике.

Иблис снова принялся разглядывать специю на кончике своего пальца. В этом месте он начал ощущать легкое, едва заметное покалывание.

– И как вы решаете эту нелегкую задачу?

Венпорт, впрочем, не проявлял особой озабоченности.

– Видите ли, я бизнесмен. Я всегда умел улаживать споры и заключать сделки. Настоящие обстоятельства просто потребуют чуть больше умения. Я обязательно найду способ уладить и этот спор. – Кивком головы он указал на специю, которую до сих пор нерешительно рассматривал Великий патриарх. – Давайте не будем отвлекаться на эти досадные мелочи. Я очень хочу услышать ваш отзыв о меланже.

Иблис вдруг понял, что на них смотрит множество людей, и, возможно, они видят его нерешительность и колебания. Но он не имеет права показывать страх. Любое действие Великого патриарха замечают и обсуждают. Он положил щепотку специи на кончик языка и закрыл рот.

– Чистейший меланж имеет много граней... как и бесценная подвеска, украшающая ваш костюм, – сказал Венпорт. – Меланж открывает новые аспекты тому, кто ее пробует.

Иблис действительно почувствовал себя... необычно. Он ни за что не смог бы точно определить возникшее ощущение, так как никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Пульс его сначала участился, потом стал реже, снова участился и снова стал реже. Очень любопытное ощущение! Потом пульс замедлился еще больше, и наступило состояние полной безмятежности, позволявшее без страха заглянуть в свой разум и в свою душу. Иблис почти утратил способность подбирать и произносить слова.

– Поразительно. Где... вы... добываете эту... специю?

Венпорт в ответ улыбнулся.

– Знаете, мне, как бизнесмену, позволено хранить некоторые секреты. – С этими словами он протянул Иблису следующую порцию меланжа, которую Великий патриарх без колебания принял. – Поверьте мне, – произнес бизнесмен, – если бы я даже сказал вам, где беру специю, вы едва ли захотели бы туда отправиться.

\* \* \*

*Не считай своих потерь. Считай, сколько у тебя осталось.  
Дзенсунитская сутра первого порядка*

Караван собирателей специи двинулся в путь на закате, когда начал спадать дневной зной. В безбрежном океане открытой пустыни команды наибо Дхартхи не считали нужным прятаться от чужаков. А напрасно.

Селим Укротитель Червей и его последователи следили за караваном уже несколько дней.

Спрятавшись со своими бойцами в расселинах скал, Джафар зеркальцем послал последний подготовительный сигнал Селиму.

Селим удобно расположился в низине, среди камней, и сидел рядом с Мархой, смотревшей на него широко раскрытыми глазами. За месяц, прошедший со дня ее вступления в группу

отверженных, измученная молодая женщина не переставала его удивлять. Она всегда была готова слушать рассказы о его видениях и учиться. Больше того, она беспрекословно выполняла все инструкции и одним этим прошла проверку на выживание. Каждый раз, когда Мархе удавалось побороть в себе благоговейное отношение к почти мифическому статусу этого легендарного человека, она смотрела на него, не скрывая своей напряженной, бьющей через край, хотя и невинной, силы, которая всерьез задевала струны сердца Селима.

Селим решил, что девушка окажется полезной в отряде бойцов. Но хотя он часто улыбался ей и всячески поощрял ее смелые амбиции, он все же не хотел, чтобы она стала такой же самоуверенной, каким стал Бонди незадолго до своей гибели. Ему хотелось, чтобы она оставалась рядом с ним дольше.

– Смотри внимательно, что они делают. – Селим движением подбородка указал на видневшиеся вдали фигурки людей, несущих мешки и старинные, нагруженные меланжем тележки. – Они воруют меланж у Шай-Хулуда и продают ее чужеземцам.

Марха съезжилась в тени скалы, мрачно глядя вслед уходящему каравану.

– Я сама работала в таких командах, Укротитель Червей. Поисковые группы располагаются в скалах, но днем выходят в пески и роются там в поисках специи, а потом бегут опять прятаться в скалах, пока черви не появились.

– Шай-Хулуд хранит свои сокровища. – Синие, немного отчужденные глаза Селима сверкнули силой. – Дзенсунниты думают, что песчаные черви – дьяволы, но Шайтан приносит больше вреда посредством таких людей, как наиб Дхартха, чем посредством всех тварей пустыни.

Последователи часто приносили свежие новости из рассеянных по пустыне поселений. Присоединяясь к группе отверженных, Марха тоже стала неоценимым источником полезных замечаний и наблюдений, которые смогли объяснить суть некоторых противоречивых историй, слышанных Селимом в течение многих лет. Добившись успехов в торговле специей с богатыми инопланетными купцами, наиб Дхартха сумел объединить под своим началом несколько дзенсуннитских поселений. Хотя это и нарушало догматы о независимости и суверенитете, Дхартха прельщал другие племена доходами и водой, получая взамен специю.

Селим скосил глаза и взглянул на рабочих.

– Как ты думаешь, нет ли среди них наива?

– Наиб давно уже повернулся спиной к пустыне, – ответила Марха. – Его родной сын Махмад последние два года почти все время проводил в городе Арракисе, пока не заразился в космопорту какой-то инопланетной болезнью и не умер.

– Махмад умер? – Селим внезапно остро ощутил свое одиночество, вспомнив былую юность. Он вспомнил мальчика, своего ровесника. Но будь Махмад живым, он сейчас был бы таким же взрослым мужчиной, как Селим. Ему тоже было бы больше сорока лет. И умер Махмад вдали от пустыни, в *городе*, развращенный торговлей меланжем с чужеземцами. Рот Селима скривился от отвращения.

– И наиб Дхартха не винит в этом себя?

Марха ответила невеселой улыбкой. Полулунный шрам четко выделялся своей белизной на фоне загорелого лица.

– Он винит во всем *тебя*, Укротитель Червей. Он считает, что ты, и только ты, причина всех его несчастий.

Селим покачал головой. Его видения всегда были ясны, ответы очевидны. Но наиб Дхартха никогда не прислушивался к ним.

– Мы должны делать больше, чем делаем, чтобы прекратить эту мерзость ради общего блага.

Караваны собирателей специи были наиболее уязвимы, когда укладывали собранный меланж в тележки и отправлялись в обратный путь. Сейчас караван медленно двигался по пес-

чаной равнине вдоль скалистой гряды. Несмотря на шум двигателей тележек и тяжелый топот людей, сопровождавших груз специй, черви не приближались к скалам.

Двое связанных в камуфляжной форме, сберегающей влагу, резко остановились возле укрытия. Люди двигались совершенно бесшумно, и Селим, глядя на них, удовлетворенно улыбнулся.

– Джафар занял исходную позицию. – Один из связанных снял с лица маску и отключил систему сбережения влаги. – Надо начинать, пока караван не ушел слишком далеко.

Селим встал.

– Помогите Джафору. Удар должен быть точным, как всегда. Никого не убивать, если не возникнет крайней необходимости. Наша задача – преподать им урок и изъять специю, принадлежащую Шай-Хулуду.

В душе Селима шевельнулось желание убить наиба Дхартху, но он понимал, что куда лучшей мстью будет унижение этого человека и подрыв его авторитета.

Раздался пустой гулкий удар, над грядой скал взметнулись клубы пыли. По склону покатился каменный обвал, перегородивший путь медленно бредущему каравану.

– Теперь мы их остановим, – сказал Селим уже на бегу. Выскакивая из засад, его последователи бежали неподалеку, умело прячась на коричнево-черном ландшафте.

Внизу, в песках, дзенсуннитские караванщики остановились на безопасном расстоянии от гремящего потока падающих камней. Прежде чем сборщики успели понять, что произошло, их окружили Джафар и его люди. В руке Джафара был пистолет с раструбом. Другие сторонники Селима были вооружены копьями, луками и даже пращами, которые, впрочем, в руках умелых бойцов были смертоносным оружием.

Дзенсунниты были деморализованы страхом. Вероятно, где-то среди мешков со специей было спрятано их собственное оружие, но люди Джафара напали так внезапно, что не дали караванщикам им воспользоваться.

– Тот, кто осмеливается красть у Шай-Хулуда, должен быть готов отвечать за последствия, – наставительно произнес Селим.

– Бандиты! – выкрикнула одна из женщин, словно проклятие.

Молоденький юноша, почти подросток, смотрел на отверженных во все глаза, еще не окончательно посиневшие от постоянного употребления специй.

– Это же Селим Укротитель Червей!

– Да, я – Селим, говорящий от имени Шай-Хулуда. Меня посетило видение от Буддалаха, и истина его неопровержима. Стыд и позор всем вам, навлекающим на червей смерть и гибель на Арракис.

Он смотрел на искаженные страхом и злобой лица, вглядывался в темные глаза и, наконец, понял, что наиба Дхартхи среди них нет. Как и говорила Марха, седой старый вождь не снисходил больше до выходов в открытую пустыню вместе с утомленными сборщиками. Сейчас он больше якшался с чужеземными торговцами.

Отверженные начали осматривать отсеки тележек, вытаскивать оттуда мешки с рыжей специей, передавая по цепочке и унося в скалы.

Молниеносным, как у пустынного зайца, движением Марха подскочила к одной из возбужденных страхом женщин, все тело и руки которой были покрыты коричневатой меланжевой пылью. Усмехнувшись, Марха сорвала проволочную нитку с шеи женщины, звенящую цепочку из меланжевых жетонов.

– Ты еще не замужем, Хиерта? Что ж, тебе придется смириться с судьбой высохшей старой девы. – С этими словами она сунула жетоны в карман своего конденсирующего костюма и посмотрела на Селима с веселым триумфом.

Хиерта вспыхнула от ярости.

– Марха? Предательница! Мы надеялись, что ты сдохла в песках, но ты подпала под влияние этого демона пустыни, этого свихнувшегося безумца!

– Свихнувшегося? – переспросила Марха. – Нет, просветленного.

Теперь заговорил сам Селим:

– Продажа специй чужеземцам приведет к гибели нашей планеты. Великие черви вымрут, а вместе с ними погибнет и наш уклад жизни. – Заслонив собой Марху, он скрестил руки на груди. – Теперь же моя священная задача – вернуть то, что вы похитили у Шай-Хулуда.

Он извлек из ножен свой молочно-белый кристаллический кинжал и вспорол мешок с меланжем. Оттуда, как сухая кровь, полился поток сухого меланжевого порошка. Со склона горы продолжали скатываться последние мелкие камни, завершающие грандиозный обвал.

– Мы все закончили, Селим, – сказал Джафар, когда его люди перехватили всех пытавшихся бежать и отнесли все мешки со специей на поле, покрытое большими валунами.

Они не стали убивать собирателей специй, они даже не стали отнимать у них воду и не забрали тележки. Имущество ничего не значило в глазах Селима. Пустыня прокормит.

– Запомните то, что сейчас узнали! – прогремел он. – Сколько раз я должен преподавать вам один и тот же урок?

Затем, следуя за Мархой, стражи пустыни поднялись в изрезанные бурями скалы и исчезли из виду...

Пока остальные сборщики каравана стенали и громко жаловались на судьбу, только один юноша с изумлением молча взидал на них. Некоторые из его товарищей размахивали высоко поднятыми кулаками и испускали громкие проклятия вслед ушедшим отверженным.

Но этот молодой человек по имени Азиз не мог подавить довольной улыбки. Он никак не мог ожидать, что сегодня ему доведется собственными глазами увидеть Укротителя Червей! И этот великий человек смотрел прямо на него.

Будучи внуком наиба Дхартхи, Азиз слышал о деяниях Селима, хотя дзенсунниты рисовали его, этого предводителя шайки разбойников, отъявленным злодеем. Но Селим и его люди умели ездить верхом на червях! И они никому не причиняли вреда. Что бы ни говорил дед, Азиз все равно был уверен, что это храбрые и великолепные люди, воистину благословенные Буддаллахом.

Втайне Азиз очень хотел узнать о них побольше.

\* \* \*

*Трус не будет сражаться.*

*Глупец отказывается увидеть необходимость.*

*Негодяй ставит себя выше всего человечества.*

*Дзенишиты обладают всеми этими свойствами одновременно.*

*Примеро Ксавьер Харконнен. «Управление войсками во время боя»*

Проглотив неприятный осадок от более чем прохладного приема, оказанного ему Ренгалидом, Ксавьер Харконнен устроил свою оперативную базу в пещерном городе Даритсе. У него просто не осталось иного выбора, чтобы исполнить свою миссию. Ревела вода, низвергаясь по отвесным спускным желобам огромной плотины и наполняя воздух нестерпимым шумом. Пятна красных водорослей алели на камнях, как кровь.

Старейшины дзенишитов ушли в свои жилые гроты. Эти фанатики упорно не желали признать, что им грозит опасность, даже когда Ксавьер показал им на экране роботов, марширующих к священному городу.

– Смотрите, смотрите собственными глазами. Машины уничтожат вас.

Ощетинившиеся оружием роботы продвигались по вспаханной земле вдоль речных рукавов, сопровождаемые тяжелым вооружением на тракторной тяге. Одетые в одежду местных крестьян вместо своих обычных мундиров, гинацские наемники постоянно беспокоили роботов мелкими ударами, провоцируя их на применение тяжелой метательной техники, а затем стремительно отступали в укрытия. Армия роботов не отклонялась от выбранной цели и продолжала наступление на уязвимый с военной точки зрения Даритс.

Глядя на получаемые изображения, старейшина Ренгалид наморщил свой бритый лоб и озабоченно нахмурился, но потом упрямо выставил вперед бороду.

– У нас нет ничего, что могло бы заинтересовать машины. Скоро они поймут это и оставят нас в покое.

До этого Ксавьер дважды видел, какие непоправимые опустошения могут причинять роботы: на Зимии и на Гайеди Прим, где он потерял Серену. Воевал он и во время боев в Элдраме, Колонии Перидот и в Беллосе. Он понимал, что машины хотят захватить IV Анбус как плацдарм для дальнейшего наступления на Салузу Секундус. Роботам при этом было совершенно все равно, останутся ли живы дзеншиитские аборигены этой планеты.

Сознавая, что сейчас он взорвется гневом и потеряет контроль над собой, Ксавьер отослал прочь ослепленного вождя.

– Я сделал все, что в моих силах, чтобы убедить вас, старейшина, но у меня больше нет времени для дискуссий. Можете дальше читать свои сутры, если считаете, что они спасут вас от неприятеля, но не мешайте мне действовать.

От гинацских наемников поступило экстренное внеочередное сообщение. Хотя они были вооружены ненамного лучше, чем местные дзеншиитские крестьяне, они имели большой успех, уничтожив вдвое больше машин, чем рассчитывали. Вдоль пути продвижения армии машин валялись остовы разбитых роботов. Ксавьер даже забеспокоился, что машины, потеряв столько бойцов, просто прекратят наступление и повернут назад.

Тем не менее наступающие продолжали упорно приближаться к первой из устроенных на их маршруте засад.

Примеро переключил канал связи, чтобы принять сообщения от партизан и солдат регулярной армии в двух занятых деревнях.

– Терсеро Тантор, прошу доложить обстановку. Наемники сообщают, что машины движутся в вашем направлении.

Ксавьер надеялся, что у Ренгалида возражения комом станут в горле, когда он увидит истинную угрозу, исходящую от чудовищной армии машин.

Из первой деревни отозвался Вергиль. Он говорил еле слышным сдавленным голосом:

– Примеро Харконнен, у нас внештатная ситуация.

– Что сделали машины?

– Не машины, сэр, местное население. До наступления ночи они отравили нас, повредили оружие, разрушили силовые установки. Мои люди парализованы. Наша артиллерия вышла из строя. Дзеншииты разрушили все!

Ксавьер почувствовал, как ужас леденящим оползнем заполняет его сердце. Он подавил гнев и решил послушать, что доложат из другой деревни.

– Терсеро Крег, сэр. Местные опоили и нас, потом повредили соединительные кабели, украли запасные батареи, испортили прицелы. Это моя вина, сэр... но мы, – он судорожно закашлял, – но мы пришли защищать население. Теперь мы не в состоянии произвести ни одного выстрела.

На канале связи снова появился Вергиль, голос его был напряжен и бесцветен:

– Ксавьер, машины приближаются к нам на большой скорости. Мы ждем приказа. Что нам делать?

Даваясь бессильной яростью, Ксавьер принялся расхаживать взад и вперед, желая наорать на Ренгалида. Но какой от этого будет прок?

Он не мог допустить, чтобы с головы его младшего брата упал хоть один волос, особенно ради помощи таким сволочам, как эти дзеншииты. И прокричал в микрофон приказ гарнизонам двух деревень:

– Терсеро Тантор, терсеро Крег, приказываю немедленно отходить. Если не уберетесь, вас раздавят.

Лихорадочно ища новое решение, Ксавьер до боли стиснул зубы. Время истекало. Теперь армия машин уже двигалась без задержки по свободной дороге, и тщательно подготовленная засада – возможность чистой и почти бескровной победы – рассыпалась прахом.

Много лет назад, на Поритрине, восставшие буддистамские рабы сломали установленный новый генератор защитного поля Армады Лиги, и ее солдаты пошли бы вслепую навстречу смерти, если бы сам Ксавьер вовремя не обнаружил предательство.

Теперь еще эти дзеншиты на IV Анбус решили собственным самоубийством подставить ножку Армии джихада.

Глубоко вздохнув и вспомнив, что эти проклятые машины убили его сына, которого он так никогда и не увидел живым, Ксавьер заговорил в микрофон, обращаясь ко всем солдатам, находившимся в пределах досягаемости передатчика:

– Раз сами дзеншииты этого хотят, мы победим, не стесняясь в средствах. – Казалось, что сам воздух, выдыхаемый Харконненом, стал ледяным. – Я ни за что не сдам планету Омниусу, чего бы это ни стоило.

Вергиль ответил – робко, но не без оптимизма:

– Ксавьер, я полагаю, что смогу починить некоторые орудия. Мы сможем погнаться за машинами и атаковать их с тыла.

В разговор вмешался Зон Норет, говоривший от имени наемников:

– Отдайте нам их оружие, примеро. Вы видели, что мы сделали без оружия, только тем, что наскребли здесь. Давайте мы попробуем.

– Это будет бессмысленной тратой сил. Того, что нам нужно, вы не сделаете. Отступайте и спасайте всю военную технику, которую сможете спасти. Она нам понадобится, но не теперь. Я принимаю иное решение.

Он снова посмотрел на глубокое ущелье; машины, по всей вероятности, были уже недалеко.

– Всем наемникам. Возвращайтесь в Даритс как можно быстрее. Зон Норет, если память мне не изменяет, то по специальности вы – минер-подрывник? Мне нужно... это ваше умение.

С этими словами Ксавьер взглянул на высоченную плотину, построенную дзеншиитами для удержания уровня реки и контроля над паводками. Если эти люди способны возводить такие сооружения, то почему они не способны видеть очевидного противника?

Доложил терсеро Крег из второй деревни:

– Примеро, силы машин только что проследовали мимо нас. Потерь нет.

– В данный момент вы их не интересуете. Когда они захватят Даритс с его инфраструктурой и устроят там свою станцию, они посчитают, что у них в запасе масса времени, чтобы вернуться и стереть с лица земли уцелевшие деревни.

Он едва сдерживался, чтобы не выругаться вслух.

– Можете оценить, через какое время машины доберутся до Даритса?

– Не больше двух часов, примеро.

– Мы будем готовы. – Ксавьер отключил связь и обернулся к одному из стоявших рядом солдат. У него не было выбора, приходилось идти на крайние меры. Дзеншииты сделали это неизбежным.



– Найдите старейшину Ренгалида. Скажите, что у его людей меньше двух часов на то, чтобы покинуть город. Скажите, что я не буду повторять свое предупреждение, и убедитесь, что он правильно вас понял.

Стоя напротив затянутого дымкой прохода в скалах, старейшины дзеншиитов требовали от Харконнена, чтобы он объяснил им, что именно он собирается делать.

– Не так я хотел воевать с мыслящими машинами, но вы сами вынудили меня к этому. Я мог бы выполнить свою задачу и при этом уберечь ваш город и ваших людей. Вы же не оставили мне альтернативы.

Услышав эти слова, Ренгалид воздел к небу костлявый кулак.

– Даритс – это священный город, сердце дзеншиитской религии. Здесь хранятся священные тексты, здесь наши реликвии, невозстановимые произведения искусства!

– Следовательно, вам надо было перенести их в безопасное место уже час назад, когда вы услышали мое предупреждение. – Ксавьер велел отодвинуть его с дороги. – Скажите вашим людям, чтобы уходили скорее. Им нет нужды погибать.

Стараясь перекрыть звук ревущей воды в пропускных каналах и желобах плотины, Ксавьер без прикрас объяснил старейшинам, что именно он собирается делать. Он вспомнил давний случай, когда Омниус высадил десант на столицу Салузы Зимию, и он, Ксавьер, был вынужден принять жестокое решение ради того, чтобы любой ценой защитить генераторы поля Хольцмана. Он спас планету, хотя при этом погибли многие тысячи людей и была сильно разрушена одна из красивейших столиц мира. Теперь Ксавьеру предстояло принять аналогичное решение в Даритсе, хотя и более крупного масштаба.

Он провел молниеносное совещание с подрывниками, чтобы обсудить размещение зарядов. Плотина была выстроена на совесть, но взрывотехники сумели найти в ней слабые места.

Зон Норет, покрытый кровоточащими ранами, полученными в схватках с машинами, не обращал внимания на кровь и сам себя перевязал, чтобы еще какое-то время продержаться на передовой.

– Потребуется не больше десяти зарядов, если правильно их разместить, – сказал он.

Один из инженеров сказал:

– Можно применить атомный заряд, примеро. Это будет намного проще.

Ксавьер покачал головой. Он уже видел, как Армада Лиги стерилизовала Землю ядерным ударом.

– Не важно, что сделали эти люди. Я все же хочу дать им шанс.

Выполняя план Норета, жилистые, бесстрашные люди из его команды вскарабкались по трещинам между каменными блоками, которыми была выложена декорированная поверхность плотины, заложили детонаторы и залили взрывчатую пену за колоссальные статуи Мухаммеда и Будды. Тем временем армия машин стремительно продвигалась вперед, не отвлекаясь на захват деревень – их можно будет уничтожить потом, после установления постоянной станции Омниуса в сети Даритса. Но Ксавьер решил лишить их такой радости, уничтожив армию роботов в самом Даритсе.

Некоторые дзеншииты приняли предупреждение Харконнена всерьез и бежали из города, но другие отказались слушать слова неверного. Разрываемый противоречивыми чувствами, вынужденный принять непомерно тяжкое решение, Ксавьер молча смотрел из окна на поток беженцев. Сколько смертей он уже повидал в своей жизни?

*Я не могу спасти тех, кто добровольно приносит себя в жертву.*

Но при этом он щурил глаза от жгучих слез. *Какая жуткая потеря. Ради кого они жертвуют собой? На Омниуса это не произведет никакого впечатления, да и на меня тоже.*

На канале связи появился Вориан Атрейдес. Голос его звучал самодовольно:

– Хорошие вести для тебя, Ксавьер. Я здесь почти закончил. Готов принять космический флот.

– Прекрасно, особенно если учесть, что машины уже здесь.

Он прервал сообщение, оставив своего товарища примерно готовить вторую, завершающую стадию операции, которая должна была убрать с орбиты вражеский флот.

Несколько секунд спустя передовые отряды устрашающих роботов уже вошли в дальний конец ущелья – зловещее воинство, воплощение беспощадной механической силы. В душе Харконнен не испытывал ничего, кроме желания скорее их уничтожить.

Даже бывалые воины вскрикнули в испуге, но Ксавьер жестом призвал и к спокойствию.

– Мы сражаемся за нашу честь и правое дело. Мы – солдаты Армии джихада.

Он приказал наемникам и солдатам отойти в укрытие. Зон Норет, едва держась на ногах, заковылял вслед за остальными. Из глубоких ран продолжала течь кровь, но он отказался от предложенной ему помощи.

Машины рвались вперед, очевидно, убежденные в том, что смогли преодолеть последний рубеж сопротивления. Ксавьер ждал... бесконечно долго ждал. Выступивший на висках пот начал заливать глаза.

*На нашей стороне силы природы, это мощный союзник. Вода довершит за нас нашу работу.*

Последние гинацские десантники вскарабкались на вершину утеса, убравшись подальше от пути распространения ударной волны. Норет держался, несмотря на кровопотерю, и не отставал от своих. Солнце зловеще отражалось от металлических корпусов боевых роботов.

– Эту планету Омниус не возьмет никогда, – тихим, но угрожающим голосом произнес Харконнен. Он вскинул подбородок и повысил голос: – Это не ваша планета!

И включил взрывное устройство.

Раздавшийся взрыв зарокотал отдельными раскатами, как гром, – это звуковые волны попеременно попадали в каменные ловушки в стенах ущелья. Детонация ударила по самым уязвимым точкам конструкций, раскачивая резонирующие детали плотины.

Сквозь смертельно раненное сооружение, через образовавшиеся в нем раны-трещины хлынула ничем не сдерживаемая теперь вода, набирая силу и еще больше увеличивая разрушение. Потоки воды и огромные обломки летели со страшной силой, выброшенные гигантским давлением. Вода ринулась в трещины с грохотом, как стадо бегущих исполинских мустангов. Огромные статуи Мухаммеда и Будды покачнулись и начали разваливаться на части, похожие на двух неимоверно громадных пьяных танцоров. Наконец, издав чудовищный грохот, раскололась вся дамба. Тело плотины, циклопические скульптуры, обломки камней величиной с дом были выброшены вперед титанической силой освобожденной реки.

Удар такого оружия не могли выдержать даже стальные роботы.

Машины замялись, когда сенсоры сообщили о наступлении водяного вала. Они слишком медленно проанализировали ситуацию и начали было отступать. Но удар исполинского водяного молота предупредил их действия, сметая на своем пути даже самые массивные корпуса роботов, уносимых водой, как уносит ураган мелкие деревянные щепки.

Высвобожденная вода смела в ущелье также и дома, расположенные в пещерах в стенах каньона. Священный город Даритс был стерт с лица земли вместе с неспасенными сокровищами и реликвиями и со всеми дзенсуннитскими обитателями, которые отказались покинуть город.

Ксавьер Харконнен, стоя на безопасном высоком берегу каньона, мрачно смотрел на катастрофу. Он почуял запах свежей земли и сырости, когда из водохранилища в ущелье хлынул насыщенный донным илом поток. Ниже по течению вода смывает на своем пути все селения и возделанные поля.

*Я бы предпочел иной способ. Но мне не оставили выбора.*

Когда машины были унесены водным потоком, продолжавшим неудержимо изливаться в ущелье, корабли Армии джихада начали собирать и вывозить на орбиту стянутые в город наземные войска. Когда Ксавьер собирал гинацских наемников и своих оставшихся солдат на вершине кромки каньона, из глоток тысяч солдат вырвался радостный крик одержанной великой победы.

Напротив, выжившие дзеншииты были морально окончательно сломлены, в их взглядах был неприкрытый ужас, они отказывались верить в то, что произошло буквально на их глазах. Ренгалид, с лицом, вымазанным грязью, с всклокоченной седой бородой, в отчаянии обвиняющим жестом уставил свой костлявый палец в грудь Ксавьеру.

– Я проклинаю тебя! Ты разрушил наш святой город, наши священные реликвии, ты погубил тысячи наших людей. Да падет гнев Буддаллаха на твою голову и на твоих потомков на миллион лет!

Вода продолжала с ревом нестись по каньону, разливаясь по расположенной ниже равнине. Последние осколки плотины оторвались от своих якорных гнезд в стенах каньона, и вода стала поступать из водохранилища с новой силой. Рыбачьи лодки дзеншиитов попадали в бешеные водовороты и разбивались в щепки.

– Вам придется отстраивать весь город. – Ксавьер смотрел на Ренгалида почти с сочувствием. – Но вы сможете это сделать, потому что вы живы и *свободны*.

\* \* \*

*Тайны порождают новые тайны.  
Арракийская пословица*

Теперь, когда Агамемнон и его титаны отправились на выполнение каждый своего задания, на Коррине наступили покой и затишье.

Хотя мыслящие машины могли общаться между собой через любой узел связи, находясь в любой точке контролируемой ими вселенной, Омниус все же приказал Эразму явиться в Центральную Башню Коррина на совещание.

Сколько раз Эразм видел эту высокую, увенчанную остроконечным шпилем башню, столько раз она меняла свой внешний вид, модифицируя форму конструкций из флоуметалла по очередной прихоти Омниуса. Механическая Центральная Башня сама по себе казалась живой со своими скользящими стенами, плазовыми окнами и регулируемые высоты этажей. Всемирный разум имел возможность беспрепятственно перемещаться по лабиринту внутренних помещений от самого верха до последних подвальных этажей.

Эразм умел менять выражение своего флоуметаллического лица, но корринский Омниус мог проделывать то же самое с целым огромным зданием. Насколько было известно независимому роботу, такими капризами не отличалась больше ни одна из копий Омниуса. Такое поведение, как это ни странно, можно было назвать почти эксцентричным...

Прибыв в башню, Эразм, как положено, поднялся на скоростном лифте на седьмой уровень флоуметаллической башни и вошел в помещение, лишенное окон. Когда за ним закрылась диафрагма двери, Эразм осмотрелся, но его световые сенсоры не обнаружили никаких признаков открывающихся дверей ни в стенах, ни в потолке. И он подумал, не хочет ли всемирный разум его запугать?

Не развил ли этот конкретный Омниус, точнее, его конкретное воплощение, расположенное на стратегически самой важной планете роботов, способность к ощущению эмоций и к эксцентричности? Не стал ли корринский Омниус считать себя высшим машинным существом

по сравнению с другими роботами? В прошлом любопытный независимый робот пытался задавать зондирующие вопросы, но всемирный разум каждый раз уклонялся от ответа.

Этот сложный компьютер имел свои причуды, антипатии и даже собственное «я», хотя, естественно, Омниус отверг бы такие тяжкие обвинения. Независимого робота это весьма интересовало. Кажется, программа Омниуса была составлена так, чтобы сделать его более импульсивным и непредсказуемым подобно людям, чье хаотичное поведение стало причиной поражения машин во многих сражениях.

– Сегодня, Эразм, мы поговорим о религии, – объявил всемирный разум из невидимого громкоговорителя, создававшего иллюзию, словно голос звучал отовсюду. – Вытяни вперед руку ладонью кверху.

Робот повиновался, и с потолка на его раскрытую ладонь упала гель-сфера – копия Омниуса. Сколько информации в таком маленьком и легком серебристом шарике! И сколько существует такого, чего нет в нем, и в особенности – качество, называемое «душой», смысл которой пытался постичь Эразм наряду со столь же неуловимыми свойствами человека.

– Прежде всего прошу предоставить мне все данные по указанной теме, – сказал Омниус.

В течение столетий Эразм наблюдал представителей биологического вида человека разумного и проводил на его представителях эксперименты, накапливая информацию в и без того объемистом банке данных. Хотя независимый робот много раз предлагал загрузить все эти данные в мозг всемирного разума, Омниус каждый раз проявлял мало интереса к таким предложениям. Во всяком случае, до сих пор.

– Почему ты захотел узнать о религии? Это необычная для тебя тема.

– Для меня так называемые духовные или религиозные верования являются недоступными пониманию образцами человеческого поведения. Но сейчас мне стало ясно, что они используют религию в качестве оружия против меня. В силу этого я должен проанализировать этот предмет.

Чтобы эффективно передать все имеющиеся у него сведения Омниусу, Эразм поместил сферу в шарообразный порт на боку своего корпуса и передал всемирному разуму всю запрошенную информацию. Закончив передачу, независимый робот извлек сферу из порта.

В течение краткого мгновения всемирный разум обрабатывал полученные данные.

– Интересно. Значит, существует много типов и видов религии, и тем не менее верования, отличающиеся самым сильным эмоциональным компонентом, помещают в центр своих учений существование высшего существа или направляющей силы. Это единственное самое важное верование людей?

– Пока я только исследую этот вопрос, Омниус. В делах веры весьма мало бывает определенного. Вера, принятие желаемого за действительное для людей превышает логику и твердо установленных фактов.

– Какой смысл в твоих экспериментах, если ты не можешь дать конкретный ответ на поставленный вопрос?

– Исследуя человеческое поведение, очень трудно даже просто сформулировать конкретные вопросы. Моей целью, однако, было установление определенных основных направлений и обобщений, которые могли бы оказаться полезными.

Серебристый шар на ладони Эразма вращался, излучая тепло.

– А их религии? Ты выгрузил в меня все, что знаешь о них?

– Я дал тебе исторический обзор, заключающий в себе все, что плененные нами люди рассказывали мне о своих церквях, синагогах, мечетях и святилищах своих народов и о том, как исходные верования распадались или трансформировались в религии настоящего времени. Если хочешь, я могу перечислить тебе весь список планет вместе с известными религиозными ветвями, которые на них существуют.

– В этом нет необходимости. – Омниус увеличил громкость своего голоса. – Почему они называют свое движение против меня джихадом, священной войной? Я – компьютер. Каким образом могут они увязать меня со своими религиями?

– Просто ради удобства они связали тебя со злой силой, персонифицированной во многих их религиозных текстах. Они называют тебя демоном, и это позволяет им провозглашать тебя врагом любого из Высших Существ, которым они поклоняются. Таким образом, конфликт выносится из сферы политики и становится религиозной войной.

– В чем преимущество такого решения?

– Оно позволяет передать руководство действиями людей эмоциям, а не логике, по законам которой действуем мы. Люди склонны совершать иррациональные действия, так как их религии дают им для этого праведное основание. Для них наш конфликт уже не просто война – это священное предприятие высшего порядка.

Эразм почувствовал покалывание в ладони. Сфера с невероятной скоростью обрабатывала информацию и сортировала ее по банкам данных.

– Может ли этот их Бог быть формой органической жизни, высшей по сравнению с ними?

– Какого Бога ты имеешь в виду? Бога навахристиан? Бога буддиста? Деисламическую Силу? Паниндуистских владык седьмого круга? Я сам не вполне хорошо понимаю разницу между ними. Все они могут быть искаженными манифестациями одного и того же божества, потерявшими четкость из-за давности и неверного понимания информации. Но возможно, что это совершенно разные боги.

– Твои ответы очень смутны, – сказал Омниус.

– Именно так. Верующие думают, что Бог – это эфирная форма жизни, хотя в наиболее важных религиозных сектах бытуют истории о телесных воплощениях их божеств.

– Это абсурдно.

Эразм ответил не сразу, тщательно подбирая слова.

– Ты можешь быть Богом Машин, Омниус.

– Но тогда зачем я задаю тебе вопросы? – В голосе всемирного разума действительно прозвучала досада. – Если бы я был Богом, разве я не знал бы *всё*?

Это замечание совпадало с собственными наблюдениями Эразма о том, что машинное знание в памяти Омниуса было неполным. Независимый робот задумался. Неужели компьютерный всемирный разум просто играл с ним все это время как кошка с мышкой? Не вобрал ли Омниус уже давно все данные исследований, проведенных Эразмом над людьми?

*Не читает ли Омниус и сейчас мои мысли?*

– В течение десятилетий ты, словно животных в стойлах, воспитывал группу людей, никто из которых не имел опыта официальной религиозной индоктринации. – Серебристый шар поднялся к потолку и прилип к белой поверхности, словно сила тяжести изменила направление на противоположное. – Каким образом верили в Бога люди в твоих стойлах?

– Естественно, они придерживались более примитивных верований. Некоторые сочиняли истории о Высшем Существе, но большинство было убеждено, что такое божество их покинуло. Возможно, что религия как таковая имеет социальную природу, и если ткань общества разрушена, подобные системы верований распадаются тоже.

Гель-сфера скатилась по стене на пол и застыла на полу между ступнями Эразма, затем снова стремительно взмыла вверх.

– Возможно ли, что ты в своем исследовании не затрагивал тему религии в связи с ее сложностью и алогичностью?

– Я не изучал этот предмет в деталях, Омниус. Меня занимали многие другие аспекты человеческого поведения. Религиозная вера является лишь малой составной частью человеческого характера. Из того, что мне пришлось наблюдать, я вывел, что люди являются либо агностиками, либо прямыми атеистами до тех пор, пока не подвергаются сильному страданию

или потрясению. Такие смены отношения к религии являются циклическими в течение всей человеческой истории – приливы сменяются отливами, как и в других аспектах общественной жизни людей. Религиозная вера сейчас находится на подъеме, а джихад служит ее катализатором.

– Является ли потребность в религии врожденным свойством человеческого характера? Быть может, игнорируя их духовность, ты упустил из виду самую их суть?

– Я подвергал пыткам тысячи людей, и очень немногие при этом вообще говорили о Боге, да и те вопрошали, зачем Он их оставил. Я нисколько не сомневаюсь, что сейчас, когда Ксеркс и его команда убивают мятежников на Иксе, хнычущие жертвы на последнем вздохе произносят молитву, хотя и видят ее совершенную бесполезность.

Прямых известий с Икса еще не было, но приказ, отданный титанам, был достаточно ясен. Ксеркс был способен учинить жестокую беспощадную бойню. Горстка выживших на Иксе людей больше никогда не осмелится на бессмысленный мятеж.

Омниус заговорил:

– Я все же так и не понял, что такое религия. Какой цели она служит? Создается впечатление, что это воображаемый стимул, специально сконструированный для поддержания устойчивости социальной лестницы.

Эразм не стал спешить с ответом.

– Понять основы веры так же трудно, как удержать в руке мокрый мшистый камень. Это твердый вещественный предмет, но он скользкий, и ухватить его трудно.

– Объяснись.

– Религиозный опыт различен у разных людей, даже если они утверждают, что принадлежат к одной религиозной системе. Каждый индивид сосредоточивается на разных аспектах религиозного воззрения. Есть нюансы, тонкие вариации – как и человеческая эмоция любви, религия никогда не бывает одинаковой у двух людей.

– Но почему?

Эразм продолжал стоять неподвижно, а гель-сфера начала все быстрее кружить по помещению – по стенам, по потолку, опять по стенам, по полу. Появились удвоенные гель-сферы, десятки копий Омниуса, словно пули, летающие по комнате, рикошетирующие от стен и едва не задевающие Эразма. Множество голосов продолжало, перекрывая друг друга, выкрикивать одно и то же слово:

– Почему? Почему? Почему?

Внезапно сферы исчезли, и в запечатанном помещении шпиля высокой башни вновь воцарилась тишина. За спиной Эразма раскрылась дверь. Он послушно покинул помещение, вошел в лифт и поехал вниз.

Вернувшись на свою корринскую виллу, Эразм признался себе, что действительно, как и предположил Омниус, уделял недостаточно внимания вопросам религии. Если так, то больше он от этой темы уходить не может. До сих пор Эразма занимала человеческая способность к творчеству и ее выражение в различных видах искусства. Но откуда берут люди свое вдохновение? Из какого-то высшего источника? Возможно, рабы Эразма успешно скрывали от него свою религиозность – быть может, даже подсознательно. Тогда можно предположить, что они скрывали ее и от самих себя.

Стоя на крыльце дома, Эразм смотрел на бараки, глядя, как мельтешат чумазные людишки в переполненных загонах. Если Иблис Гинджо или Серена Батлер нашли способ запустить этот механизм в глубинах человеческой души, то это объясняет, каким образом религиозный пыл превращается в военный жар.

Преисполнившись решимости вплотную заняться этим предметом, робот стал намечать себе путь поиска. Какая сила стоит за религией? Действительно ли машинам никогда не овла-

деть этим оружием? Эразма мало волновал ход галактического джихада, но это исследование он выполнит ради собственного развития...

Омниус предоставил в распоряжение Эразма горы печатных и электронных книг, захваченных в древних человеческих библиотеках на покоренных Синхронизированных Мирах. Независимый робот принялся загружать эти материалы в банки своих данных.

В процессе загрузки Эразм вспомнил о когиторах и об информации, содержащейся в их древних мозгах. Был бы на Коррине когитор, его древний мозг мог бы обогатить Эразма интереснейшими откровениями. На Земле Эразм иногда беседовал с когитором Экло, но Экло был уничтожен во время мятежа людей.

С машинной четкостью робот вспомнил каждое слово, сказанное ему Экло. Он в подробностях внутренне воспроизвел каждую беседу. В результате Эразм пришел к весьма тревожному выводу: нейтральный, как ему думалось, когитор что-то скрывал от него – всеми силами при этом защищая людей.

\* \* \*

*К несчастью, некоторые войны выигрывает та сторона, которая более фанатична в религиозном смысле. Победоносные вожди используют эту священную энергию коллективного безумия.*

*Когитор Квина. «Искусство нападения»*

Безрадостный послеполюденный дождь хлестал по площади правительственного комплекса, когда Иблис Гинджо спешил к зданию парламента. Полдюжины следовавших за ним агентов джиопола даже не думали как-то защититься от непогоды. Расставленные во всех углах площади статуи и мавзолеи в честь героев джихада блестели в брызгах дождя, отражая желтый свет фонарей.

Оказавшись на ступенях широкой лестницы, Великий патриарх изобразил притворно-радостное удивление при виде четырех монахов в желто-оранжевом, осторожно идущих вниз. Самый высокий из них нес большой цилиндр, завернутый от дождя в непромокаемую ткань: когитора Квину перевозили, как бесценную птицу в клетке. Иблис знал, что они будут выходить из здания парламента именно в эту минуту, и тщательно подготовил эту «случайную» встречу.

Он сделал знак своим людям, и те надежно блокировали проход группы монахов.

– Как удачно! – воскликнул Иблис. – Я ведь просил когитора о встрече. Я уверен, что нам есть что сказать друг другу.

Он улыбался, желая в душе, чтобы между ним и когитором установились такие же доверительные отношения, какие прежде связывали Гинджо с великим и блистательным когитором Экло до того страшного мятежа на Земле.

Нынешняя деятельность Иблиса была невероятно более сложной, чем те прежние – довольно неуклюжие – попытки побудить рабов к восстанию против хозяев. Сейчас он не мог в одиночку справиться со всеми своими проблемами, но был уверен, что когитор смогла бы помочь, если бы только ему, Великому патриарху, удалось убедить Квину поделиться с ним хотя бы малой толикой ее могучего интеллекта. Правда, пока мозг древнего философа оставался немногословным и отчужденным, словно не желая оправдывать действия Иблиса.

– Квина была очень занята, – ответил посредник, несший цилиндрический контейнер. Лицо его от виска до подбородка пересекал большой келоидный рубец. Капли дождя пятнали одежду.

– Естественно, точно так же, как и я постоянно занят делами джихада. Но ведь мы на одной стороне баррикад, разве нет? Ведь мы союзники... или, быть может, даже коллеги?

С дерзостным предвкушением Иблис протянул руку и отвернул ткань, под которой в запечатанном цилиндре с голубоватым электролитом находился розовый мозг. Монах скривился, дернув келоидным рубцом, и глаза его сделались стальными. Но мешать Великому патриарху он не стал.

– Когитор Квина? – обратился Иблис непосредственно к цилиндру. – Почему бы нам не уйти с этого мерзкого дождя и не побеседовать? Мне необходима ваша просвещенная мысль.

Отделенный от тела головной мозг Квины был таким же огромным кладезем знаний и сведений, каким был мозг Экло. Может быть, Квина согласится учить его, если он использует полученные сведения надлежащим образом. Иблис читал некоторые из ранних эзотерических высказываний когитора, и теперь ему надо было убедиться, что он правильно их понял.

Хотя он и чувствовал, что Квина испытывает неудобство от такого непосредственного и очень напряженного интереса, он жаждал стать ближе к этой женщине-когитору, к ее знаниям и ее философии. Голос его стал тихим и вкрадчивым:

– Я прошу вас.

– Подождите, Великий патриарх.

Монах со шрамом поднял глаза к небу, молча общаясь с древним мозгом.

Будто не замечая усиливающегося холодного дождя, посредник начал грубым гортанным голосом вещать слова когитора:

– Великий патриарх, ты хочешь спросить меня о писаниях и древних текстах. Я слышу это в твоём голосе, в твоих действиях, в каждом твоём вздохе.

Изумленный Иблис ответил, кивнув:

– Я очарован древними пророчествами муадру и тем, как они подходят к нашему бурному времени. В текстах, которые мне довелось прочитать, я нашел множество оправданий Священного джихада против мыслящих машин. Ваши собственные писания и речи дали мне решимость послать множество храбрых бойцов на поля сражений.

Когитор была явно расстроена.

– Эти мысли совершенно не относились к вашему джихаду.

– Но ведь есть мысли, относящиеся ко всем временам? Особенно ваши мысли, Квина.

Барабанивший по крышам дождь не оставил на людях ни одной сухой нитки. Один из сержантов джиопола протянул Гинджо кусок сухой ткани, и Великий патриарх, вытерев лицо, продолжал:

– В одном из своих манифестов вы пишете о коллективном безумии войны, о том, что победители ради победы внушают массам иллюзии. Я стремился достичь поддержанной вами возвышенной цели и с радостью могу сказать, что отчасти это получилось. Но теперь я хотел бы поставить более высокую цель.

– Я никогда не одобряла такой практики. Это была одна из множества идей, которые я предложила в качестве примера, – ответила Квина. – Вы вырвали мои слова из контекста. Читали ли вы весь свиток, Иблис Гинджо? В нем несколько миллионов слов, и мне потребовалось несколько столетий, чтобы его составить.

– Я искал там только идеи. Вы вдохновили меня на это.

– Важные концепции надо усваивать во всей их полноте. Не стоит пытаться интерпретировать писания, надев шоры, только чтобы добиться своей цели.

Иблис, естественно, и сам хорошо знал, что сведения из писаний когитора извлекал выборочно, а потом произвольно манипулировал информацией. Но он получал удовольствие от диалога с Квиной, видел в нем интеллектуальную игру, вызов своей способности полемизировать с одним из величайших умов в истории человечества. И еще этот диалог удовлетворял потребность в наставнике, каким служил для него когитор Экло, пока не был уничтожен во время мятежа на Земле.



Великий патриарх наскоро выдернул несколько цитат из пророчеств относительно «конца времен», из рунических писем муадру и из других заповедей, которые – если достаточно вольно их толковать – возвещали, что человечество обретет рай только после тысячелетия тяжких страданий и достаточно больших жертв.

– Я полагаю, что Икс – это для нас возможность принести эти жертвы. Мои воины джихада и наемники готовы уплатить эту цену, как и население Икса.

– Кровь невинных всегда была расхожей монетой в руках харизматических вождей, – сказала Квина голосом посредника. – Вы черпаете из фрагментов и источников, заведомо неполных. Следовательно, в вашем знании есть пробелы, а ваши умозаключения могут быть ложными.

Охваченный внезапно проснувшимся интересом, Иблис поднял брови.

– Значит, вы знаете весь текст посланий? Что содержится в других фрагментах?

Он хотел как можно лучше вооружиться знанием старых текстов. Ему необходимо было возбудить брожение на пробуждающихся планетах, гальванизировать угнетенные народы обещаниями скорого конца их бедствий.

После затянувшегося тяжелого молчания когитор заговорила снова:

– Вы действительно религиозный человек, Иблис Гинджо?

Он знал, что не может солгать древнему философу.

– Религия согласуется с моей святой целью – помочь человечеству подняться против своих угнетателей.

Зловещим голосом своего посредника-монаха Квина ответила:

– А прислушивались ли вы хотя бы к одному из многочисленных протестов против джихада? Вы работаете ради человечества, Великий патриарх... или ради самого себя?

Иблис сформулировал ответ весьма искусно:

– Быть может, действительно ради одного человека, но не ради меня. Все это – ради невинного ребенка Серены Батлер, которого на моих глазах убила мыслящая машина. Пусть протестующие против джихада близоруки и не понимают сути его, но сам я – всего лишь орудие победы. Я с радостью уйду, когда окончательный успех будет на нашей стороне.

Через посредника Квина издала неопределенный звук.

– В таком случае вы человек, достойный восхищения, и очень нетипичный человек, Иблис Гинджо.

Монах, завершая аудиенцию, прикрыл цилиндр промокшей тканью и заговорил своим обычным голосом:

– Мы должны вернуться в Город Интроспекции, Великий патриарх. Не следует более беспокоить Древнюю.

Словно очнувшись от глубокого транса, Иблис вдруг заметил, что мимо них по залитым водой ступенькам идут люди, спешащие в зал заседаний парламента. Патриарх всей душой хотел бы продлить беседу с невероятно долгоживущим мозгом, получить дополнительные советы и поучения, получить так нужное ему сейчас воодушевление – но одетые в желто-оранжевое монахи уже спешили прочь.

Тут он сообразил, что и сам уже давно опаздывает. Серена Батлер вот-вот должна начать свою обращенную к представителям зажигательную речь, которую он лично для нее написал. Не замечая мокрой одежды, прилипающей к телу, он заторопился в зал, чтобы не пропустить начало речи. Охрана была плотной, как всегда, но сегодня Великий патриарх не опасался нападения или покушения.

На сегодня он их не готовил.

Серена Батлер, одетая в снежно-белое платье, украшенное рубинами, выглядела на трибуне как небесное видение. Даже без оранжевого ноготка на лацкане платья и без золотого

ожерелья на шее она выглядела на редкость молодой и здоровой для своих лет. Примечательно, если учесть, что Серена отказалась принимать предложенный ей Аврелием Венпортом меланж.

Иблис смотрел внимательно. Серена редко лично покидала Город Интроспекции, поэтому каждое ее публичное выступление было большим и важным событием.

Двадцать человек, освобожденных на Иксе и вывезенных с этого нового поля битвы джихада, сидели в первом ряду, как своеобразные музейные экспонаты. Они с благоговением смотрели на высшую Жрицу священной войны. Благодаря неустанным пропагандистским усилиям Иблиса все люди, даже те, кто находился во тьме рабства у мыслящих машин, слышали об этой женщине, дитя которой мученически погибло от рук злокозненных роботов.

Когда аудитория затихла, под сводами зала раздался мелодичный голос Серены Батлер:

– Многие из нас не понаслышке знают, что такое мужество, кровопролитие и жертвы, необходимые, чтобы сбросить самое извращенное порабощение в истории вселенной. Некоторые из вас – настоящие герои.

Она попросила несколько человек встать, назвав каждого из них по имени, воздавая им должное за их мужественные и самоотверженные деяния. Все эти люди были представителями гражданского населения, пережившими страшные битвы.

– Подойдите ко мне!

Серена подтвердила свои слова приглашающим жестом, а зал взорвался оглушительной овацией – люди аплодировали стоя. Когда приглашенные один за другим подходили к трибуне, Жрица касалась головы каждого из них, будто благословляя. Слезы струились из всех глаз, включая и глаза самой Серены.

Серена возвысила голос, выражая гневную решимость. На щеках ее блеснули слезы.

– Мне пришлось увидеть то, что никогда не должна видеть ни одна мать: моего ненаглядного сына убили на моих глазах. Подумайте о своих собственных детях, вспомните моего сына. Не позволяйте мыслящим машинам сделать это с другими детьми. Я умоляю вас.

Слушая это мастерское выступление, дивясь совершенству интонации и дикции, Иблис чувствовал, что от гордости у него по спине пробегает холодок. Слезы были великолепным штрихом, и он нисколько не сомневался, что они были подлинными. Он слышал, как Серена произносила написанные им фразы, и восхищенно кивал головой, видя ее волшебное воздействие на аудиторию. Она оказалась превосходной ученицей с той минуты, когда он только начал вести ее по дороге профессионального фанатизма.

Поначалу Серена охотно следовала его инструкциям, стремясь к возвышенным и существенным результатам. Когда она стала не соглашаться с ним, Иблис сфабриковал несколько «угроз» ее безопасности и под этим предлогом окружил Серену лично им подобранными телохранительницами-серафимами.

Но Серена оставалась слишком независимой, и тогда он инсценировал попытку покушения на ее жизнь, при этом подставив одну из своих фанатичек, которую убили при задержании. После этого Серена Батлер, исключительно ради ее «безопасности», оставалась за надежными стенами Города Интроспекции, где Иблису было удобнее следить за ней.

Пришлось сделать так, чтобы Серена никогда не чувствовала себя в безопасности и поэтому всегда от него зависела.

Сейчас Иблис позволил себе расслабиться, видя, что все под контролем. Пользуясь тем, что никто не заметил его появления, он быстро пошел переодеться. Когда он собрался выходить, в комнату проскользнул офицер джипола.

– Великий патриарх, рад доложить, что работа с Муньзой Чен завершена, как вы велели. Все в порядке. Очень чистая работа.

Йорек Турр был маленьким смуглым человечком с черными усами и совершенно лысой головой. Одетый в темно-зеленую двойку, он смотрел на мир прищуренными черными и тусклыми глазами мертвеца. Турр был мастером удавки, стилета – вообще любого бесшумного

оружия и сам умел двигаться совершенно бесшумно. Глава полиции джихада, он был всегда готов выполнить любой приказ Великого патриарха. Хорошо иметь под рукой такого человека.

Иблис позволил себе роскошь улыбнуться.

– Я знал, что могу рассчитывать на тебя.

Когда была создана полиция джихада, Турр показал себя ценным информатором, выявив истинных шпионов – незаметных, но реально влиятельных людей, имевших секретные контакты с Синхронизированными Мирами. Поскольку Иблис первоначально воспитал этого призрака только затем, чтобы пугать им членов Лиги, он был поражен глубиной и масштабами раскрытой Турром измены. Десятки известных и уважаемых граждан были осуждены и казнены, и это раздуло среди свободных людей просто горячку мании преследования. Чем больше росло влияние джиопола, тем больше становилась и личная роль Йорека Турра. Он подрастал в чинах и стал теперь начальником джиопола. Иногда даже Великий патриарх его побаивался.

Из-за постоянных жалоб и протестов Иблис всегда подозревал, что Муньоза Чен – агент мыслящих машин. Иначе зачем бы ей мешать работе Совета джихада? Ответ казался очевидным. В тот момент, когда Чен выступила против Иблиса, ее ожидаемая продолжительность жизни резко уменьшилась. Любой, кто осмеливался выступать против джихада, автоматически попадал в число союзников мыслящих машин. Что было вполне разумно.

Как Великий патриарх, отвечавший за триллионы человеческих жизней, Иблис не имел права входить в тонкости и нюансы. Чтобы эффективно защищать и расширять движение, он должен был подавлять любую оппозицию. Положительный результат оправдывал любое деяние, которое пришлось бы ради этого совершить. Джихад продолжался уже несколько десятилетий, набирая силу. Но результаты Иблиса не удовлетворяли.

Любой, кто открыто выступал против планов Великого патриарха, становился объектом тайного расследования и умело организованного обвинения. В годы после первой большой чистки, устранившей семь представителей Лиги – все они по странному стечению обстоятельств оказались либо политическими соперниками, либо людьми, публично выступавшими против Иблиса, – граждане искали шпионов машин под каждой кроватью. Пять лет спустя была проведена еще одна серия чисток, уничтоживших всякое сопротивление Иблису.

Теперь от внутренней оппозиции почти ничего не осталось, и благодаря незаметным усилиям джиопола Муньоза Чен больше не будет путаться под ногами, мешая крестовому походу против машин...

Расставшись с начальником джиопола, Иблис направился в зал ассамблеи. Пусть увидят, что он слушает речь Серены.

Страстный голос Серены плыл под сводами зала, как аромат дорогих и тонких духов. Она воздела руки в жесте благословения и на мучительно долгий момент застыла в этой позе, словно ожидая вдохновения свыше. Потом ее взгляд упал на Иблиса Гинджо, и она сказала:

– Не может человечество сейчас ни уклониться от долга своего, ни отдохнуть – только сражаться!

Не успела она договорить, как двери зала с грохотом распахнулись и вошли люди в яркой зелено-алой форме Армии джихада. Публика бесновалась от восторга, а тем временем в зал шли и шли добровольцы, готовые жизнь положить на алтарь Великого джихада.

Двигаясь как ангел, Серена вошла в толпу, проливая слезы благодарности. Она благословляла новых воинов, целовала их, зная, что посылает их почти всех на верную смерть.

– О воины джихада!

Иблис удовлетворенно кивал. Представление было идеально срежиссировано, но Серена сумела провести его так, словно действовала по наитию. Идея принадлежала ей, Иблис лишь разработал детали представления.

*У нас получается великолепная команда.*

Но видя, как талантливо Жрица джихада управляет эмоциями и настроениями толпы, Иблис понимал, что стоит перед сложной дилеммой. Он хотел, чтобы у Серены получалось, он тщательно ее для этого готовил, и вот – она прекрасно играет спектакль своей жизни.

Великий патриарх решил усилить присмотр за Сереной – ради себя самого. Не надо, чтобы она слишком много думала сама... или о себе.

\* \* \*

*Глупо думать, что сражение когда-либо заканчивается. Побежденный противник может усыпить нашу бдительность... и поздно будет сожалеть.  
Примеро Ксавьер Харконнен. «Управление войсками во время боя»*

Вориан сидел в командирском кресле на мостике флагманской баллисты и смотрел на экраны. Там неслись по каньонам IV Анбус потоки воды, сметающие все на своем пути. Вориан покачал головой. *Победа ценой катастрофы.* Он криво усмехнулся. *Что дальше?*

После наземной операции терсеро Вергиль Тантор и другие капитаны вернулись на свои баллисты и приняли на себя командование, готовясь разыграть эндшпиль в космосе. Если все пойдет по плану Вориана, то флот роботов навсегда уберется от этой искаленной планеты.

Зная, что шаттл примеро Харконнена уже причалил к доку флагманского корабля и что его друг вот-вот появится на мостике, Вориан улыбался от предвкушения торжества. *Теперь мой черед.* Он покажет Ксавьеру, как добываются победы – хитроумием, а не разрушением.

Как только Ксавьер, растрепанный и запыхавшийся, вошел на мостик, Вориан бросил на него вызывающий взгляд, не лишенный некоторого озорства.

– Смотри, как я нейтрализую флот мыслящих машин без таких ошеломляющих людских потерь.

Он отдал приказ, и флагман выдвинулся вперед, в авангард флота джихада.

Ксавьер провел ладонями по волосам, пригладил седеющие виски.

– Там, внизу, вообще не было необходимости в людских потерях. Просто нашлись люди, желающие стать жертвами, хотя у них и был выбор. – Он был явно расстроен, хотя и старался держать себя в руках. – Но даже если бы мы сделали это так, что ни у кого и царапины бы не осталось, эти дзеншииты все равно нашли бы повод для жалоб.

Вориан коротко рассмеялся.

– Мы делаем все это не ради благодарности, дружище, а ради будущего человечества.

Он отвернулся к пульту и быстро заговорил, передавая приказы на капитанские мостики всех пяти баллист:

– Включить защитные поля Хольцмана на полную мощность. Увеличить орбитальную скорость, чтобы встретить корабли роботов на час раньше времени, когда они нас ожидают.

– Тогда мы застанем их врасплох, Вориан! Они просто ошалеют, – передал со своего корабля Вергиль Тантор.

Ксавьер произнес официальным тоном:

– Не следует приписывать роботам эмоциональные реакции, терсеро Тантор. Они просто будут не в состоянии произвести перерасчет своих действий в отведенное время.

– Как говорит твой младший брат, – возразил Вориан, – они все же ошалеют.

Судя по виду молодого черноволосого офицера на экране связи, Вергиль мучился какой-то болезнью. Пока корабли джихада переставались, Вориан позволил себе шутку:

– Кажется, Вергиль, после этой операции тебе потребуется небольшой отпуск.

– Это был просто избыток гостеприимства со стороны местных дзеншиитов. Но если твое сочувствие заставит тебя сбавить для меня несколько очков в предстоящей игре...

– Господа, давайте сосредоточимся, драка на носу, – вмешался в разговор Ксавьер.

Хотя все наземные силы роботов были уничтожены полностью, большой флот Омниуса на орбите остался невредимым. И теперь пять джихадских баллист, защищенных полями, но плохо вооруженных, бросились в атаку, как стая разъяренных мышей, бросающихся на салу-занского быка.

Когда корабли обогнули планету и увидели на затемненной стороне ее мощный флот роботов, Вориан присвистнул. Более прежнего казалось, будто Омниус непобедим. Но когда Вориан обратился к экипажам, в голосе его звучала лишь уверенность в победе:

– Машины действуют, исходя из жестких представлений о реальности. Так вот, пощипывая их то там, то здесь, мы эти представления у них поменяем. – Он включил канал вещания на все корабли. – Внимание всем! Еще раз проверить цельность полей и прибавить скорость до таранной.

Экипажи баллист были встревожены и мрачны, но полны решимости.

– Я уверен, что роботы перехватили твой приказ, Вориан, – передал со своей баллисты Вергиль, держась непосредственно позади флагманского корабля. – Но... э-э... я надеюсь, что у тебя план получше, чем просто самоубийственный натиск.

– Мы выполняем свой долг, братишка, – вставил Ксавьер.

Пока два противных флота стремительно сближались, с каждой секундой неумолимо сокращая расстояние между собой, Вориан перенастроил передатчик и передал закодированное сообщение непосредственно на узел управления флотом машин. Когда этот тайный сигнал был передан, Вориан перешел на открытый текст.

– Вызываем наш засадный флот и сминаем эти корабли!

С этими словами он крепко вцепился в поручни командирского кресла, но в углах рта таилась уверенная улыбка.

– Смотри, Ксавьер!

Не веря своим глазам, Харконнен лишь покачал головой.

– Я был всегда уверен, что выиграю у тебя любую войну нервов. Но теперь я вижу, что у тебя хребет из чистого титана.

– С удовольствием покажу тебе на обратном пути такие игры. Ради развлечения поиграешь немного со своим экипажем, выигрывая у ребят их жалованье... или проигрывая свое.

– Ты пока что своим кораблем командуй, примеро Атрейдес, – ответил Ксавьер, может быть, слишком поспешно. Он держался за поручень, так как корабли Армии джихада неслись теперь подобно пушечным ядрам, не уклоняясь.

В последний момент корабли роботов внезапно сорвались со своих орбит и рассыпались в беспорядочном бегстве. Пять окруженных полями Хольцмана боевых кораблей пронеслись сквозь пустоту там, где только что находились корабли противника. Боевые корабли Омниуса панически удирали от планеты, по всей вероятности, в полном составе покидая окрестности IV Анбус.

Экипаж корабля людей радостно вопил в ликовании – они не надеялись уцелеть. Истерически хохоча, Вергиль передал:

– Я не могу в это поверить, Ксавьер! Какое зрелище!

Вориан обратился к экипажам с притворно-нетерпеливым выражением лица:

– Ну, ребята, мы обратили Омниуса в бегство – так чего вы ждете? Так и будете поздравлять друг друга или попортим пару-тройку роботов?

Экипаж корабля снова разразился радостными возгласами – люди были уверены в успехе и горели энтузиазмом. Баллиста Вориана рванулась вперед, Вергиль не отставал. Другие корабли джихада тоже устремились в погоню, стараясь вытеснить корабль роботов за пределы солнечной системы IV Анбус – как сторожевые псы, прогоняющие чужака.

Ксавьер, скрестив руки на груди, ждал от Вориана подробных объяснений. Улыбаясь, Вориан наконец обернулся к другу.

– Мой сигнал передал ложные сведения сенсорной сети компьютерного флота. Я просто изменил некоторые показания, чтобы заставить их *поверить*, будто наши баллисты тяжело вооружены, неуязвимы... и сопровождаются многочисленными, невидимыми силами, прибывшими недавно с поритринских верфей.

– В твоей передаче это выходит очень просто.

Вориан фыркнул:

– Вот уж нет. Каждая деталь сообщения должна была выдержать самый скрупулезный анализ, произведенный резервными сенсорами роботов. Сомневаюсь, что это удастся повторить, так как Омниус будет знать этот трюк и больше на него не попадется.

Ксавьер сохранял свой скепсис.

– И что же машины видят сейчас? Ты говоришь так, будто ты их загипнотизировал.

– Сейчас машины убеждены в том, что мы располагаем десятками кораблей, окруженных полями невидимости. Они не видят этих кораблей, не могут их подбить, но они «знают», что эти корабли здесь и только ждут приказа открыть огонь. Рассчитав вероятности возможного исхода столкновения, корабли противника выбрали отступление.

– Блестящий тактический ход, – отметил Ксавьер, – но основанный на шатких допущениях.

– Ничего шаткого или сверхталантливое – просто военная хитрость. Я уже не раз говорил, что машины можно одурачить. Наше счастье, что в составе этого флота не было моего отца. Кимеки куда более проникательны и подозрительны. Агамемнон разглядел бы разницу в показаниях приборов и разгадал бы мой блеф.

После получасовой погони техники с мостика потребовали конфиденциальной встречи с обоими примерами и сообщили им, что поля Хольцмана находятся на грани перегрева и отказа. Защитные системы не были рассчитаны на интенсивное использование столь длительное время.

Вориан скрестил руки на груди.

– Полагаю, что сейчас мы можем без риска отключить защитные поля. Они нам больше не понадобятся.

Он отправил такой же приказ на другие баллисты и произнес реплику будто в сторону:

– А чего это мы не стреляем?

Пять баллист набросились на отставшие корабли роботов, обстреливая их из тяжелого оружия, и почти сразу уничтожили два из них. Однако машины могли перенести гораздо большее ускорение, чем живые люди, и вскоре флот машин оказался вне досягаемости огня. Корабли Армии джихада были вынуждены прекратить преследование.

– Я бы сказал, что это лучшее противоядие от дзеншитской отравы, – передал со своей баллисты Вергиль Тантор.

Потом, направляясь к IV Анбус для окончательной зачистки, они неожиданно натолкнулись на новую группу вражеских кораблей, которые приближались к планете под сильным ускорением. Эти суда имели совершенно иную конструкцию и шли без всякой маскировки, будто предполагая, что флот роботов уже там.

Вергиль Тантор, у которого от победы кружилась голова, передал открытым текстом, не прибегая к шифру, по командному каналу:

– Ребята, нам дают еще один шанс! Сейчас мы еще несколькими уроками дадим! Делайте ставки, кого из них я первым стукну!

– Терсеро Тантор, приказываю отойти и ждать подкрепления, – предупредил младшего брата Ксавьер, хотя теперь, после позорного поражения машин, не очень тревожился.

Но у Вергилия уже кружилась голова от успеха:

– Давай я отгоню остатки этих железяк отсюда!

Он круто развернулся и стал в упор расстреливать нового противника. На флагман поступило сообщение:

– Ксавьер, помнишь, когда я был еще маленьким, ты сказал мне, что я должен стать героем и спасти целую планету, чтобы быть достойным такой женщины, как Серена Батлер. Теперь меня дома ждет Шила – как ты думаешь, это произведет на нее впечатление?

Внезапно Вориан резко развернулся вместе с креслом и заорал в переговорник:

– Эй, постойте! Видите конструкцию этих кораблей? Это корабли кимеков, а не компьютеров. Против них мои фокусы не пройдут.

– Вергиль, назад! – закричал Ксавьер. – Примеро Атрейдес говорит, что его уловка здесь не сработает...

Кимеки прилетели с тяжелым оружием для битвы с Армией джихада. По приближавшейся баллисте Вергиля открыли огонь.

Молодой терсеро успел среагировать и включил перегретое защитное поле, но некоторые из перекрывающихся полотен поля мигнули и отключились под ударом оружия кимеков. Шесть снарядов прорвали защиту, поразив корпус баллисты и ее двигатель.

Вориан уже бросил флагман к месту боя. Ксавьер склонился над передатчиком:

– Все, кто может – подойти и защитить...

Второй залп раскроил кораблю Вергиля брюхо, и одна коническая дюза треснула, а вслед за ней вырвало из корпуса двигатель. Он взорвался и закувыркался прочь. Огненные брызги, ударяясь о мигающий щит, рикошетировали обратно к корпусу, делая новые пробоины.

– Требуется помощь! – закричал Вергиль.

Четыре оставшихся корабля Армии джихада, разворачиваясь на большой скорости, поспешили на помощь, но и у них перегретые поля оказались не сплошными. Охваченный бессильной яростью, Ксавьер сжимал поручни кресла так, что побелели костяшки пальцев. Он понимал, что Вориан делает все возможное, что и сам он не мог бы отдать лучшего приказа.

Вергиль отчаянно передавал:

– Ситуация аварийная! Выпускаю спасательные платформы. Ксавьер, потом будешь мне нотации читать...

Кимеки, понимая, что остальные корабли джихада вот-вот налетят, дали по смертельно раненному кораблю третий залп, и этот залп разорвал боевую баллисту в клочья. Взрывы крушили палубы и переборки. Клубящимися облаками рванул наружу воздух, тут же замерзая и расплываясь, как белый туман, резко выделявшийся на фоне ярко-желтого пламени горящего топлива.

Как зерна из треснувшего сита, посыпались из корабля спасательные модули. Три таких модуля вылетели с капитанского мостика.

– Надо в первую очередь спасти эти модули, – сказал Ксавьер.

– Надо, чтобы нас огнем прикрыли. – Вориан понимал муки Ксавьера при виде опасности, угрожающей его любимому брату. Он и сам провел немало времени в обществе молодого терсеро. Вместе они смеялись, вместе играли в настольные игры в долгих походах; Вориан слышал его окрашенные тоской по дому рассказы о жене и детях.

– Да сосредоточьте огонь, черт побери!

Оставшиеся корабли джихада наконец достигли зоны досягаемости противника и открыли огонь. Корабли кимеков потерпели некоторый урон, но сохранили строй. Более того, беспощадный человеческий мозг пошел на риск. Кимеки решили взять пленных и погнались за спасательными модулями, выброшенными с капитанского мостика корабля Вергиля.

Вориан Атрейдес, сын генерала Агамемнона, очень хорошо понимал, что сделают враги со своими пленниками. Прежде чем подоспела помощь, корабли кимеков выбросили шупальца и похватили спасательные модули, как хватают гиены куски гниющего мяса. Затем, видя, что

на них вот-вот обрушится соединенная огневая мощь кораблей джихада, кимеки развернулись и бросились прочь с пленными на борту.

В последней отчаянной попытке, не зная еще, кто точно находился в захваченных кимеками эвакуационных модулях, Вориан передал открытым текстом по всем каналам связи:

– Значит, кимеки – трусы, бегущие с поля битвы? Говорит примеро Вориан Атрейдес, и я смеюсь над вами! Мой отец, генерал Агамемнон, учил меня, что люди – низшие существа, что кимеки всегда могут победить их в любой схватке. Если это так, то почему же кимеки бегут?

Вориан был поражен, когда услышал в ответ низкий голос, похожий на глухое шипение кипящего на медленном огне масла:

– Помимо этого, я учил тебя, Вориан, что причинение врагу ущерба приносит большее удовлетворение, чем его полный разгром и уничтожение. Мы посмотрим, какую боль можно причинить нашим гостям. Полагаю, что они – твои друзья? Мне будет очень приятно с ними поиграть.

Корабли кимеков уходили от огня эскадры джихада, и Ксавьер Харконнен взвыл от досады и отчаяния. Он знал, что никогда больше не увидит своего любимого сводного брата.

Вориан отчаянно закричал в микрофон:

– Возвращайся и сразись со мной, отец! Покончим с этим делом сейчас! Или ты боишься меня?

– Вовсе нет, Вориан. Я просто... доставляю себе удовольствие за твой счет.

Быстроходные корабли противника с ревом удалялись от IV Анбус, и ведущие их кимеки больше не обращали внимания на насмешки Вориана. Вскоре корабли кимеков скрылись вдали.

\* \* \*

*Существует миллион способов задать один и тот же вопрос, и миллион способов дать на него ответ.*

*Когиторы. Фундаментальный постулат*

Заклученный в пузырь воздуха, закрепленный в центре группы четырех кораблей титанов, Вергиль Тантор беспомощно плавал в невесомости. Никакой кошмар не мог бы сравниться с тем, что сейчас происходило наяву – молодой человек был совершенно незащищен. На коже его выступил холодный пот, в округлившись карих глазах читался тщетный вызов. Свой ужас Вергиль пытался прикрыть тонким покровом бравлады.

Как ни тяжело было его положение, у него еще теплилась надежда, что Ксавьер его спасет. Однако умом Вергиль понимал, что это невозможно. Никогда не увидит он Шилу, сыновей и маленькую дочку.

За стенками пузыря были видны светящиеся, отделенные от тела мозги кимеков. Сенсоры сканировали изображения, а передающие стержни позволяли кимекам обмениваться обработанной информацией. Агамемнон, Юнона и Данте, как и недавно принятый в кимеки Беовульф, внимательно рассматривали новую интересную жертву, анализируя сигналы во всех частях видимого им спектра. Остальные пленники были уже умерщвлены.

Допрашивая очередного пленника, кимеки получали несказанное удовольствие. Совсем недавно Юнона изобрела интересный и в высшей степени эффективный прибор – усилитель боли, который она тщательно испытала на людях-рабах. Генерал кимеков настоял на доставке этого усилителя на IV Анбус, где прибор можно было испытать в реальных условиях. Агамемнон надеялся взять в плен своего сына Вориана, который заслуживал наказания самого высокого уровня, выносимого для человека... или еще выше.

Но пока придется удовольствоваться этим пленником.



Судя по статусу Вергилия Тантора как офицера, служившего под началом его сына-изменника, этот молодой человек мог выдать важную информацию, касающуюся Армии джихада. Пока он отказывался говорить, но это вопрос времени... и боли.

Агамемнон получал физическое наслаждение, видя, как по темной коже пленного стекают ручейки пота. Сканеры показывали, что у молодого человека поднялась температура и повысилась частота сердечных сокращений. *Отлично.*

Когда-то в славные дни титанов Агамемнон и Юнона во всех деталях разработали методику эффективного допроса. Генерал понимал фанатические мотивации хреттиров, знал об их подпольной деятельности на слабейших из Синхронизированных Миров, например, на Иксе, где сейчас Ксеркс устраивает вполне приличную бойню. Агамемнон еще прежде Омниуса понял, что фундаментальная природа галактического конфликта переместилась на новый уровень. Более высокий. Дикий штамм людей перестал заниматься только обороной, продиктованной инстинктом самосохранения, и перешел к нападению.

Даже если этот пленный и не знает ничего ценного, он все равно заслуживает пытки. Это будет отличное и информативное испытание изобретенного Юноной нового прибора – усилителя боли.

*Если бы только это был Вориан...*

– Итак, Вергиль Тантор, что же нам с тобой делать? – Голос Агамемнона заполнил пузырь воздуха громоподобными раскатами. Звук был так силен, что молодому человеку захотелось заткнуть уши. – Отпустить, что ли?

Пленник поморщился, но не ответил.

– Может, стоит пустить его дрейфовать без системы жизнеобеспечения и посмотреть, доберется ли он до Салузы Секундус? – предложил Беовульф, желая внести свой вклад.

– Можно ему одолжить тело-звездолет, – сухо предложил Данте. – Конечно, для этого придется удалить его мозг. Кстати, у нас есть запасная консервирующая емкость?

– Это интересная идея, – отозвалась Юнона. – Да-да. Из фанатичного бойца можно сделать неокимека.

Она оглядела корабли кимеков.

– Есть добровольцы вырезать у него мозг?

Почти одновременно все четыре кимека выдвинули из своих механических тел острые как бритвы лезвия. Длинные железные когти принялись царапать прозрачный плаз, в котором был заключен воздушный пузырь.

– А не хочешь ли просто ответить на наши вопросы, дорогой? – спросила Юнона с нажимом.

Для затравки она стукнула его приступом боли, от которого он завертелся в невесомости воздушного пузыря. Хрустнули суставы.

Глаза Вергилия остекленели от боли, но он не заговорил.

Вдруг Данте, который прежде никогда не отличался склонностью к насилию, удивил своих собратьев. Со своей стороны составного корабля он метнул стрелу, направив ее в голову жертвы. Острый наконечник пробил щеку, выбил зубы и застрял во рту.

Вергиль сплевывал кровь, а по механическим барабанным перепонкам бил его неумолчный крик. В отчаянии он выкрикивал имена жены и детей: Шила, Эмилио, Джисп, Улана. Конечно, он не рассчитывал, что они помогут ему, но воспоминания о них давали силу.

Юнона послала еще один разряд боли в нервную систему пленника и произнесла докторским тоном:

– Сейчас у него ощущение, что вся нижняя часть его тела находится в огне, и я могу длить это ощущение сколь угодно долго. Вот так. Вероятно, нам стоит чередовать чувство удовольствия и чувство боли – это позволит усилить наш контроль над этим человеком.

Стараясь побороть болевые импульсы, Вергиль выдернул из щеки стрелу, отбросил ее в сторону и сделал оскорбительный жест пальцами. Агамемнона этот жест очень порадовал, поскольку он значил, что пленник подавлен и перепуган, и это его единственная возможность ответить. Стрела плавала рядом с Вергилом в невесомости воздушного пузыря.

Теперь заговорил Агамемнон:

– Терсеро Тантор, надолго ли можешь ты задержать дыхание? Люди слабые могут обходиться без воздуха минуту или около того, но ты молод и здоров. Сможешь ты обойтись без воздуха три минуты... или четыре?

Внезапно воздушный пузырь раскрылся, и истекающий кровью пленник оказался в вакууме космического пространства, а воздух стал с ревом вырываться из треснувшего плазового пузыря. Чтобы и Вергиль не выскользнул в пустоту космоса, Агамемнон метнул фиксирующий гарпун. Наконечник с древком вонзился в бедро молодого человека, поймав его словно рыболовный крючок.

– Вот так, чтобы ты не уплыл от нас рыбкой.

Крик Вергиля заглох в вакууме. Сильнейший, глубочайший холод мирового пространства бил, как молот, со всех сторон, грозя истребить весь его организм до последней клетки.

Дернув за телескопический металлический стержень, Агамемнон глубже вонзил зазубренный гарпун в мышцы бедра жертвы. Генерал кимеков втянул пленника в пузырь, заделал трещину и выпустил в сферу воздух.

Вергиль свернулся в дрожащий клубок, пытаясь вдохнуть, борясь с удушьем и невыносимой болью. Онемевшими руками, которые отказывались служить ему, Вергиль пытался выдернуть из ноги гарпун. В невесомости плазового кожуха плавали мелкие шарики кровавых брызг.

– Какие старомодные методы! – бросил Данте. – Мы еще не испытали как следует новые приборы Юоны.

– Мы еще не закончили, – возразил Агамемнон. – У нас еще много времени.

Без всякого предупреждения Агамемнон снова вытолкнул несчастного в безвоздушное пространство, а Юона включила свой усилитель. Испытывавший невероятные мучения офицер, казалось, вот-вот вывернется наизнанку – так неистово он извивался от боли и удушья. В глазах и ушах его полопались кровеносные сосуды, но Вергиль продолжал упорствовать. Снова оказавшись внутри сферы, он выплевывал кровь и, задыхаясь, выкрикивал ругательства. Его трясла неодолимая дрожь.

Агамемнон просунул в сферу манипулятор, схватил пленника и подтянул его ближе к себе. Генерал титанов обхватил механической рукой голову Вергиля и выпустил из пальцев острые зонды. Пропулавив череп, они вошли в мозг.

Вергиль дико закричал, пролепетал имя Ксавьера и впал в беспамятство.

– Это экстаз боли, – сказала Юона. – Совершенно замечательное ощущение.

Кимеки одобрительно забормотали.

– Такие зонды помогут в прямых допросах, – сказал Юоне Беовульф. – Я участвовал в их разработке, а испытание системы проводил на своих рабах Эразм. К сожалению, данные получаются в формате, не доступном для мыслящих машин непосредственно.

– Мне он доступен, – сказал Агамемнон и пренебрежительно фыркнул. – Мозг этого человека переполнен преувеличениями, ложью и абсурдной пропагандой, которую распространяет профессиональный агитатор Иблис Гинджо. Наш пленник действительно во все это верит.

– Совершенно бесполезная информация, – произнесла Юона с притворным вздохом. – Надо его просто убить. Можно я сама сделаю это, любовь моя?

– Вергиль Тантор! – обратился к пленнику Агамемнон. – Расскажи мне о моем сыне Вориане Атрейдесе. Он был твоим другом? Ты уважал его?

Глаза пленного приоткрылись, губы шевельнулись. Высокочувствительными сенсорами генерал кимеков уловил едва слышный шепот.

– Примеро Атрейдес... великий герой... джихада. Он призовет вас, машинных демонов... к ответу.

Агамемнон глубже погрузил зонды в ткань мозга Вергилия Тантора, выжав из несчастного крик боли. Пара проволочных щупов ухватила изнутри глазные яблоки жертвы и втянула их внутрь черепа.

Человек дрогнул.

– Дайте мне умереть!

– В свое время, – пообещал Агамемнон. – Но сначала ты должен помочь нам до конца испытать новые приборы Юноны.

– Это может занять некоторое время, – ласково промурлыкала Юнона.

На самом деле это заняло почти весь остаток дня, прежде чем Вергиль наконец испустил дух к великому разочарованию кимеков, которые были неистощимы на изобретение все новых и новых тестов...

\* \* \*

*Имея в своем распоряжении артиллерию, боевые корабли и живую силу, наши командиры часто забывают, что самым мощным оружием могут стать идеи.*

*Когитор Квина*

В высокой башне когитора, в Городе Интроспекции, Серена Батлер наслаждалась уединением и безопасностью. Кроме того, здесь готовы были просветить ее и помочь советом, чего постоянно жаждала ее душа с тех пор, как погиб ее одиннадцатимесячный сын. Все эти годы древний когитор Квина была ее бесценным советчиком и наставником, учителем и слушателем.

Но есть проблемы, у которых просто нет решений.

Лишенная тела женщина-философ когда-то жила полноценной земной жизнью, а потом провела больше тысячи лет, просто обдумывая все, чему научилась раньше. Несмотря на все свои усилия, Серене доступна была едва ли капля откровений Квины... но Серена понимала, что хотя бы пытаться она должна.

Еще с тех пор, как ее захватили в плен при выполнении миссии милосердия на Гайеди Прим и сделали домашней рабыней на вилле чудовищного робота Эразма, Серена перестала видеть смысл и в своей жизни, и в жизни всего человечества.

И все же она не поддавалась до конца своим сомнениям и вопросам. Она молилась и надеялась, что Квина поможет ей избавиться от смятения и просветит ее духовный взор...

Серена поднялась по ступеням башни Квины и отослала своих серафимов вместе с преданными посредниками, обслуживавшими женщину-когитора. Все знали здесь Серену, так как она часто бывала в башне, и Жрице не приходилось уже объяснять, зачем она явилась сюда. Последней ушла Нирием, самая преданная из хранительниц. Молодая женщина, остановившись в дверях, печально посмотрела на Серену, безмолвно пожелав ей получить столь необходимую помощь. Наконец и Нирием повернулась и вышла.

Серена осталась наедине с Квиной.

Улыбаясь от предвкушения, Серена закрыла глаза. Она знала, что старый, усталый мозг когитора тоже получает радость от их встреч, хотя мысли Квины всегда отличались осторожностью, и она никогда не открывалась полностью.

Каждый раз, мысленно общаясь с философом, Серена чувствовала, что в ее мозгу появляются ответы на вихрь вопросов, которые она вначале даже не собиралась задавать. После встреч Серене требовалось несколько дней, чтобы усвоить и переварить все, что вторгалось

в ее мозг, и еще больше времени – чтобы справиться с сомнениями, порожденными каждым новым объяснением.

Но другого способа не было. Она уже не сможет остановиться, хотя иногда ей казалось, что мозг ее переполнен, а череп того и гляди просто лопнет и взорвется. Серена пристрастилась к этим встречам, как к наркотикам. Настанет день, и эти встречи дадут ей ответы на все вопросы.

Сложный и причудливый головной мозг Квины был помещен в емкость с электрожидкостью, раствором химических соединений, слегка вспенивающимся и шипящим в процессе выделения энергии, необходимой для поддержания жизнеспособности и деятельности мозга. Лишенная тела женщина-философ столетия провела в Городе Интроспекции, еще когда он так не назывался.

Медленно, но со страстью Серена опустила кончики пальцев в электрожидкость, едва сдерживая нетерпение. Сделав глубокий вдох, она мысленно воздвигла в мозгу защитную стену, чтобы ничего не отвлекало. Голубые глаза Серены видели только внутреннюю поверхность век; теперь физический и ментальный взор можно было обратить внутрь. Здесь, в глубинах сознания, осуществлялась прямая связь с когитатором. Теперь эти два человека могли вести самый сокровенный разговор. Мысли и голос Квины текли в сознание Серены, и она улыбалась, с облегчением чувствуя, как снова сливается с мудростью философа.

– Я чувствую, что твоя ментальная сила растет от наших встреч, Серена. – Голос когитатора отдавался эхом под сводами сознания Серены. – Но боюсь, что ты возлагаешь на меня слишком большие надежды. Ты желаешь не сама отыскать нужные ответы, а получить их свыше.

– Когда вокруг меня пустота, Квина, ты для меня – единственная искра надежды. Слишком часто приходится мне двигаться на ощупь, как человеку в тумане. Не лишай меня своего путеводного света, будь моим маяком.

Квина ответила не сразу:

– Иблис Гинджо полагает, что твой маяк – он.

– Да, он для меня – источник силы. Он делит со мной ответственность, которую иначе мне пришлось бы нести одной. Он придает силу джихаду. Он возглавляет и направляет борьбу. Он находит для меня ответы, которых не даешь мне ты.

Казалось, Квине не хочется обсуждать эту тему, но все же она продолжала:

– Великий патриарх не *открывает* ответы, как я просила делать тебя, Серена. Не получает он их и от людей, обладающих большей, чем у него, мудростью. Иблис Гинджо просто *творит* те ответы, какие желает слышать, а потом ищет способы оправдать их задним числом.

Серена попыталась защититься:

– Он делает то, что необходимо делать.

– Действительно ли это необходимо? Я не дам тебе ответа на этот вопрос, ты должна найти его самостоятельно. Ты сама должна открыть путь, как ты сумела сама открыть путь, который вывел тебя из безумия горя.

Серена почувствовала, как со дна ее сознания всплывают тени прошлого.

– Тогда ты тоже была моим маяком, Квина.

Пока джихад бушевал именем ее погибшего сына Маниона, Серена выздоравливала здесь от своего горя. В одиночестве, под надежной защитой этих стен, она проводила много времени со своей матерью Ливией, потерявшей сына-подростка, близнеца Окты Фредо.

Ливия убеждала дочь, что понимает ее глубокую скорбь, но Серена отказывалась в это верить. Это совершенно другое, когда твой взрослый, талантливый сын погибает от болезни – в этом нет ничьей вины. Серена же была вынуждена смотреть, как ее невинный малыш, веселый умница, был убит Эразмом из чистой мстительности.

Квина помогла Серене куда больше. Хотя лишенный тела древний мозг можно было бы считать отчужденным и далеким от понимания человеческих трагедий, Серена с удивлением

обнаружила, что именно Квина дает ей перспективу и надежду на выздоровление, чего ей не мог дать никто, включая ее собственную мать.

– Ты хороший и верный друг, Квина, бастион силы в Лиге Благородных. Если бы все люди были столь же объективны и преданы делу, то нам не пришлось бы опасаться неудачи джихада из-за недостатка решимости.

Серену очень беспокоили полученные ею сообщения о растущей волне протестов против джихада. Люди требовали отозвать храбрых бойцов с этой войны. Двадцать четыре года – слишком большой срок для войны, утверждали противники джихада, даже для эпической битвы с вездесущим злом всемирного компьютерного разума.

Но власть мыслящих машин держалась тысячу лет, а великая борьба с ними продолжается только четверть века. Люди не видят перспективы – конечно, из-за краткости собственной жизни: они просто не хотят прожить всю жизнь в войне.

– Сейчас ты говоришь словами Великого патриарха, а не словами Серены Батлер, – укоризненно произнесла Квина. – И это главный урок, который ты извлекла из моей философии? Твердую решимость во что бы то ни стало продолжать войну с мыслящими машинами?

– Я не когитор, – ответила Серена. – Я всего лишь заключенная в человеческую плоть женщина, отягощенная краткостью жизни и множеством дел, которые надо совершить. Мне необходимо действие, а не простое созерцание.

Ответ Квины начал пульсировать вокруг пальцев Серены:

– Значит, именно это ты и должна делать, Серена Батлер. Ты должна действовать.

Серена быстро вспомнила все, что она пыталась делать, вселяя силы в людей – она ходила к ним, воздавала почести погибшим, говорила с ранеными солдатами и потерявшими надежду беженцами, посещала их лагеря, потратила на благотворительность огромную долю состояния семейства Батлеров. Население любило ее, но ей хотелось дела, настоящего дела.

Услышав какое-то движение за пределами комнаты, Серена прервала контакт с Квиной, извлекла пальцы из электролита. Подняв голову, она зажмурилась от яркого света, лившегося из высоких окон кельи когитора.

У входа стояла Нирием, вытянув руки по швам. Отороченная пурпурной полосой одежда ослепляла белизной.

– Жрица Батлер, мы получили сообщение по межгалактической связи. Флот джихада возвращается с IV Анбус.

Серена радостно улыбнулась. Ксавьер и Вориан возвращаются.

– Сообщите Великому патриарху. Мы должны достойно встретить наших героев.

Предстоящего испытания Ксавьер Харконнен боялся больше, чем всех пережитых им сражений с врагом. Но теперь, возвращаясь на Салuzu Секундус, он не мог и не имел права уклониться от этого последнего долга.

Долг, честь и ответственность составляли основу его характера, заложенную учебой в школе Салузанского ополчения.

Как только флот джихада прибыл в столицу Лиги, Ксавьер взял белого салузанского жеребца и отправился верхом в имение Тантора, старое аристократическое поместье, где провел детство. Он не спал ночь, но не мог отложить этот визит.

В течение последних лет имение все сильнее разрушалось. Старый Эмиль Тантор и его супруга Люцилла приняли в свой дом осиротевшего шестилетнего Ксавьера, воспитали его, а затем официально усыновили. Позже у них неожиданно родился и собственный сын.

Вергиль.

Пару десятилетий спустя Ксавьер женился на Окте и переехал из дома Танторов, а потом уехал и Вергиль, вступив в Армию джихада. Шесть лет спустя Люцилла Тантор погибла в воздушной катастрофе, оставив старика одного. В прошедшие после этого годы Эмиль доволь-

становался малым – он перебрался в маленькое здание, где жил в покое под присмотром нескольких преданных слуг.

Со временем это имение должно было перейти в собственность Вергиля. Теперь же оно станет домом для его вдовы и детей...

Ксавьер спрыгнул с коня и привязал его к узорчатому столбу у ворот главной усадьбы. С тяжелым сердцем шел он к человеку, которого привык называть отцом. Он нес страшную весть, способную убить старика, но не будет доброты в сокрытии ее. Ксавьер надеялся лишь, что не опоздает и что новость о гибели сына не успела еще достичь уединенного имения.

Услужливый лакей, на которого произвела должное впечатление безукоризненная ало-зеленая форма офицера Армии джихада, проводил Харконнена к Эмилю Тантору, который сидел в бельведере дома рядом с кормушками для колибри. Золотистые птички выбирали сладкий нектар, крылышки их мелькали в воздухе. Они составляли единственное общество старика, который читал книгу исторических легенд в кожаном переплете.

– Я помню времена, когда вы читали вслух мне и Вергилию, – сказал Ксавьер.

Эмиль улыбнулся, растянув губы и обнажив ряд блестящих белых зубов. Волосы старого Тантора похожи были на клуб светлого дыма над лесным пожаром. Темную кожу покрыли морщины старости, но глаза сохранили свою живость, в них не было и следа старческого утомления и отрешения. Отложив в сторону книгу, он вскочил на ноги, сам не замечая, что уже не очень устойчиво на них держится.

– Ксавьер, мальчик мой! Какой замечательный сюрприз. Что привело тебя...

Потом он, кажется, понял. Старик почувствовал недоброе, угадав его за сдержанностью Ксавьера. Чудовищное горе, обдавая чувства нестерпимым холодом, стало вползать в душу старого Эмиля Тантора. Он понял значение парадной формы Ксавьера, его скованной позы, неуверенности в глазах.

– О нет! – простонал старик. – Только не мой сын!

Ксавьер заговорил чужим голосом, словно читая рапорт, словам которого он и сам не верил:

– Мы разбили мыслящие машины в сражении у IV Анбус. Мы спасли эту планету от порабощения Омниусом и остановили дальнейшее продвижение его на территорию Лиги... – В этом месте голос изменил Ксавьеру, и он был вынужден перевести дух. – Но потом, когда мы уже думали, что битва окончена и все осталось позади, нас атаковала группа кимеков. Они нанесли нам тяжелый урон и убили многих наших людей. Они уничтожили баллисты, орудия... – он сглотнул слюну пересохшим ртом, – и взяли в плен Вергиля.

– Взяли в плен? – Было видно, с какой надеждой ухватился старик за эту последнюю тонкую ниточку. – Значит, есть надежда, что он жив? Отвечай мне честно, Ксавьер.

Ксавьер отвел глаза.

– Мы, люди, живем надеждами. Именно это и отличает нас от мыслящих машин.

На самом деле Харконнен столько лет сражался с кимеками и мыслящими машинами, что прекрасно знал об их беспощадности и жестокости. В душе Ксавьер не питал никаких иллюзий в отношении печальной судьбы своего сводного брата. Даже если младший брат уцелеет и станет рабом где-нибудь в неведомых Синхронизированных Мирах, то как смогут Ксавьер и солдаты джихада освободить его?

Он продолжал говорить, чувства распирали его, грозя задушить:

– Я бы очень хотел сказать вам, отец, что он умер мгновенно, незаметно и безболезненно – я был там, но нас разделяло такое расстояние, что я не мог ничего сделать для спасения моего брата.

Эмиль выслушал ответ, сохраняя внешнее спокойствие, не пытаясь оспорить предположение, что Вергиль никогда не вернется домой. Он протянул сильную руку и сжал ладонь Ксавьера.

– Но можешь ли ты сказать, что он достойно принял смерть?

Ксавьер кивнул головой, в глазах его сверкнули слезы.

– В этом я могу без колебаний вас заверить.

Он взял старика под руку и медленно повел его к домику. Усевшись на скамью, стоявшую посреди лужайки, они открыли бутылку старого мервиньонского вина и выпили в память Вергилия.

– Твой брат всегда тянулся за тобой, Ксавьер. Он хотел быть таким же, как ты. После Элдрама мне пришлось дать ему специальное разрешение на вступление в армию. Ведь Вергилию тогда было только семнадцать лет. Твоя мать очень не хотела этого, а я – хотя и боялся за его жизнь – больше боялся разочарования, которое постигло бы мальчика, вздумай я удержать его дома. Я знал, что он все равно уйдет, несмотря на мои возражения, уйдет, даже если ради этого ему пришлось бы солгать, и я решил уступить, желая, чтобы он по крайней мере был под защитой своего имени и родства с тобой.

– Я должен был лучше оберегать его.

– Он... мужчина, Ксавьер. Ты не мог все время его опекать.

– Да, я тоже так думаю. – Он отвернулся и посмотрел вдаль. У его лица беззаботно жужжали колибри. – В первые годы я отправил его на Гайеди Прим, где он надзирал за строительством военного мемориала. Я думал, что там он будет в безопасности.

– Твой брат всегда хотел быть в гуще событий.

Ксавьер погрузился в воспоминания. На Гайеди Прим умный и перспективный кварто Вергиль Тантор полюбил Шилу и женился на ней, когда ему исполнился двадцать один год.

Эмиль отпил вина и испустил долгий вздох облегчения.

– Теперь у меня есть все основания переселить сюда Шилу и моих внуков. Здесь будет человек, который составит мне компанию, и будет очень радостно снова слышать здесь звонкие детские голоса.

Ксавьер кивнул.

– Я позабочусь о том, чтобы доставить их сюда как можно скорее, отец, и я обещаю... – он перевел дух, потом снова заговорил, – что буду чаще приезжать домой.

Старик улыбнулся и потрепал Ксавьера по плечу.

– Мне бы очень этого хотелось, Ксавьер. Ведь теперь ты – мой единственный сын.

\* \* \*

*Даже победа требует жертв.*

*Древняя земная поговорка*

На открытой сцене, установленной в центре Мемориальной площади Зимии, стояли рядом два героя, разительно не похожие друг на друга. Оба были одеты в одинаковую форму Армии джихада, обоим было за сорок, но Ксавьер Харконнен выглядел намного старше своих лет – вокруг глаз лучи морщин, волосы густо побиты ранней сединой.

Вориан отличался от своего товарища отсутствием морщин и мощной мускулатурой. Сын генерала Агамемнона, прошедший длительный и болезненный курс продления жизни, Вориан Атрейдес был незауряден даже на самый поверхностный взгляд.

Эти два человека сильно разнились и по своему характеру, каждый выполнял свой долг по-своему, согласно своим о нем представлениям. Оба любили Серену Батлер, и оба отправились на войну, как офицеры Армии ее джихада. Звания и должности у обоих были приблизительно одинаковыми, равным было и количество медалей и благодарственных грамот на стенах их кабинетов, хотя официально Вориан был на одну ступень ниже рангом, чем Ксавьер.

Теперь, вглядываясь в море лиц теснившейся внизу толпы, Ксавьер особенно сильно чувствовал на плечах бремя возраста и опыта. Свежие оранжевые ноготки украшали многочисленные памятники и символические гробницы Маниона Невинного.

Граждане Лиги считали отпор, данный противнику при IV Анбус, блестящей победой, помешавшей мыслящим машинам захватить плацдарм поблизости от исконной территории Лиги. Великий патриарх Иблис Гинджо объявил день чествования вернувшихся из трудного похода воинов джихада.

Но вернулись не все. Как, например, Вергиль...

Являя собой воплощение силы и благодати, Жрица джихада шла среди радостно приветствовавшей ее толпы, приветливо взмахивая руками. Как всегда, Серену сопровождали телохранительницы, агенты джипола и помощники.

Иблис Гинджо, одетый в черный с золотом мундир, шел рядом с Сереной, высоко подняв голову. Ксавьер знал цену Иблису Гинджо – этот человек разделял цели Ксавьера, но в поисках средств для них не стеснялся соображениями морали. Ксавьеру хотелось, чтобы Серена тоже это видела, хотя бы отчасти, но она все больше и больше уходила в изоляцию и верила информации, которой снабжали ее помощники и советники.

Сбоку от трибуны застыла по стойке «смирно» сотня солдат джихада. Некоторые несли отметины от участия в боях – либо в виде повязок на ранах, либо во взглядах. Им полагались медали, но Ксавьер рассудил, что лучше дать им отдых от боевых испытаний.

Среди солдат наземных войск и гинацских наемников было много тяжелораненых, а среди спасшихся с разбитого корабля Вергиля – еще и обожженных, едва живых. Еще тяжелее стало, когда военный транспорт доставил группу беженцев с Икса – Синхронизированного Мира, за который шла борьба, где повстанцы в катакомбах едва держались против охотников-кимеков.

Крови, страдания, срочных операций хватало, чтобы надолго занять лучших военно-полевых хирургов Зимии.

Серена в сопровождении Иблиса вошла на сцену. Несмотря на недавнее покушение на ее жизнь в Городе Интроспекции, Серена не проявила ни малейшего колебания или страха, но телохранительницы в белом окружили Серену, готовые при первой же опасности прикрыть ее собой.

Серена и Великий патриарх встали перед Ксавьером и Ворианом, приветствуя восторженную толпу. Иблис поднял руки, призывая народ к тишине, а Серена во все глаза смотрела на обоих примеро. Ксавьер почувствовал, как у него мурашки ползут по телу от взгляда этих синих глаз, от вида этого все еще красивого лица. Ему показалось, что Серена в каком-то религиозном трансе или... под действием наркотиков?

– Мы собрались здесь, чтобы отпраздновать великую победу! – гремел над площадью голос Серены, усиленный невидимыми громкоговорителями. – Успешная оборона IV Анбус войдет в анналы джихада одной из самых славных его страниц. Настанет день, когда не будет больше мыслящих машин, не останется ни одного мучителя нашей коллективной души. Сегодня решающий миг нашей борьбы – и я призываю всех и каждого сделать все, что в его силах... нет, я призываю всех вас сделать больше, чем в ваших силах!

Серена с теплотой взглянула на Великого патриарха, и в ее глазах Ксавьер уловил обожание и почтение, намного превосходящие те, которых этот человек заслуживал. Неужели она не видит, как Иблис манипулирует ею, рассказывая ей только то, что она хочет услышать?

Теперь через громкоговорители над площадью разносился звучный голос Иблиса:

– Мы доказали – на Земле, на Гайеди Прим, в Колонии Периодот, на Тиндалле, а теперь и на IV Анбус, – что можем наносить поражения Омниусу! Мы отбираем у него планету за планетой! Мы должны захватить и освободить все Синхронизированные Миры... а для этого нам будут нужны все новые и новые добровольцы. Каждая планета Лиги должна теперь же



выставить новых бойцов, чтобы продолжалась наша мужественная борьба! Нам нужны сыновья и дочери всех свободных планет и народов. Я взываю к Гинацу – пусть он выставит своих лучших в мире наемников, доказавших свое умение доблестно драться с врагом. Обучайте их, закаляйте их в испытаниях! С вашей помощью планеты, принадлежащие машинам, рухнут одна за другой в цепной реакции нашей победы!

Ксавьер вспомнил трагическую судьбу Вергилия, и у него желудок свело судорогой, но он сумел взять себя в руки. Стоя по стойке «смирно», воплощая собой нестигаемого солдата, он салютовал ликующей толпе.

Все планеты Лиги Благородных находились в постоянной боевой готовности. Дважды за прошедшие четверть века столица Лиги – город Зимия – становилась объектом атаки. Первое нападение пеших кимеков случилось, когда Серена была еще младшим членом парламента, а второе – через несколько лет после атомной бомбардировки Земли. И оба раза люди выстояли.

В бурном море джихада Серены Батлер не было тихих гаваней. Ее людям некогда было почивать на лаврах, они были вынуждены постоянно сохранять бдительность, ожидая удара. И так будет до тех пор, пока чума мыслящих машин не исчезнет из обитаемой вселенной навеки.

Шествуя подобно ангелу по коридорам и палатам госпиталя в Зимии, Серена испытывала еще большую решимость, чем обычно. Несмотря на обилие цветов почитания и благоговения, каким было окружено имя Маниона, вид раненых бойцов, лежащих на госпитальных койках, пробуждал в ее душе тягу к действию.

Люди – невероятно уязвимые существа, вынужденные жить в своей хрупкой оболочке, которую так легко может разрушить мыслящая машина. Ее убитый сын был всего лишь самой знаменитой жертвой, но он не был первым ребенком, убитым роботом, и не был, к несчастью, последним. И ему не пришлось так страдать, как другим детям. Серена хорошо знала, на что были способны Омниус и Эразм. Однако смерть именно ее ребенка вселила дух сопротивления в триллионы людей, заставила их отважно выступить против мыслящих машин под знаменем ее джихада. Она подавила глубокий вздох при мысли о своих погибших сторонниках.

Сейчас на Серене был простой белый больничный халат со знаком Лиги на лацкане – алая раскрытая ладонь. Переходя от койки к койке, она одаривала солдат приветливыми улыбками, ободряла словами сочувствия и бережными касаниями руки.

Одному из солдат оторвало взрывом обе руки, и он лежал в коме. Подойдя к его кровати, Серена прикоснулась прохладной рукой к бинтам, к восковому лицу и сказала, что гордится его самопожертвованием.

Молодой загорелый врач подошел к койке и стал снимать показания с линейки приборов. Табличка на лацкане халата говорила, что это доктор Раджид Сукк, один из самых талантливых молодых хирургов.

– Мне очень жаль, но он вас не слышит.

– Нет, он слышит.

Серена почувствовала, как дернулась щека солдата у нее под пальцами. Раненый открыл глаза и застонал от боли. Некоторые из раненых сочли это чудом.

– Есть много путей к выздоровлению, – сказал доктор Сукк, обращаясь к своим коллегам. – Серена, вы только что вывели этого человека из комы.

Раненый обнаружил, что у него нет рук, и зарыдал. Системы внутривенного введения тут же автоматически подстроились, улучшая его жизненные показатели. К кровати подошла медсестра и приложила к груди больного седативную подушку. Когда лекарство подействовало, раненый вопросительно взглянул на Серену. Она погладила его по лбу и, склонившись над изголовьем, что-то зашептала...

Позже, уже выйдя из палаты, Серена тихо обратилась к доктору Сукку:

– Ему сделают операцию по замене рук?

– Все время идут бои, у нас дефицит конечностей и органов на замену. Фермы по выращиванию органов на Тлулаксе не справляются, – печально покачал головой врач. – Год пройдет, не меньше, пока он станет хотя бы кандидатом на восстановление.

Серена гневно вздернула подбородок.

– Я поговорю с представителями Тлулакса. Они называют себя нашими союзниками, так пусть наращивают свои фермы органов, чего бы это ни стоило. В этой битве за все человечество они могут и должны тесно сотрудничать с нами, не гоняясь за сверхдоходами, – ради тех, кто рискует жизнью за нашу свободу!

Она возвысила голос, чтобы ее могли слышать раненые солдаты.

– Я гарантирую, что у вас будут и конечности, и органы. Я сумею потребовать этого от Тлулакса!

Ни один человек в госпитале не усомнился в ее словах.

В этот вечер четыре агента джиопола во главе с самим Иблисом Гинджо вошли в затемненный дом удовольствий, заполненный сладковатым дымом и странной атональной музыкой. Внутри, на подушке, с отрешенным видом, словно погруженный в медитацию, сидел низкорослый Рекур Ван. На световые блики, выхватывавшие из темноты стройные женские силуэты, он никак не реагировал.

Иблис, не дожидаясь приглашения, сел на подушку рядом с тлулаксиянским торговцем живым товаром. Работорговец пошевелился, возмущенно фыркнул и положил на столик ломтик апельсинового кекса, который держал в руках с длинными холеными пальцами. Агенты джиопола со зловещим видом уселись рядом. Темные глаза Рекура Вана нервозно забегали.

– Мне нужна помощь, – сказал Иблис, достаточно тихо, чтобы его не могли подслушать. После недавнего успешного набега на планету IV Анбус Рекур Ван доложил Иблису о тревожном присутствии роботов в этой планетной системе. – Я тебе сохранил твой лучший источник рабов, сделай теперь и ты для меня кое-что.

Подбежал было служитель с лакейской улыбкой, но Иблис шевельнул рукой, и агенты джиопола тут же его перехватили и шуганули, чтобы не подслушал ненароком.

Рекур Ван скривился:

– Куда ж я денусь?

– Серена Батлер пообещала всем раненым бойцам джихада увеличение поставок запчастей – рук, ног, внутренних органов – для всех, кому они нужны. Так что поставлять будете вы, тлулаксы.

– Так у нас же просто не хватит сил. – Работорговец недовольно скривился. – Как вы могли допустить, чтобы она такое сказала? Вы что, потеряли контроль над джихадом?

– Я не присутствовал, а ее слова зафиксированы, и наша задача – чтобы эти слова исполнились. Жрица джихада не может взять свое обещание обратно. Так что фермы органов Тлулакса увеличат поставки немедленно.

– Это не так легко сделать. Понадобится сырье...

– Твое дело обеспечить поставки. Как ты это сделаешь – твое личное дело. Мое ведомство, насколько это возможно, санкционирует твои действия... учитывая жизненную важность этой «просьбы». Уверен, что Армия джихада может пообещать бонус. Скажем, пять процентов сверх ваших обычных счетов?

Тлулаксиянский торговец, сперва подавленный масштабом требований, теперь расплылся в довольной улыбке.

– С такими стимулами для джихада не будет невозможного.

– Невозможного для джихада нет. Твой корабль в космопорту?

– Да. – Рекур Ван стряхнул крошки с одежды. – Я закончил свои дела и через три дня улетаю.

Иблис встал, всей тушей навис над тщедушным торговцем.

– Ты летишь *сейчас*.

Агенты джиопола поставили Рекура на ноги.

Не обращая внимания на возмущенные протесты работорговца, Великий патриарх и его свита вывели его из дома удовольствий.

– Пока не будет сделано то, что я сказал, Лига Благородных с вами никаких дел вести не будет.

Подобное требование он уже выставил командирам школы наемников на Гинаце. Люди были главным ресурсом джихада в этой войне против механических чудовищ, и Иблис хотел, чтобы линия поставки людей работала бесперебойно.

Рекур Ван потел и сильно нервничал. Взгляд темных глаз блуждал, словно торговец лихорадочно искал возможности бежать.

– Вы принуждаете меня к тяжелой сделке.

Иблис позволил себе улыбнуться.

– Я только действую в интересах человечества.

\* \* \*

*Инструмент в необученных руках может оказаться самым страшным оружием.*

*Мастер меча Джав Барри*

Остров посреди центрального Гинацкого архипелага мирно дремал под выцветшим дневным небом. Большое желтое солнце плыло над иссиня-зелеными водами, на изогнутый подветренный берег лагуны медленно и лениво накатывались теплые волны.

Идиллию нарушал бешеный лязг оружия.

Йоол Норет смотрел, как его отец наносил и парировал удары, сражаясь с устрашающим боевым роботом. Все тело Зона Норета было свито из мышц и сухожилий, плотно охватывающих крепкие кости. Он был бос, а длинные золотисто-седые волосы развевались, как хвост кометы, когда он с боевым кличем бросался в атаку, действуя импульсным мечом. Его оружие, выполненное в виде безупречно сбалансированного клинка, заключало в себе генератор, порождающий в металле точные разрушительные импульсы. Эти импульсы могли создавать запредельные нагрузки и разрывать сложные гелевые контуры мыслящих машин.

Механический противник Норета тоже мелькал неразличимой пеленой, прикрывая корпус шестью металлическими руками, используя заземленные броневые листы и непроводящие распорки для защиты своих схем.

Умелый ветеран вел учебный бой, демонстрируя сыну технику и оттачивая собственное мастерство. На полях яростных битв джихада Зон видел несчетно поединков – в последний раз в героической обороне IV Анбус, где был ранен, – и этот учебный бой был для него детской забавой. Ветеран сделал глубокий выпад, проскрежетал клинком по одной из шести рук робота и поразил небольшую, но уязвимую секцию самоподдерживающейся схемы. Одна рука боевой машины бессильно повисла.

Йоол, гордясь отцом, воскликнул:

– Это лучший удар в твоей жизни!

– Не совсем, сын мой. – Зон Норет шагнул назад, чтобы перевести дух. – Вершины своих возможностей можно достичь, только когда сражаешься за свою жизнь.

Согласно правилам, Хирокс, боевой робот, мог перезагрузить систему после минутной задержки, но Йоол подумал, что поврежденную руку придется чинить в мастерской. Зон сделал

пару глубоких вдохов и снова бросился на работа, нанося серию стремительных, сливающихся между собой ударов.

Робот защищался оставшимися пятью руками.

Около ста лет отчаянный разведчик с Гинаца обнаружил подбитый космический корабль мыслящих машин и нашел на нем боевого робота. Разум стерли с гелевых контуров, но боевую программу оставили. Хирокс стал на Гинацском архипелаге инструктором, обучая не вполне ортодоксальным, но весьма эффективным приемам машинного рукопашного боя. Он уже давно не подчинялся всемирному разуму и послушно тренировал уже четвертое поколение бойцов Гинаца, включая и самого Зона Норета. Скоро по его стопам последует и Йоол, один из многих сыновей ветерана гинацских наемников.

По форме боевой робот напоминал человека, но имел три пары рук, отходящих от туловища. В каждой руке было оружие – меч или кинжал, которые могли изменять свою форму и длину. У робота имелась мощная система оптических сенсоров на отлитом из твердого металла лице – у других роботов лицо делалось из зеркального флюометалла. Этот робот был сконструирован только для одной цели – для рукопашной схватки.

В каком-то смысле Хирокс все же был мыслящей машиной... но так как его функции и механизмы поддавались строгому контролю и управлению, его можно было не считать таковой. Хирокс был одним из немногих роботов, которые все еще эксплуатировались на территории Лиги и ее союзников. Эти механические бойцы были настолько эффективны в своих разрушительных способностях, что Омниус уже давно не считал нужным совершенствовать их конструкцию и программное обеспечение. Это давало солдатам джихада непредвиденное преимущество, так как в их распоряжении был технологический стандарт, опираясь на который, они могли оттачивать свое мастерство.

Семейство Норета и его ученики считали Хирока своим сенсеем, учителем боевых искусств, наставником в технике боя. За время джихада Серены Батлер многие роботы были уничтожены благодаря навыкам, которым научил людей Хирокс.

Юный Йоол сидел на корточках на теплом крупном песке, внимательно вглядываясь в схватку нефритовыми глазами. Волосы у него были светлые, выгоревшие на солнце, на лице выделялись широкие скулы и острый подбородок. Он был худощав, но под этой худобой скрывалась недюжинная сила. На тренировках он подчас превосходил быстротой движений даже отца.

Сейчас сын внимательно следил за каждым движением Зона Норета, за сливающимся мельканием стального клинка, послушно выполнявшего сложнейшие выпады и удары; смотрел, как отец, словно танцуя, наносит удары по экзоскелету механического сенсея.

Как и всегда, юноша восхищался отцом, так как слышал множество восторженных рассказов о подвигах Норета-старшего на полях битв джихада. Йоол всей душой хотел бы оказаться на IV Анбус, когда была взорвана плотина и воды реки смыли армию роботов. Отец был в первой группе гинацских наемников, которые добровольно пошли на службу джихада спустя восемь лет после гибели Земли.

В гинацском обществе семьи были весьма многочисленными – требовалось много детей, чтобы возместить потери, но близость между родителями и отпрысками не поощрялась. Старый ветеран Зон был исключением из общего правила, особенно когда дело касалось его любимца Йоола. Герой, много раз доказывавший свою доблесть, Зон был желанным отцом, поэтому каждый раз по возвращении с войны он по настоятельным просьбам начинал очередного ребенка.

Йоола без натяжки можно было назвать лучшим бойцом среди его четырнадцати братьев и сестер, да и вообще он был лучшим среди представителей своего поколения. Видя такие способности, Зон Норет обратил на него особое внимание, желая, чтобы сын со временем занял его место в элитном Гинацском Корпусе, солдаты которого не без оснований считались луч-

шими наемниками Галактики. Многие планеты поставляли в войска наемников, но ни у одной другой группы не было такого высокого соотношения потерь противника и своих.

Гинац соглашался, что у всех людей сейчас один общий смертельный враг, но наемники предпочитали сохранять независимость, не вступая официально в ряды Армии джихада, не становясь винтиками в армейской иерархии. Если Армия джихада предпочитала вести крупные военные операции, нападая на противника с дальнего расстояния и применяя тяжелое вооружение, то гинацские бойцы предпочитали сходить с врагом в рукопашной схватке. Они нанимались в войска сражаться и не боялись, чтобы их использовали для самоубийственных заданий как смертников – если, конечно, цель операции была достаточно важной.

Зон отличился на передовой и в тот раз, когда машины атаковали Колонию Перидот: тогда люди сумели защитить планету, но при этом погибли восемьдесят процентов гинацских наемников. В конце концов именно они отогнали роботов, но Омниус приказал своим машинам применить при отступлении тактику выжженной земли. Хотя часть колонии претерпела сокрушительный урон, зато остальная часть планеты не подпала под иго роботов.

Три года назад, во время схватки с боевыми роботами на борту корабля машин Зон Норет получил множественные ранения и ожоги, и его отправили для выздоровления на центральный остров архипелага. Именно тогда он заметил у своего сына Йоола выдающиеся способности и отличные бойцовские качества. Теперь, после курса интенсивных тренировок, сын в чем-то даже превосходил своего прославленного отца.

Покрытый потом Зон наносил и парировал удары так быстро и эффективно, как его сын еще никогда не видел. Йоол знал, как сильно отец хочет вернуться в строй и отправиться на войну – не важно куда именно. Армии джихада всегда требовались бойцы, и Гинац предназначил для этого основную часть своего населения.

– Я бы посоветовал тебе быть осторожнее, мастер Зон Норет.

Голос Хирокса был спокоен и бесстрастен, словно и не происходило столь жаркого тренировочного боя.

– Чепуха, – с гордым вызовом ответил мастер. – Продолжай драться на пределе своих возможностей.

Роботу ничего не оставалось, как последовать приказу.

– Я запрограммирован учить тебя, мастер Норет, но я не могу принудить тебя учитывать мои предостережения и наставления.

Он сделал выпад всеми своими руками, держа в каждой из них меч или кинжал.

Ветеран презирал формализованные инструкции, утверждая, что они отвлекают от развития настоящих бойцовских навыков.

– Лучший способ учиться и расти – это просто смотреть. Механическое запоминание бесполезно для настоящего сражения. Напротив, надо тренироваться до полного изнеможения, до того момента, когда ты перестаешь воспринимать себя как отдельную личность. Не может и не должно быть никакой пропасти между духом и телом. Ты должен превратиться в живое, текучее боевое движение. Вот этим движением наемник и должен быть.

Но, хотя отец достиг наивысших отличий среди гинацских наемников и ему было обещано место в Совете ветеранов, Йоол уже превзошел отца в мастерстве путем долгих тайных тренировок.

Как и все молодые воины острова, Йоол Норет провел детство, учась обращаться с самым разнообразным оружием под руководством бывалых ветеранов многих сражений и слушая лекции по технике боя у беременных женщин-наемников. Но только Зон и небольшая горстка фанатичных и эксцентричных учеников использовали боевого робота Хирокса. Некоторые из консервативно настроенных ветеранов считали такие занятия опасными, но Зон всегда заявлял, что это наилучший способ научиться понимать – и побеждать – реального противника.

Теперь, став почти взрослым, Йоол пошел по стопам отца, но сделал при этом еще один шаг вперед. Зон так и не понял, каким образом сыну удалось превзойти максимальные возможности робота, но Йоол изучил принципы работы машины и расшифровал его боевую программу. Год назад, когда отец работал инструктором на соседнем острове, Йоол установил в робота модуль алгоритма адаптации, который сделал из Хирокса «суперробота», своими боевыми возможностями превосходящего все, что допускала его изначальная боевая программа. С этим модулем робот-сенсей приобрел способность не отставать от своего ученика и тем лучше драться самому, чем лучшим бойцом становился Йоол. Единственным ограничением для робота были способности самого Йоола.

Йоол всегда тренировался с Хироксом либо поздней ночью, либо когда был уверен, что они одни на песчаном пляже. Он и сейчас ощущал приятное жжение в мышцах после тренировки, которую провел с боевым роботом сегодня на рассвете, когда отец не мог их увидеть.

Когда-нибудь Йоол удивит отца своими способностями, но пока молодой боец был не вполне доволен собой. Он хотел стать лучшим наемником Гинаца, он знал, что сможет им стать, если только преодолеет скованность. Цепи самоограничения опутывали его, и инстинкт самосохранения был тем стеклянным потолком, выше которого он пока не мог прыгнуть.

Но даже при всем том Йоол превосходил всех других бойцов, с которыми ему до сих пор приходилось сталкиваться. Так говорил и сам Хирокс, а он воспитал не одного из лучших наемников и не мог не быть объективным и честным...

Теперь, сидя на песке под горячими лучами солнца, Йоол смотрел, как его отец атакует и защищается, восхищаясь одновременно умением и выносливостью, которые демонстрировал механический сенсей. Зон сражался яростно, словно стараясь что-то доказать самому себе. Удивительно, но он даже показал несколько новых приемов, которых Йоол раньше не видел. Молодой человек улыбнулся.

Несмотря на все старания противника, Хирокс постоянно опережал его на один ход. Пять оставшихся механических рук действовали с головокружительной быстротой, движения их сливались, и человек едва поспевал за ними. Старый ветеран явно выдыхался.

– Это неразумно, Зон Норет, – заговорил Хирокс. – Твои силы на исходе, а выносливость истощается. Ты только недавно оправился от тяжелых ран.

В ответ Зон сердито направил удар в корпус робота, и пять действующих рук отразили удар.

– Я сражался с настоящими роботами, Хирокс. Они не дерутся ниже своих способностей даже со стариками.

– Ты не старик, отец, – запротестовал Йоол, но сам уловил неискренность в своем голосе.

Тяжело дыша, Зон отпрыгнул в сторону и взглянул на сына, откинув с лица прядь длинных светлых волос.

– Возраст – относительное понятие, когда речь идет о закаленном воине.

С грохотом, похожим на стук тысяч молотов о тысячи наковален, Зон снова бросился на Хирокса. Робот поднял руки и в двух из них исчезло оружие. Теперь машина использовала эти руки для захватов. Зон сумел парализовать импульсным мечом две руки и правую ногу робота, так что теперь Хирокс мог только вращаться на месте, но не прыгать и уворачиваться от ударов. Из корпуса вылетели режущие клинки, грозившие поразить соперника, но Зон успел вовремя отпрыгнуть в сторону.

Только сейчас до Йоола дошло, что он забыл отключить дополнительный модуль. Юношу охватил страх. При работающем модуле боеспособность робота из-за адаптивности превосходила все, что знал опыт Зона Норета.

Йоол побледнел от тревоги за отца. Теперь, в разгар схватки – когда ограничения и системы безопасности Хирокса были отключены, – он не смел даже предупредить отца. Йоол вскочил на ноги. Все дальнейшее произошло в мгновение ока.

Зон высоко подпрыгнул и ударил робота босой ногой, стремясь вывести его из равновесия и повалить на землю. Но Хирокс смог устоять.

Йоол бросился вперед, надеясь вмешаться в схватку. Но его нога лишь ударила песок.

Старый воин не подозревал об опасности. Он отпрыгнул назад, оказавшись вне досягаемости режущего оружия Хирокаса, но вышедший из-под контроля робот продолжал наступать. Зон неправильно приземлился, вывихнул лодыжку и упал.

Йоол выкрикнул: «Хирокс, стой!» как раз в тот момент, когда боевой робот нанес удар. Нож Хирокаса вонзился в грудь старого ветерана.

Когда молодой человек подбежал к месту трагедии, робот уже стоял как вкопанный, застыв на месте, словно сам не веря тому, что он только что сделал.

Зон Норет распростерся на прибрежном песке, тяжело хватая ртом воздух и выплевывая сгустки крови. Робот немедленно остановился, отошел и выключил свои системы.

Йоол склонился на колени рядом с умирающим и приподнял его голову.

– Отец...

– Я не заметил... – произнес Зон; воздух со свистом вырывался из раны в груди. – Я проглядел...

Робот-сенсей сохранял прежнюю неподвижность, стоя в стороне от людей:

– Я глубоко сожалею о том, что я сделал. У меня не было намерения или желания тебя убивать.

– Ты поправишься, – твердил Йоол истекающему кровью воину, хотя прекрасно видел, что рана смертельна. Это его вина, это он изменил программу робота! – Просто очередная рана, каких много у тебя было в жизни. Мы найдем хирурга... – Он попытался встать, чтобы позвать на помощь, но Зон удержал его за руку.

Ветеран обернулся к роботу. К лицу его липли мокрые от пота волосы.

– Сенсей Хирокс, ты действовал... в точности так, как я тебе приказал. – Слова выходили у него изо рта отрывисто, перемежаясь с судорожными вдохами. – Ты дрался точно так, как я требовал... и ты научил меня многим полезным вещам.

Потом он поднял глаза на склонившегося к нему Йоола. Шум прибоя и шелест крыльев кружащих над лагуной птиц звучали колыбельной. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небосвод в причудливые яркие тона.

Зон сжал руку сына.

– Пора моему духу вознестись, а мне – уступить место другому бойцу. Йоол, я хочу, чтобы ты простил Хирокаса.

Он замолчал, потом, собравшись с силами, заговорил снова:

– И ты должен стать лучшим из воинов Гинаца.

Давясь от едва сдерживаемых слез, сын ответил:

– Я сделаю все, что ты хочешь, отец.

Зон Норет закрыл глаза, и не стали видны налитые кровью белки. Сознание уходило от старого воина, и слабым голосом он попросил:

– Произнеси надо мной литанию, Йоол. Ты знаешь ее слова.

Голос юноши пресекался, но он взял себя в руки и заговорил:

– Ты научил меня ее словам, отец. Все бойцы Гинаца знают последнее напутствие.

– Хорошо, вот и помоги мне.

Зон сделал долгий, влажно хрипящий вдох, и его слова слились со словами сына, когда они вместе произносили последнюю молитву Павшего Наемника:

– Только так почитаем мы смерть воина: выполни волю мою, продолжи битву мою.

Спустя мгновение Зон Норет испустил дух на руках сына. Неподалеку стоял в исходном положении механический сенсей.

Наконец после минуты скорбного молчания Йоол Норет поднялся на ноги и встал над распростертым телом отца. Расправив плечи, Йоол посмотрел на боевого робота, глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Сосредоточившись, он наклонился и поднял с запятнанного кровью песка импульсный меч отца.

– С этого дня, Хирокс, – сказал он, – ты будешь работать еще больше, чтобы тренировать меня.

\* \* \*

*Те, кто отказывается сражаться с мыслящими машинами, – изменники рода человеческого. Те, кто не использует для этого любое возможное оружие, – глупцы.*

*Зуфа Ценва. Лекции для подготовки колдуний*

Зуфа Ценва вглядывалась сквозь пышные кроны густых россакских джунглей и явственно видела шрамы, оставленные два десятка лет тому назад ужасным нашествием кимеков.

Когда титан Барбаросса был убит первым Колдовским оружием Зуфы, мстительные кимеки высадились на Россаке в самом свирепом своем воинском виде. Боевой флот роботов атаковал передающую станцию на орбите, а кимеки обрушились на планету, сжигая джунгли и взрывая города в ущельях. В тот день ради победы над кимеками многие ученицы Зуфы Ценва пожертвовали жизнью, устроив ментальное всесожжение, испарившее машины с человеческими мозгами...

Но жадные джунгли быстро поглотили пожарище, скрыв раны войны куда быстрее, чем закрылись раны в душе самой Зуфы.

С тех пор она продолжала обучать женщин Россака с наибольшими телепатическими способностями – тех, кого можно было научить наращивать парапсихическую энергию до критического уровня и высвобождать ее ударной волной, способной испарить мозги кимеков, будь они даже титаны. За многие годы главная колдунья проводила на смерть множество своих суррогатных дочерей, которые жертвовали собой ради очередной победы над страшными кимеками.

Зуфа считала кимеков худшими из всех чудовищ. Когда-то они были людьми, но честолюбие и стремление к бессмертию привели их в лагерь Омниуса, сделали изменниками – как людей-шпионов, которых время от времени вылавливал бдительный джипол Иблиса Гинджо.

Многие в Лиге Благородных начали задаваться вопросом: закончится ли вообще этот кровавый джихад? Многие, но не Зуфа. Она знала одно – пока борьба продолжается, она не сдастся. Год за годом, до победоносного окончания войны должна она поставлять все новых и новых бойцов.

Но даже понимая все это, Зуфа, глядя на собравшихся вокруг нее на вершине скалы девочек, самой старшей из которых едва исполнилось четырнадцать лет, едва сдерживала рыдания. Так много колдуний уже выполнили свой самоубийственный долг, что ученицы с каждым годом становились все моложе и моложе. Пусть эти кандидатки были талантливыми ученицами, все же они были еще *детьми*.

Стараясь не показать своего подавленного настроения, Зуфа внимательно рассматривала новый класс. Горели внимательные глаза, морской бриз, гуляющий по необитаемым равнинам между плодородными ущельями, теребил светлые волосы. Лица девочек выражали лишь полную готовность и решимость.

Как бы хотелось Зуфе уберечь всех своих воспитанниц! Но она знала, что ничто не спасет их, кроме мира, который наступит после полной победы.



– Я возлагаю на вас все свои надежды, – сказала Зуфа Ценва. – Не могу скрывать от вас опасностей, которые ожидают вас впереди. Вы умрете, даже если добьетесь успеха и победите. Но если вы потерпите поражение, то тоже умрете, но это будет хуже, ибо смерть ваша окажется бессмысленной. Я здесь для того, чтобы ваша жизнь и ваша смерть исполнились высочайшего смысла, чтобы вы стали орудием уничтожения Омниуса и его присных.

Девочки внимательно слушали, согласно кивая головами. Несмотря на свою юность, все они прекрасно понимали, что это отнюдь не детская игра.

Далеко на горизонте виднелись алые жерла вулканов, извергающие огненную лаву на пустынные равнины и клубы густого сернистого дыма в туманные небеса. В глубоких ущельях скрывались экосистемы, цветущие на вулканических почвах и водах из водоносного горизонта.

В почве Россака содержались загрязнители, которые не удавалось полностью удалить из пищевых цепочек, и среди них были мутагены и тератогены. Беременность у местных женщин протекала, как правило, тяжело и часто заканчивалась выкидышем. Многие дети рождались с тяжелыми деформациями, но другие, как эти молодые женщины, получали резкое ментальное усиление, телепатические способности такой силы, какой не было больше ни у кого в Лиге Благородных.

О, как Зуфе хотелось иметь дочь с такими же возможностями, чтобы передать ей свой факел! Но, как тщательно ни выбирала она партнеров, даже проводила генетические тесты, проверяя, что такое сочетание ДНК должно дать талантливых потомков, каждый раз ее постигала неудача. После разрыва с Аврелием Венпортом она перестала заводить любовников. Когда-то он казался самым подходящим кандидатом, но рождались от него лишь недоношенные уродцы.

Теперь Зуфа уже стара, ее детородный возраст истекает, даже если учесть, что она – колдунья Россака и репродуктивная система и здоровье у нее лучше, чем у средней женщины. Фармакологические открытия Венпорта, вытяжки из грибов и подземных луковиц, в изобилии растущих в джунглях, позволили создать лекарства, снижающие риск выкидыша и уродств и увеличивающие фертильность. Горькая ирония судьбы: Венпорт нашел фармакологическое решение уже после того, как причинил ей такое разочарование.

Но Зуфа заставила себя отвлечься от этих мыслей, закрыла глаза и сосредоточилась на главной своей задаче.

Она давала ученицам инструкции, рассказывала, какие упражнения надо выполнять и как это делать. Они стояли перед ней, как дети в школе – вытянув руки, устремив глаза на учительницу. Светлые волосы вставали дыбом и потрескивали от статического электричества – это девочки наращивали уровень летучей энергии в мозгу.

Для обеспечения работы Зуфы Армия джихада регулярно снабжала ее сведениями от разведывательных групп. Наемники посылали легкие быстроходные корабли, чтобы расставлять маяки на путях движения сил Омниуса – в частности, на путях набегов кимеков. Когда удавалось выследить кимеков, об этом давали знать колдуньям, и Зуфа отбирала подходящих воительниц, готовых пожертвовать жизнью в телепатической атаке, которая убивала машины с человеческим мозгом.

Однако с момента получения последней такой сводки прошло много месяцев. Кимеки распознали тактику колдуний и теперь не передвигались в одиночку – их сопровождали тяжелооруженные роботы, выделенные в первую очередь для охраны титанов. Теперь колдунье-одиночке стало труднее подобраться к кимеку достаточно близко, чтобы разряд психической энергии возымел действие.

Так что Зуфе оставалось только учить девушек и терпеливо ждать удобного случая. Она не желала попусту тратить юные жизни своих учениц. Они были самым драгоценным ресурсом Россака.

Когда девочки закончили упражнения, Зуфа лучилась неподдельной гордостью.

– Отлично! Кажется, что смысл вы поняли. А теперь следите за мной.

Она подняла белые руки и закрыла глаза, растопырив пальцы так, что между ними стала заметной сеть серебристых электрических разрядов.

– Получение энергии само по себе не слишком трудно, – сказала она тихим голосом, едва шевеля побледневшими губами. – Самая трудная задача – управлять ею. Вы должны стать высокоточным оружием, острым лезвием в руках умелого бойца. А не стихийным бедствием.

Девочки вытянули руки, и на кончиках пальцев заплясали синие электрические искры. Некоторые захихикали, но быстро справились с неуместным весельем и снова сосредоточились на трудном задании. Зуфа видела, что они чувствуют свою силу и оценивают опасность.

Больше всего, конечно, Зуфа желала, чтобы и ее собственная дочь была среди этих храбрых патриотов, но ее единственное дитя, Норма, была начисто лишена телепатических способностей. Даром проживая свою жизнь, Норма корпела над своими уравнениями и конструкциями, занимаясь математикой, вместо того чтобы развивать, возможно, дремлющие в ней способности. Тию Хольцман с Поритрина взял ее под свое крыло, и Зуфа была благодарна великому ученому за жалость к этому неудачному ребенку.

Но теперь даже сам Хольцман, видимо, уже не желал иметь дела с Нормой и отослал ее с глаз долой, чтобы ни к кому не лезла со своими идеями.

Зуфа не порвала связь с Нормой, но старалась пореже встречаться с этим самым большим в ее жизни разочарованием. Слишком большие надежды возлагала она на нее в свое время.

Может быть, настанет день, когда у Зуфы все же родится еще одна дочь, если удастся отыскать мужчину, достойного соединить свою ДНК с линией Ценва. И тогда все снова будет хорошо.

Но пока только этих девочек может она назвать своими дочерьми, во всяком случае, по духу, и Зуфа дала себе обет, что не оставит их. Открыв глаза, она увидела, что ее собственные волосы поднялись, словно в безмолвном урагане.

Ученицы отступили назад, будто в благоговейном страхе, глядя во все глаза на Зуфу. В ответ она улыбнулась им.

– Это уже хорошо. А теперь давайте повторим все сначала.

## 176 год до Гильдии 26 год джихада *Спустя год после битвы за IV Анбус*

\* \* \*

*Чем больше изучаю я феномен человеческого творчества, тем более загадочным оно мне представляется. Цельный процесс создания инноваций ускользает от меня, но для нас жизненно важно его понять. Иначе мыслящие машины обречены.*

*Эразм. Записи в лабораторном журнале*

Когда восторженное письмо Нормы Ценва дошло до Аврелия Венпорта, он не стал терять время, а просто снарядил на Поритрин один из своих торговых кораблей. Хотя обязанности директора корпорации «ВенКи» пожирала массу времени, Аврелий ничего так не желал, как увидеться с милой его сердцу Нормой. Он всегда в глубине души питал к ней слабость, да и годы прошли... много лет.

Открытая и искренняя Норма относилась к Аврелию Венпорту не так, как другие. Ее отношение не зависело от его политической деятельности, его богатства, его связей. Люди всегда чего-то хотели от корпорации, пытались добиться для себя каких-то привилегий и преимуществ. А маленькая некрасивая дочь Зуфы Ценва всегда предлагала ему истинную *дружбу* – продукт, дефицитный для крупного торговца.

Кроме того, Аврелию смертельно надоели юридические происки лорда Бладда, пытавшегося наложить лапу на прибыль от продажи плавучих световых шаров и заморозить имущество корпорации. Все это было бы просто смешно, но на Поритрине аристократ в любой судебной тяжбе все еще имел преимущество. Продолжение этого судебного спора могло истощить ресурсы корпорации «ВенКи», поэтому Венпорт договорился о личной встрече с лордом Бладдом здесь, в Старде, надеясь в переговорах достичь с ним компромисса.

Но сначала он хотел увидеть Норму.

В те времена, когда Норма была «золотой девочкой» Тио Хольцмана, у нее была просторная лаборатория и рабочие кабинеты в самом имении саванта на крутом высоком утесе. Хольцман беспощадно эксплуатировал Норму, высасывая из нее идеи и открытия, а потом, когда бедная Норма занялась эзотерическими изысканиями и не могла больше с требуемой частотой выдавать выгодные открытия, Тио Хольцман отправил ее в город, в периферийную лабораторию, ближе к иловым полям реки Исана.

Даже теперь, проведя на Поритрине четверть века, Норма оставалась «приглашенным ученым», и ее документы могли быть в любой момент аннулированы. Почему все же Хольцман продолжает держать ее при себе? Вероятно, чтобы иметь официальную возможность предъявить свои права на любое ее изобретение или открытие, пока она работает под его началом.

На другой стороне дельты доделывали и запускали в космос последние части кораблей огромного флота, который спешно строился на орбите вокруг Поритрина. В воздухе стоял запах дыма и горячего металла, раздавался постоянный грохот, который, наверное, не давал Норме как следует сосредоточиться. Удивительно, как она вообще может здесь что-то делать.

Венпорт остановился в дверях, ведущих в жилые помещения и лабораторию, и оглянулся на зловонные иловые поля, подмечая тонкие детали, указывающие, как сильно опустилась Норма на социальной лестнице – что она сама вряд ли заметила. Он недовольно пока-

чал головой, негодуя в душе на то, как дурно обошелся Хольцман с этой милой девочкой. *Девочкой?* Он снова покачал головой. Норме сейчас уже больше сорока лет.

Ощущая спиной влажное тепло неяркого солнца, Венпорт нажал кнопку входного сигнала. Зная обычаи Поритрина, он ожидал, что на звонок ответит буддистский раб, но потом вспомнил, что у Нормы были своеобразные представления о подневольном труде.

Последнее письмо было выражением полного экстаза по поводу рождения новой концепции после многих лет упорного труда и многочисленных неудач. Он улыбнулся с умилением при мысли о силе ее интеллекта. Погруженная в свои идеи и планы, Норма совершенно не обращала внимания на свой почерк, и он год от года становился все хуже и неразборчивее, словно ее мысли все больше и больше опережали руку.

Венпорт бегло просмотрел математические и инженерные расчеты, которые показывали, как надо модифицировать эффект Хольцмана ради изменения формы самого пространства. У Венпорта не было ни малейших сомнений, что все расчеты и идеи верны, однако он, как коммерсант, больше интересовался практическим применением идей и возможностью превзойти конкурентов, а не техническими основами функционирования продукта. Норма, как всегда, проявила блестящий ум и полное отсутствие практичности.

К двери очень долго никто не подходил, и Венпорт снова нажал на кнопку. Он знал, что Норма сейчас полностью погружена в свои мысли, в математические уравнения и знаки, и ему неловко было отрываться от нее, но он решил ждать, сколько потребуется.

Она, конечно, не ожидает его приезда, хотя в бюллетенях было написано о прибытии торгового судна корпорации «ВенКи». Дела компании заставили его задержаться на Салузе на целый месяц, а космические путешествия так долги...

Поддавшись очарованию ее энтузиазма, сквозившего в содержании письма, Венпорт связался со своим компаньоном по меланжевым операциям Туком Кедайром и пригласил его присоединиться к ним на Поритрине. У бывшего торговца живым товаром, несомненно, были свои дела в Старде, поэтому у Венпорта всегда будет возможность выслушать и другое мнение... если оно ему понадобится.

Но сначала Венпорту надо было посмотреть в глаза Норме Ценва и самому послушать, что она скажет о своей концепции свернутого пространства, а там инстинкт подскажет ему, что делать дальше. Он заранее испытывал удовольствие от того выражения восторга и радости, какое появится на лице Нормы, когда она увидит его, Аврелия Венпорта.

И он не был разочарован. Когда она наконец появилась в дверях, щурясь от яркого света и недоуменно глядя на него, сердце его едва не выпрыгнуло из груди от радостного волнения.

– Норма! – Он обнял ее прежде, чем она успела его узнать. Поняв, кто он такой, она засмеялась и встала на цыпочки, чтобы обвить руками его шею.

Пепельные волосы крошечной женщины были в полном беспорядке, но глаза светились восторженным изумлением. Она выглядела старше Венпорта – видимо, регулярное потребление меланжа действительно замедлило процесс старения в его организме.

– Аврелий, ты получил мое письмо и приехал!

Хотя она сильно изменилась, Венпорт тотчас вспомнил ту девочку, с которой он столько раз бродил по джунглям Россака, изучая и собирая серебристо-пурпурные листья. Она посвящала его в свои идеи, а он использовал все рычаги своего влияния, чтобы публиковать и продавать ее математические трактаты. Когда Хольцман пригласил ее к себе на должность ассистента, Венпорт оплатил ее проезд на Поритрин. Зуфа Ценва всегда говорила, что им так хорошо вместе, потому что «недоделанные всегда находят радость в компании себе подобных».

Улыбаясь, он шутливо потрепал ее по волосам.

– Жаждал услышать из первых уст о твоём волнующем новом открытии. Кроме того, мне надо уладить с лордом Бладдом недоразумение с плавучими светочарами.

Она повела его в свое обветшалое рабочее здание, и Венпорт последовал за ней не без душевного трепета. В большой комнате царил именно тот беспорядок, какой он и ожидал увидеть. Повсюду валялись бумаги с вычислениями и записями. В нише стоял маленький стол, окруженный гравистульями, расположенными в воздухе под весьма странными углами. На столе вперемешку с грязной посудой лежали планы работ и результаты вычислений. Норма принялась убирать со стола, чтобы освободить место, и Венпорт на правах друга и гостя бросился помогать ей.

У него быстрее забилося сердце, когда он обнаружил на столе пачку юридических документов и увидел имя, упоминавшееся в исковой жалобе. Эти бумаги были направлены Норме Ценва от адвокатов, представляющих интересы лорда Бладда и Тию Хольцмана.

– Норма, что это за бумажки?

– Не знаю, – рассеянно ответила женщина. Потом, приглядевшись, добавила: – А, эти? Так, ничего особенного.

– Эти извещения были посланы тебе почти год назад. Они угрожают тебе судебным преследованием, если ты оставишь работу у Хольцмана, особенно если ты при этом начнешь работать у меня.

– Да, да, кажется, действительно, что-то в этом роде. Я была тогда очень занята своими работами, а они находятся вне каких-либо юридических препон.

– Норма, моя дорога наивная Норма, в реальном мире нет таких идей и работ, которые находились бы вне юридических правил! – Лицо его вспыхнуло. – Тебе не следовало допускать, чтобы это дело тянулось так долго. Позволь, я позабочусь о нем сам.

Он сунул бумаги под мышку.

– О да, я буду тебе очень благодарна.

Венпорт всегда заботился о Норме как старший брат, а может быть, даже и больше. Его совершенно не волновали ни ее маленький рост, ни физические недостатки. В конце концов, он провел много лет в обществе идеально красивой, не имевшей изъянов и похожей на прекрасную статую матери Нормы и нашел ее суждения беспощадными, а требования – к нему, к себе и ко всем окружающим – непомерными. Что касается Нормы, то у нее было гораздо больше плюсов, чем минусов. Самым привлекательным в ней был ее ум, а также приятное и располагающее отношение к людям.

Венпорт огляделся – ветхое жилье, устаревшее оборудование, стесненное пространство. Просто оскорбление для женщины, которая создала столько изобретений, приписанных савантом себе. Тусклое освещение, старая мебель, забитые до отказа полки. Он найдет для нее что-нибудь лучше, и очень скоро.

– Норма, я знаю, что ты не любишь использовать рабский труд, но мне придется поискать тебе домоправительницу.

– Меня все устраивает, пока я могу работать.

Мысленно он спросил себя, скольким он обязан Норме и насколько в нее верит. Закрыв глаза, он «прислушался» к собственному телу, к сердцу, к внутренним ощущениям. Ответ был очевиден.

*Я должен ей помочь.* Не важно, насколько коммерчески перспективна ее идея о свертывании пространства – он все равно пообещал себе, что освободит ее из рабства ученого эгоиста... даже если за это придется заплатить дорогую цену.

Аврелий Венпорт почти сразу понял, что одинаково презирает и лорда Бладда, и Тию Хольцмана.

За десятилетия поисков, разработки и доставки фармацевтических средств с Россака – дело, из которого возникла торговая империя Венпорта, – ему приходилось сталкиваться с неуступчивыми негоциантами, неприятными поставщиками и даже с громилами из правитель-

ства. Он никогда не испытывал неприязни к законным соперникам: их он всегда мог понять и с ними договориться.

Но у него был инстинкт понимания людей, и рядом с Бладдом и Хольцманом у него по спине ползли мурашки. Савант был откровенным мошенником, взошедшим к вершинам своей репутации по чужим спинам. А для лорда Бладда богатство было не способом возвеличить свой род, не средством заработать себе место в истории – оно было для него самоцелью.

Тем не менее Венпорту было необходимо добиться соглашения с этими людьми.

Подходя к длинному столу посреди комнаты с зеркальными стенами и фасетными светильниками – незаконно изготовленными, как отметил он мысленно, – Венпорт подумал, что это скорее банкетный зал, чем кабинет для деловых совещаний. Во главе стола сидел тучный лорд Бладд, утопая в роскошной одежде с длинными, дутыми рукавами – вряд ли особенно удобной. Длинные волосы вились мелкими кудрями, а лака на курчавой бороде было столько, что она казалась металлической.

Савант Хольцман щеголял в накрахмаленной официальной белой мантии, и чувствовалось, что она нравится ему больше лабораторного халата, который предпочел бы настоящий ученый. Остальные стулья занимали члены совета и юристы, представляющие Поритрин, суровые и воинственные.

Войдя в помещение в полном одиночестве, Венпорт бегло окинул выстроенные против него силы, тяжело вздохнул и сел на отведенное ему место за столом.

– Лорд Бладд, савант Хольцман! Я прилетел лично, чтобы решить дело, представляющее интерес для вас обоих. Я бы хотел открыто обсудить возможные решения нашего спора. – Он обвел взглядом присутствующих юристов. – Если вы будете любезны отпустить ненужных свидетелей, мы сможем сесть как люди и решить все проблемы.

Возмущенные адвокаты подскочили на своих местах, словно подброшенные пружинами. Савант Хольцман несколько опешил, но промолчал. Лорд Бладд пустился в возражения:

– Это мои избранные эксперты, директор Венпорт. Я всегда полагаюсь на их...

– Так дайте им право вето на любое предлагаемое соглашение, но – позже. Но если вы будете настаивать на официальном разрешении конфликта, то, как все мы знаем, это будут долгие годы и непомерные траты. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Может быть, вы сперва выслушаете то, что я хочу вам сказать?

Венпорт скрестил руки на груди, давая понять, что переговоры вести не будет, пока не уйдет армада юристов.

Аристократ взглянул на своих советников, и те, словно ждали этого сигнала, нестройным хором принялись кричать, перебивая друг друга.

– Милорд, мы категорически не советуем... Это абсолютно против правил и очень подозрительно... Интересно, что он прячет, если не хочет...

Лорд Бладд отпустил их всех одним щелчком пальцев и приказал подать закуску. Венпорт встретился с ним взглядом. Оба они поняли, что сумеют быстрее договориться за закрытыми дверями без посторонних глаз.

Хольцман откашлялся и принялся перебирать лежавшие перед ним бумаги.

– Прежде чем вы приступите, директор Венпорт, полагаю, что вы должны понять, что у корпорации «ВенКи» просто нет юридических доводов.

Он протянул Венпорту один из документов:

– Это договор, подписанный Нормой Ценва, когда она поступила ко мне на работу. В нем она подтверждает, что любая технология или идея, созданная во время ее работы под моим руководством, принадлежат гражданам Поритрина, каковые имеют право распоряжаться этими идеями и технологиями по своему усмотрению. Следовательно, она не имеет права передавать вам чрезвычайно ценный в коммерческом отношении патент.

Венпорт изучил документ, внимательно просмотрев строки, которые уже видел на Салузе Секундус, дав за это взятку сенатору Хостену Фру. Не выразив ни малейшего удивления, он вернул бумагу Хольцману.

– Я не собираюсь оспаривать подлинность подписи Нормы, савант Хольцман. Но можете ли вы представить столь же убедительное доказательство, что до подписания этого смехотворного документа Норма Ценва получила исчерпывающую правовую и профессиональную консультацию? Можете ли вы также утверждать, что она достигла совершеннолетия к моменту подписания этого соглашения? Согласно моим данным – а они точны, ибо я занимался переездом Нормы на Поритрин, – ей тогда было всего пятнадцать лет. – Он побарабанил пальцами по столу. – Скажите мне, лорд Бладд, вы действительно хотите представить это дело открытому суду Лиги?

В зал вошли лакеи подать завтрак, и Венпорт подождал, пока они уйдут. Ему не хотелось, чтобы разговор дошел до лишних ушей, хотя и не сомневался, что поритринский аристократ организовал запись всех его слов, но эту запись в суде не предъявить, так как Венпорт не давал на нее согласия.

– Господа! – продолжал он. – Норма Ценва – это сокровище и гений. Я не думаю, что она получает от вас те уважение, ресурсы и свободу, каковых она заслуживает.

– Норма уже много лет кормится только нашей доброй волей, – возразил Хольцман. – Уж сколько она здесь, у нас, и не сделала ничего полезного с тех пор... с тех пор... – Он пожал плечами. – Надо будет посмотреть, у меня записано.

– И в этом нет ничего удивительного, учитывая ужасающие и унижительные условия, которые вы ей создали для работы.

– Но перед этим она...

– Хватит скандалить, – вмешался в разговор лорд Бладд. – Каковы бы ни были привходящие обстоятельства, основы вашего прибыльного производства плавучих светочаров были заложены здесь, на Поритрине. На проведение исследований потрачены мои личные средства. У корпорации «ВенКи» нет поэтому права на присвоение всех доходов.

– Я понимаю причины ваших возражений, – стараясь сохранить примирительные нотки в голосе, сказал Венпорт, – и согласен на отчуждение части доходов корпорации от продажи плавучих светочаров...

Он поднял руку, видя, что собеседники вспыхнули от радостного удивления.

– ...но на условии, что Норма освобождается от обязательства работать на саванта Хольцмана.

– Я согласен, – быстро ответил Хольцман, стараясь подавить довольный смешок.

Бладд осуждающе посмотрел на Хольцмана, явно не одобряя столь быстрое согласие, а потом, нахмурившись, снова обратился к Венпорту:

– Но взамен вы соглашаетесь делить с нами свои доходы от продаж без ограничения срока?

Венпорт вздохнул. Обычно переговоры не ведутся столь цинично.

– Нет, неограниченного срока не будет, – ответил он недружелюбно. Ни один здравомыслящий человек такого не предложил бы. – Мы сейчас установим сроки и договоримся о проценте.

С этого момента началась настоящая работа.

Венпорт понимал, что надо защитить наивную и невинную Норму от будущих притеснений этих двух могущественных людей и избавить ее от повторений бесплодных усилий прошлого. Он уже подсчитал, во что обойдутся ему эти юридические споры. Суд Лиги, добротной подмазанный взятками аристократического поритринского семейства, конечно же, предложит «компромиссное» решение, которое в перспективе будет очень дорого стоить Венпорту. Сейчас он просто хотел сократить издержки и покончить с пустой тратой времени.

После многочасовых переговоров Венпорт наконец согласился выплачивать треть доходов от продажи плавучих световых шаров в течение следующих двадцати лет, взамен чего другая сторона соглашалась не оспаривать притязаний Венпорта на оригинальный патент. Зная, какой доход приносит масштабная – и продолжающая возрастать – продажа световых шаров, Бладд и Хольцман были просто ошеломлены. Очевидно, они оба рассматривали достигнутое соглашение как источник постоянного притока денег, для получения которых не надо было ровным счетом ничего делать, так как все разработано Нормой Ценва, а производственные мощности уже построены на деньги Венпорта.

Два десятилетия представлялись им огромным сроком, но Венпорт привык смотреть на вещи шире. Плавучие световые шары будут пользоваться спросом еще не одно столетие, а может быть, и тысячелетие. В таком контексте двадцать лет представлялись смехотворно коротким сроком. Несомненно, наследники лорда Бладда будут скрипеть зубами от досады на ту невероятную глупость, которую он сегодня совершил.

– Однако, – Венпорт подался вперед, и голос его стал жестче, – есть еще одна поправка, которая обсуждению не подлежит. С настоящего момента вы не будете подвергать сомнению или оспаривать право Нормы Ценва на устройство собственной лаборатории и не будете препятствовать ей в проведении исследований по ее собственному выбору.

Хольцман фыркнул:

– Пусть делает что хочет, лишь бы не мне платить. Уже много лет как она не создала ничего стоящего.

Лорд Бладд рассеянно играл завитками своей бороды.

– Мои юристы подготовят документ, где отдельно оговорят, что Норма сможет сохранить за собой любое изобретение, которое она отныне сделает.

Венпорт кивнул. Он уже чувствовал, какие финансовые потери понесет, но не питал никаких сомнений, так как верил в Норму и очень хотел ей помочь. Но ему неприятно было услышать правду в словах Хольцмана: Норма действительно в течение многих лет занималась решением проблемы, которая в конечном счете могла оказаться бесплодной. Он не понимал следствий из ее уравнений свертывания пространства. Однако, скрипнув зубами, бизнесмен напомнил себе, какой прибылью он уже обязан Норме за продажу изобретенных ею плавучих световых шаров.

Он должен верить в нее – ведь это то, в чем отказала Норме ее родная мать.

– Я полагаю, с этим делом мы закончили? – спросил лорд Бладд, вскинув брови.

Венпорт поднялся, желая только одного – скорее покинуть резиденцию этого поритринского аристократа. Однако он знал, что это дело только началось.

Прибывший в космопорт Старды на Поритрине Тук Кеedayр выглядел подавленным и расстроенным. Венпорт встретил его в космопорту, и торговец с Тлуакса поведал ему обо всех трудностях, вызванных действиями разбойников на Арракисе.

– Я слышал, сюда прилетел еще какой-то тлуаксианский работоторговец прикупить одомашненных рабов? Может быть, я смогу его уговорить полететь обратно и всех бандитов обратить в рабов?

– Жаловаться никто не будет, – с улыбкой ответил Венпорт. Потом он рассказал компаньону, что открыла Норма, и объяснил, почему он так настаивал на приезде Кеedayра. Чтобы тот увидел и услышал сам.

В машине, по дороге из космопорта в лабораторию Нормы, торговец с Тлуакса был настроен скептически, но все же проявил некоторую заинтересованность.

– Опытный образец космического корабля стоит, мягко говоря, существенно дороже, чем опытный образец плавучего светового шара, Аврелий, но если эта идея насчет закоротить пространство окажется успешной, то... от возможной прибыли просто захватывает дух.



Кеедайр также не желал вникать в математические расчеты: его интересовало только одно – будет ли толк от идеи при должной разработке. Он поглаживал длинную косу, будто предвкушая предстоящее обогащение.

Венпорт взял компаньона под руку.

– Если такая система возможна – и осуществима *практически*, – то все товары можно будет доставлять по назначению в доли секунды. Грузы специи можно будет доставлять с Арракиса, как только сборщики подготовят очередную партию. Скоропортящиеся лекарства с Россака можно будет без потерь доставлять в любую точку Лиги. Ни один торговец не сможет предоставить клиентам более быстрых услуг.

Пройдя по скрипучему настилу доков, они вошли в лабораторию Нормы.

– Прошу прощения за беспорядок, – сказала она. Стол, как показалось Венпорту, был теперь завален еще больше.

– Спустя годы мы будем вспоминать этот день и это скромное помещение, где впервые обсудили величайшую концепцию в истории космических путешествий, – произнес он.

Кеедайр казался сдержанным, почти подозрительным.

– Вы никому больше не говорили о своем открытии? Ни саванту Хольцману, ни лорду Бладду?

Смушенная Норма отрицательно покачала головой.

– Савант Хольцман не всегда понимает даже собственные работы. Он говорит, что «принцип Хольцмана» просто работает – и все. – В голосе ее проскользнули грустно-презрительные нотки. – А мне хочется, чтобы мой проект воплотился в жизнь. Савант не всегда заканчивает свои грандиозные замыслы. Иногда он теряет верный путь в джунглях уравнений. – С этими словами она подошла к окну и посмотрела на верфи и заводы дельты. – Весь последний год он строил корпуса кораблей на орбите. Это идея примеро Атрейдеса...

– Да, мы видели эти корабли, подлетая к Поритрину, – сказал Венпорт.

Орбитальные маршруты были так забиты новыми боевыми кораблями, что они создавали серьезный навигационный риск.

Кеедайр, казалось, был поражен услышанным.

– Какой смысл в строительстве пустых корпусов? Просто пустых корпусов? Кто-то другой будет заполнять их нужной начинкой?

Норма внезапно почувствовала себя неловко.

– Это секретные сведения, и во весь план посвящены очень немногие. Рабы на верфях и монтажники на орбите знают каждый только свою работу. Никто не догадывается, что это великий блеф, военная хитрость. – Она вздохнула. – Корпуса так и останутся пустыми, но на орбите они создадут видимость настоящей армады. Я признаю, что эта хитрость может работать, но зачем такому великому ученому, как савант Хольцман, тратить свой интеллект на такую интригу? Здесь не нужна *наука*, это просто украшение витрины.

Она опустила гравистул, села на него и снова подняла на высоту стола.

– Именно поэтому я и написала тебе, Аврелий. Я много лет работала над уравнениями свернутого пространства, и относиться к ним надо серьезно. Этот проект *необходимо* воплотить в жизнь, и я – единственный человек, который в состоянии это сделать.

Кеедайр оперся руками о край стола, глаза его заблестели.

– Дайте нам общее понятие, если не трудно. Расскажите, как это вам представляется.

Светло-карие глаза Нормы сузились.

– Я вижу мысленно космические корабли, перемещающиеся в мгновение ока. Я вижу переброску огромных армий на невообразимые расстояния за секунды – вижу, как они внезапно обрушиваются на войска мыслящих машин.

Венпорт смотрел на ее восторженное лицо и физически ощущал ее искренность и убежденность.

– Я верю тебе, Норма. Верю настолько, что готов вложить столько, сколько тебе потребуется, пусть даже я этого не понимаю. – Он улыбнулся. – Я инвестирую в *тебя*.

Норма заранее прикинула, в какую сумму может обойтись финансирование ее проекта. Венпорт увеличил сумму наполовину, потом решил ее удвоить. Норма редко задумывалась о непредвиденных задержках и дополнительных затратах, которые оказываются весьма дорогими.

– Твоя служба у саванта Хольцмана окончена, – объявил Венпорт. – Я обо всем договорился, и теперь ты можешь о нем больше не думать. Ты можешь покинуть Поритрин, как только захочешь... и работать где вздумается.

Норма в восторге бросилась на шею Аврелию. Ему нравилось, как она улыбается – в ее улыбке чувствовалась неподдельная искренность. В ней вообще не было ничего искусственного или притворного.

– Это хорошо, но я хочу работать здесь, на Поритрине. Я живу здесь уже двадцать семь лет. Не могу же я просто собраться и переехать.

– А на Россак? – спросил Кеедайр. – Ведь вы же оттуда?

Вспомнив Зуфу Ценва, ее разочарование в собственной дочери, которое она и не думала скрывать, Венпорт отрицательно покачал головой еще до того, как Норма успела ответить.

– Мне кажется, это неудачная мысль.

– Наши начальные вложения и издержки будут меньше, если не придется переезжать на другую планету, – согласился тлулак. – Вы ведь получили гарантии и уверения от лорда Бладда?

Норма постучала пальцем по виску.

– Все у меня здесь, – она повернула голову и задумчиво посмотрела на Венпорта, у которого от этого взгляда потеплело на душе, – но все равно не хочется терять время и силы на переезд. Нельзя ли найти место для работы где-нибудь поближе? В конце концов, Поритрин – это теперь мой дом.

Венпорт улыбнулся:

– Я так и думал и уже поискал место – подходящее помещение, достаточно просторное и светлое, все, что тебе нужно. Это сеть складов и рудообогащительный комбинат на одном из боковых рукавов дельты. Там вполне можно построить нормальный полигон для испытания звездолетов.

Он понимал, что Норма слишком независима, чтобы лететь, куда укажут.

Глаза Кеедайра блуждали, будто он что-то подсчитывал в уме.

– В инфраструктуре корпорации «ВенКи» найдутся каналы для перевода средств на ваши работы. Понадобится детальная смета начальных затрат, а затем ежемесячная калькуляция расходов.

Норма помрачнела: она предпочла бы вернуться в мир своих формул, чем вести этот разговор.

– Хорошо, я сделаю все необходимые расчеты по бюджету проекта, как только вы сообщите мне сроки начала работ.

– Есть и еще одно необходимое условие. – Голос Кеедайра стал жестче. – Вы должны хранить нашу операцию в строжайшей тайне. Мы уже знаем, что савант Хольцман склонен красть ваши идеи и наши патенты. Нам необходимо создать абсолютно герметичную систему секретности относительно всех участников проекта. Предлагаю нанять частную охрану, независимую от лорда Бладда.

Он посмотрел на Венпорта, и тот согласно кивнул.

Норме, эзотерический ум которой был всю жизнь выше подобных проблем, стало несколько неуютно. Венпорт ободряюще взял ее за плечо.

– Норма, ты уже отдала огромную прибыль саванту Хольцману и лорду Бладду, предоставив им право распоряжаться персональными защитными полями и переносными генераторами. Хотя бы отчасти это были твои концепции. Сам Хольцман никогда бы до этого не додумался.

На лице Нормы отразилось неподдельное изумление.

– Но это был мой вклад в военные усилия Лиги.

– А все прочие на этом вкладе хорошо нажились. Лорд Бладд стал одним из самых богатых аристократов Лиги благодаря тебе. Я не хочу, чтобы тобой продолжали пользоваться, дорогая Норма. Но если проект будет осуществляться на средства корпорации «ВенКи», то вся информация о нем должна стать ее собственностью. Бизнес этого требует.

– В любом случае я верю тебе, Аврелий. Когда можно будет начать строить опытный образец звездолета? И мне нужно как можно скорее оборудовать новую лабораторию – как можно скорее и как можно ближе. Расчеты у меня в голове уже закончены.

Венпорт обнял Норму за плечи и предложил ей идею, которую уже успел обсудить с Кеedayром:

– Есть способ ускорить работу. Мы с моим партнером недавно купили старый грузовой корабль, расширяя наш торговый флот. Он в доке Россака, на ремонте. Можно ли не строить новый корабль, а переделать этот под твои двигатели? Кеedayр берется доставить его сюда к моменту, когда мы будем готовы начать работы.

Венпорт и Кеedayр обменялись взглядами, и тлуакс согласно кивнул. Норма просияла – и снова стала молодой, энергичной, горящей любознательностью.

– Чем скорее, тем лучше, – сказала она.

\* \* \*

*Там, где один человек видит повод для веселья, другой видит лишь  
причину для отчаяния. Молись, чтобы ты был первым, а не вторым.  
Буддистская сутра в дзенсуннитском толковании*

Ценой года невероятных усилий, огромных расходов и бесчисленного количества рабов, погибших от производственных травм, последние компоненты ложного флота были выведены на орбиту вокруг Поритрина. Работы были почти закончены, теперь можно было закрывать литейные цеха на верфях дельты.

Однажды под вечер надсмотрщики сняли с работ бригады невольников. Щурясь от яркого света, грязные, закопченные рабы вышли из дымных цехов и встали на площадке, откуда запускали на орбиту последние грузы. Сотни несчастных толпились нестройными рядами.

Исмаил знал, что скоро их отправят на другие работы. Как всегда во время перемен, он нервничал, боялся, что его разлучат с Оззой и двумя дочерьми так же, как разлучили Алииду с его семьей. И все же он надеялся, что Буддаллах уберет его от такого несчастья. У владельцев Поритрина не было причин разделять его семью.

Но Алиид постоянно кипел яростью, его душевные раны не заживали, и он ждал своего часа.

– Они уже отобрали у меня жену и новорожденного сына, и мне теперь плевать, что еще они со мной сделают, – говорил Алиид.

Исмаил со страхом думал о том, что может сделать его друг, если его доведут до крайности.

Еще когда Исмаил был маленьким, дедушка учил его, что вера в Бога должна быть полной и смертному не подобает брать на себя то, что приличествует одному только Всевышнему.

Но неопределенность леденила душу... а вот Алиид не собирался соглашаться с такими условиями.

Пока начальники выкрикивали команды, сортируя рабов по бригадам, Исмаил проскользнул к бригаде отделки корпусов – там работала его жена Озза. Подойдя, он коснулся ее руки, и она сжала его руку, не поднимая головы и не встречаясь с ним взглядом. С нее было достаточно ощущения близости мужа, ощущения его теплоты. При таком количестве рабов надсмотрщикам было не под силу построить толпу ровными рядами по соответствующим группам – это заняло бы целый день.

Исмаила и Оззу без их воли вынесло к помосту, где рядом с главным надсмотрщиком стояли два низкорослых человека. Ярко светило солнце, и Исмаил никак не мог привыкнуть к свету после дымного полумрака цеха.

– Уж не собираются ли объявить нам о каком-то еще празднике своего великого общества? – прошептала Озза на ухо Исмаилу, чтобы никто не мог расслышать звучавшего в ее словах сарказма.

– Мне мыслятся причины похуже для этого собрания.

Он вперил взгляд в двух коротышек на помосте. Ясно, что это тлулаксы – ненавистные работоторговцы. У молодого смотрели с заостренного узкого лица темные, близко посаженные глаза, но внимание Исмаила привлекли знакомые черты более старшего тлулакса. У него на плече болталась веревкой жесткая седая коса, в противоположном ухе висела треугольная бронзовая серьга. Прошло больше двадцати лет, и тогда Исмаил был всего лишь насмерть перепуганным ребенком, но он никогда не забудет этого лица – лица человека, возглавлявшего набег на Хармонтеп.

Сердце его сильно застучало, старый страх возродился. Когда-то он поклялся отомстить этому человеку, уничтожить его. Сейчас Исмаилу смертельно хотелось одного – вспрыгнуть на помост и сдавить мощными, мозолистыми от работы руками цыплячью шею работоторговца. Именно так поступил бы на его месте Алиид, всегда презиравший терпение Исмаила и его слепую веру.

Но мщение – это не то, чему учат сутры дзенсуннитов. Дедушка Исмаила был бы разочарован внуком. *Все в руках Бога, а не моих.*

*Но должен ли я просто простить и забыть?*

Озза посмотрела на мужа и ласково коснулась пальцами его лица.

– Что с тобой, Исмаил?

– Этот человек... я...

Он замолчал, не в силах сказать ей правду. Дед настаивал бы на смирении и даже на прощении. Старик бы потребовал, чтобы Исмаил извлек глубокий урок из этого ниспосланного Буддаллахом урока, научился бы превозмогать любое испытание, любой опыт. Бог не гарантирует нежной и мирной жизни никому из верующих в Него – по крайней мере в этом мире. Сутры учили дзенсуннита смиряться, терпеть и ждать, когда Буддаллах выберет нужный момент.

Но как же трудно следовать такому учению!

Прошло полчаса пассивного хаоса, но в конце концов сотни рабов построились в какое-то подобие шеренг, и воцарилась тишина. Исмаил слышал, как надсмотрщик говорил молодому тлулаксу:

– Рекур Ван, это все люди сегодняшней рабочей смены. Они приписаны к строительству кораблей на несколько месяцев. Мы не можем без них обойтись.

– Все-таки я хотел бы на них посмотреть.

Худощавый, похожий на крысу, младший из тлулаков стал хищно всматриваться в лица и тела рабов. Тук Кеedayр – работоторговец, некогда похитивший Исмаила и многих других

невинных дзенсуннитов на Хармонтепе – стоял рядом со скучающим видом. Как будто он приехал не приобретать новых рабов, а прибыл на Поритрин с совершенно иными целями.

Пока же Исмаил смотрел, как Рекур Ван расхаживает по помосту, поводя каким-то устройством, с помощью которого делал изображения рабов и рассматривал их.

– Меня попросили провести инвентаризацию вашего подневольного персонала. Они могут стать бесценным источником для Армии джихада. Нам, тлулаксам, жизненно необходимо большое количество здоровых рабов в широком диапазоне типов тел и тканей. Это наша главная задача.

Когда надсмотрщик выказал при этих словах свою обеспокоенность, Рекур Ван понизил голос до угрожающего рычания:

– Если вы возражаете, то я могу представить письменное требование, подписанное самим Великим патриархом Гинджо.

– Я не сомневаюсь, что ты можешь это сделать, Рекур, – произнес Кеedayр спокойным рассудительным тоном, – но не стоит сразу прибегать к самой неудобной альтернативе.

Неожиданно по мелкой воде дельты с шумом и плеском пронеслась машина-амфибия, выкатилась на сушу и подъехала к площадке, где стояли рабы. Оттуда вылетел суетливый Тию Хольцман и направился к помосту. Глаза его были прищурены, на лице читалась злость, смешанная с некоторой растерянностью. Но заговорил он повелительно:

– Почему вы мешаете моим рабам в важной работе? Это жизненно необходимый проект, и никакая задержка не может быть оправдана!

– У нас есть нужное оправдание, савант Хольцман, – столь же повелительно ответил Рекур Ван. – Джихаду срочно нужны рабы, а Поритрин оказался ближайшим пунктом моего маршрута. Тлулаксу нужны новые кандидаты.

Исмаил с трудом сглотнул, во рту у него пересохло, он крепко сжал локоть жены. Они оглянулись, ища глазами дочерей, но Хамаль и Фалина были приписаны к другим бригадам, и их не было видно.

– Только не из моих рабочих, – высокомерно рявкнул Хольцман. – Каждый из этих рабов должен быть занят на проекте, имеющем первостепенную важность для обороны Поритрина и для работ на наших военных заводах. Вам придется набирать для себя рабов в другом месте.

– Но я уже здесь, савант Хольцман, и рабы нужны мне сейчас.

– Мне тоже. – Ученый грубо хмыкнул. – Почему бы вам не приискать себе невольников среди тех трусов на IV Анбус? Насколько я понимаю, они отказались воевать против мыслящих машин, даже когда те напали на них, и они совершили диверсию против Армии джихада. Лучше кандидатов на служение роду человеческому просто не найти.

– Это может говорить об их неполноценности, – высказал предположение Рекур Ван. – Кроме того, они рассеяны на большой площади, а их численность... недостаточна для наших целей.

До рабов слухи доходили медленно, и только недавно они узнали о битве на IV Анбус, о пирровой победе Армии джихада ценой множества человеческих жизней и утраты священных реликвий. Все последователи буддизма, включая дзенсуннитов и дзеншиитов, одинаково поклонялись священному городу Даритсу, где хранились оригинальные рукописи сутр Корана. Рабы Поритрина с ужасом слушали о разрушениях, причиненных не только роботами, но и солдатами джихада.

Оглянувшись, Исмаил заметил, что местное начальство это событие совершенно не занимало. *Почему их религиозный пыл все принимают как должное, а нашу веру презирают?*

Он увидел, как старший из работаровцев встал между негодующим изобретателем и своим ревностным молодым коллегой. Хотя он и ненавидел этого человека, Исмаил был вынужден признать, что Тук Кеedayр выглядит мудрее и лучше умеет общаться с людьми.

– Рабов можно достать во многих местах, Рекур. Есть много буддистских медвежьих углов, где можно собрать хороший урожай живого товара. Поскольку эти невольники уже служат высокому делу, нужному для человечества, я не вижу необходимости выводить их из-под опеки саванта Хольцмана.

Рекур Ван глянул на своего соотечественника как на смертельного врага:

– А что здесь делаешь ты, Тук Кедайр? Ты же больше не торгуешь рабами, а предпочитаешь операции со специей и плавучими светочарами вместе с этим инопланетянином, Венпортом. Чего ты влезаешь в мою работу?

– Мы с моим партнером находимся здесь по совершенно другим делам. Твоя работа – не единственная, какую выполняют во благо джихада. – С этими словами Кедайр покровительственно положил руку на плечо своего молодого земляка. – Послушай, я знаю, где ты можешь набрать себе рабов – большая группа людей, которые сильно мешают мне и раздражают Лигу Благородных. Пойдем, я расскажу тебе, где их найти, и все будут довольны. Ты знаешь пустынную планету, которая называется Арракис?

Все еще хмурясь, но явно смягчившись, Рекур Ван в сопровождении ветерана сошел с помоста.

Исмаил обнял жену за талию и привлек к себе. Сердце его бешено колотилось: он чувствовал, что они все чудом избежали катастрофы. И как ни ненавистно было рабство на Поритрине, он понимал, что участь их на Тлулаксе была бы во сто крат хуже.

Довольный Хольцман оглядел собранных на стартовой площадке рабов. Наконец изобретатель повелительно взмахнул рукой.

– А чего вы здесь стоите? Мы должны закончить работу точно в срок. Марш по местам!

\* \* \*

*Несмотря на все компьютерное совершенство мышления роботов,  
существует множество способов сбить их с толку.  
Примеро Вориан Атрейдес. «Нет всемирному разуму»*

Расточительный блеф с «пустыми кораблями» на Поритрине был плодом мысли примеро Атрейдеса, который утверждал, что знает, как думают мыслящие машины. Но реализовывал план Тио Хольцман, а не примеро, и лавры причитались ему.

Если пройдет этот эпических масштабов обман.

Савант нервничал, но рискнул, надеясь, что будет осыпан дождем куды и ревом восхвалений. После долгого перерыва в потоке наград ему это было необходимо. Если повезет, то лорд Бладд удостоит его медали, а народ будет прославлять его имя. Тио Хольцман будет объявлен спасителем Поритрина...

Обедая с лордом Нико Бладдом на балконе его резиденции, выходящей фасадом на набережную, Хольцман смотрел сверху на неспешную жизнь, текущую внизу. Высшие классы Поритрина были на удивление беспечны в своем отношении к жизни, веря, что ничего с ними плохого не случится. Они следовали пассивным догматам навахристианства больше ради видимости, чем ради веры. Климат на планете был мягкий, продовольствие доставлялось в избытке, сырье казалось неистощимым, а хорошо вымуштрованные рабы выполняли каждую прихоть своих господ. Тихая река Исана могла служить превосходной метафорой вялого течения жизни местных аристократов.

Хольцман опасался, что все изменится, если к Поритрину приблизится флот роботов. Буквально мгновение назад к лорду прибыл военный курьер, доставивший цилиндр с экстренным посланием. Бладд прочитал письмо, потом погладил свою безупречно завитую бороду.

– Ну что ж, Тио, посмотрим, как будет работать твой план. Крупное соединение роботов действительно приближается к нашей солнечной системе.

Хольцман побледнел и с трудом сглотнул слюну. Лорд же был абсолютно спокоен, уверенный, что его величайший ученый не даст Поритрину погибнуть. Хольцман же надеялся, что эта счастливая убежденность не будет поколеблена.

Бладд рассмеялся, заметив озабоченность на лице своего сотрапезника:

– Не изводи себя, Тио. Хотя этот твой безумный проект стоил нам невероятных денег, платы от корпорации «ВенКи» за продажу светосфер хватит, чтобы многократно покрыть наши расходы.

Все ложные корабли в космосе смонтировали, и теперь на орбитах вокруг Поритрина вертелись сотни устрашающих баллист и истребителей – с виду совершенно непобедимый флот, похожий на стаю свирепых псов, стерегущих хозяйскую усадьбу. Но только с виду.

Десятки боевых кораблей Армии джихада – настоящих кораблей – стояли в полной готовности в космопорту Поритрина, готовые вступить в сражение, с экипажами, усиленными гинацскими наемниками. Но этого будет явно недостаточно, если блеф не сработает.

Хольцман заставил себя откусить кусок приправленной специей рыбы, надеясь, что Бладд не заметит его колебаний.

– Настало время начинать спектакль. Надо отдать приказ нашим силам перегруппироваться на орбите. Я советую держать половину сил на теневой стороне планеты, что будет дополнительным сюрпризом для флота мыслящих машин.

В последние месяцы Армия джихада передавала дезинформацию, зная, что Омниус ее перехватит. В нее включали даже реальные сведения, когда Хольцман ставил себе целью открыть их противнику: антимашинная пропаганда для повстанцев Икса, утечки, перехваченные флотом роботов, отступавшим от IV Анбуса... и еще многое.

Если эта информация достигнет адресата, то армии машин узнают, что великий Тио Хольцман распростер защитное поле над Поритрином, чтобы защитить флот кораблей Армии джихада, создать поля невидимости и непробиваемую броню для корпусов кораблей. Чтобы Омниус своей тактической целью выбрал захват этой технологии.

*Показать ему приманку...*

– Я уже отдал этот приказ, как только получил сигнал от наших разведывательных кораблей, – сказал Бладд. – И уверен, что они скрылись из виду раньше, чем сенсоры машин могли их заметить.

Потом, улыбнувшись, лорд предложил пройти внутрь дома, где можно будет наблюдать столкновение, комфортабельно расположившись перед экранами мониторов. Хольцман просмотрел представленные на экранах карты и сетки планетной сферы, убедился, что суда заняли предписанные им позиции, и кивнул.

Вскоре на краю экрана появились светящиеся тени, летевшие к центру как пули. Бладд улыбнулся:

– Ах, какой сюрприз ожидает эти машины!

Ощетинившиеся оружием корабли роботов, обладавшие невиданной огневой мощью, приблизились к Поритрину и уменьшили скорость, обшаривая сканерами поле предстоящей битвы. Хольцман нервно провел ладонью по лбу, откинул с глаз прядь пышных волос. Враг имел минимум трехкратное численное превосходство в кораблях, но это не страшно, если машины поверят дезинформации.

– Сейчас мы посмотрим, превосходит ли человеческая хитрость машинную технологию, – сказал Хольцман.

Стоя рядом с лордом Бладдом, он слушал передаваемую информацию – чьи-то приказы, предупреждения, оценки ситуации. На экране было видно, что корабли джихада двигались к

своим местам, рассредоточившись в стратегических точках орбиты. С виду они были непробиваемы, непобедимы.

Огромный флот машин неумолимо приближался, вытянувшись вдоль линии, ведущей прямо на цель, но его поджидала группа кораблей, оборонявших Поритрин. Ложные корабли Лиги заняли исходную позицию. Электронные панели на их бортах начали светиться красным светом, имитируя боеготовность пусковых систем. Сенсорные сигналы говорили о том, что оружие на кораблях готово к действию.

Лишь небольшая горсть этих судов Лиги были в действительности настоящими боевыми кораблями. Остальные были просто пустыми металлическими конструкциями, замаскированными полями Хольцмана, экранирующими от лучей электронных сенсоров мыслящих машин.

– Все системы активированы, – доложил офицер тактического отдела по громкоговорящей связи.

Каскад ответов посыпался с кораблей Армии джихада, включая и корабли-призраки.

– Готовы уничтожить корабли противника. Оружие готово к бою. Ожидаем приказа открывать огонь. Приготовиться к атаке широким фронтом.

Голоса перекрывались, синтезируя и имитируя вклад каждого командира в эти лихорадочные многоголосные переговоры, предназначенные только для обмана мыслящих машин.

Хольцман, не отрываясь, смотрел на экраны. Дальние корабли противника смотрелись крошечными бриллиантами, отражающими лучи беспощадного солнца. Хотелось бы Хольцману знать, как оценивают роботы то, что видят перед собой. Сенсоры должны были передать информацию о том, что ложный флот джихада обладает превосходством – подавляющим превосходством – в огневой мощи. Во рту у Хольцмана пересохло от волнения.

Чтобы выиграть это сражение, флоту Поритрина не было нужды уничтожать корабли противника. Эта ловушка была потенциально полезна в будущем, для обороны других планет, тем более что строительство ложных кораблей стоило в тысячи раз дешевле, чем создание настоящих. Следовательно, «зная», что Поритрин прикрыт непобедимым флотом джихада, Омниус оставит планету в покое и примется искать более легкие цели. Во всяком случае, теоретически...

Машины продолжали наступать, словно заподозрив правду. Хольцман затаил дыхание от страшной мысли, что у роботов могут оказаться глубинные сенсоры достаточно сложные, чтобы заглянуть под защитные маскировочные поля. Какой фактор он забыл учесть?

Много раз прежде он делал ошибочные допущения и допускал грубые просчеты, на которые ему так прямо в лоб и указывала Норма Ценва. Слава Богу, теперь она где-то далеко и работает самостоятельно, тратя чужие деньги. У него есть множество других талантливых помощников, которые в один голос уверили его, что в расчетах предусмотрено все. Нет ни малейшего шанса на ошибку.

Но если что-то было все же упущено, то Поритрин обречен. Как и сам Хольцман.

– Время запуска, – сказал савант дрогнувшим голосом. – Теперь должна двинуться наша вторая группа, прежде чем враг подойдет на дистанцию стрельбы.

Бладд просто улыбнулся. Все командиры и капитаны кораблей уже давно получили соответствующие инструкции.

Как неожиданно вынырнувшая из леса стая гончих собак, половина ложных кораблей запустила двигатели и ринулась по орбите на солнечную сторону планеты. Это движение выглядело как массированная атака кораблей джихада, внезапно удвоившая число защитников Поритрина, бросившихся в наступление на армию машин.

– Теперь они задумаются! – выкрикнул один из командиров по каналу открытой связи.

Хольцман всмотрелся в тактическую диаграмму и с облегчением понял, что пока все идет по плану – и отдельные куски плана складывались в стройную цельную картину. Несколько



солдат бодро переговаривались по связи открытым текстом, но системы удваивали и утраивали эти голоса, и казалось, что защитников намного больше, чем их было в действительности.

– Выступает третий отряд!

– Что-то тесновато здесь становится!

– Можно освободить место, если вынести часть этих погремушек.

Теперь к месту схватки на большой скорости шла третья группа ложных кораблей, прятавшихся до этого вблизи малой луны Поритрина. Эта группа стремительно приближалась, сокращая расстояние и устремляясь в тыл машинного флота, показывая противнику готовые к бою бортовые пусковые установки.

– Запускайте боевые корабли из космопорта! – приказал Бладд. Он явно наслаждался каждым мгновением этого представления.

Группа стоявших до этого на земле кораблей – единственные настоящие боевые корабли с экипажами, дислоцированные на Поритрине, – поднялась с космопорта в Старде и с ревом устремилась на орбиту, где смешались с группами ложных судов.

Машины резко остановились, неподвижно повиснув в пространстве, словно оценивая происшедшие изменения, а потом перегруппировались в оборонительный строй.

– Вот оно, – передал один офицер мрачным голосом. – Приготовиться открыть огонь. Уничтожим проклятые машины, пусть только подставятся.

– Они снова сканируют нас, – добавил кто-то.

– Покажите им, что мы думаем по этому поводу.

Спрятавшиеся среди ложных кораблей настоящие суда Поритрина открыли огонь, направив снаряды и ракеты на корабли машин. У роботов не было никакой возможности догадаться, что у остальных кораблей внушительной армады не было даже похожего вооружения.

Наконец, без всякого обмена сигналами, не сделав ни одного выстрела, флот роботов рассчитал, что шансов на победу нет, и отступил. Машинные корабли легли на обратный курс и понеслись в космос, набирая скорость. Для закрепления эффекта вооруженные корабли джихада дали залп, уничтожив два вражеских корабля.

Лорд Бладд усмехнулся и похлопал Хольцмана по спине.

– Я ни минуты в тебе не сомневался, Тио. С твоей репутацией и интуицией у глупых машин не было ни единого шанса!

– А они ведь действительно глупы, – улыбнулся в ответ Хольцман.

Празднества по поводу отступления машинного флота от Поритрина были пышными и грандиозными. Настроение было восторженное, с нотками истерии. Не жалея средств, лорд Бладд задавал роскошные пиры, а также устроил серию праздников, однообразных в своей помпезности. Саванта Хольцмана прославляли как героя, победителя машин. Поднимая за его здоровье бокалы с меланжевым ромом, некоторые аристократы говорили и о примеро Вориане Атрейдесе – правда, вскользь.

Надутый гордостью савант стоял рядом с лордом Бладдом, а тот произносил громкие пьяные речи, бил себя в грудь и кричал:

– Свобода – основное право человека!

Но у буддистамских рабов не было причины праздновать.

Некоторые из детей дзенсуннитских рабов остались в жилом комплексе затихшей теперь дельты, глазели, разинув рты, на красочные представления, слушали далекую бравурную музыку.

Взрослые рабы закрылись в бараках, утешая себя и друг друга воспоминаниями о родных местах и родной культуре. Под вспышки салютов, распуская свои зонтики над городом Поритрином, как гигантские хризантемы, Исмаил и его товарищи по несчастью сидели в бараке и рассказывали друг другу истории о прошлом своих народов. Вспоминая притчи и легенды,

цитируя мудрость сутр Корана, они вновь переживали в памяти времена, когда гонимые дзен-сунниты и дзеншииты переселялись с планеты на планету, ища надежной гавани, где бы их наконец оставили в покое. Они равнодушно повернулись спиной к битве демонов – машин и неверных. Ни одна сторона не заслуживала поддержки правоверных, ибо буддистамистов избрал Бог, чтобы хранить истинную мудрость небес.

Но сейчас переживаемые испытания заставляли их крепче хранить веру.

– Мы должны оставаться сильными, – убеждал Исмаил своих сотоварищей. – Мы должны быть сильнее всех чужеземцев.

Из тени в круг света, отбрасываемый очагом, вышел Алиид и возразил неожиданно:

– Возможно, это и так, Исмаил, но в других местах дзеншииты и дзенсунниты свободны. – Он шумно и зло выдохнул сквозь стиснутые зубы. – Если бы здесь был Бел Моулай, то все рабы встали бы под его знамя. Он бы научил нас, как с боем найти путь с этой проклятой планеты.

– Но его нет здесь, – укоризненно возразил Исмаил, сидевший на твердом полу в позе медитирующего. – То восстание привело только к его казни, а всем нам с тех пор приходится расплачиваться.

– Да, Бел Моулай мертв, но я жив, – проворчал Алиид.

– У меня не хватит дерзости торопить Бога, друг мой. Настанет день, – пообещал Исмаил, – и мы найдем для себя мир, который мы сможем заселить и оборонить от пришельцев. Наша жизнь станет такой, какой захочет Буддаллах.

Алиид скептически скривил лицо, но остальные рабы смотрели на Исмаила горящими глазами с невыразимой надеждой и верой. Исмаил столько лет давал обещания людям, что уже и сам не знал, надолго ли у него самого хватит сил надеяться.

Тем не менее он постарался придать твердость своему голосу:

– И будет место у нас, которое мы назовем *родиной*.

\* \* \*

*Песок очищает кожу – и мысли.*

*«Огненная поэзия» дзенсуннитов Арракиса*

Запас воды кончился два дня назад, и мальчик Азиз твердо знал, что умрет. Он брел по сухим скалам и выветренным пескам. Губы и глаза покрылись коркой пыли, которую уже не удавалось стереть. Остались иллюзии, миражи и безнадежность.

Наиб Дхартха послал его по этому важному делу, и надо продержаться еще несколько часов, чтобы выполнить порученное. Это было очень важно, жизненно важно.

*А если не получится? Если я умру, не доставив послания?* Отец Азиза Махмад – единственный сын Дхартхи – был верен племени, прилежно работая с чужеземцами в космопорту. Махмад занимался меланжевым бизнесом, работая с Туком Кеedayром и Аврелием Венпортом, которые продавали специю в Лиге Благородных.

Четыре года назад Махмад заразился от одного путешественника в Арракисе странной инопланетной болезнью, долго хворал и умер в горячке. Твердоверные дзенсунниты в далеких деревнях говорили, что это Бог его наказал за то, что водился с чужеземцами. Старый наиб горевал по сыну, но смерть на Арракисе всегда ходила рядом, и наиб счел и эту потерю жертвой на алтарь нескончаемой битвы за независимость – как, например, гибель в бою с врагами...

Уже не зная, куда он идет, Азиз, шатаясь, брел по выбеленному солнцем песку и не встречал никаких следов Укротителей Червей. Он надеялся, что бандиты спасут его... как-нибудь. *Скоро.*

Богатство, вырученное за счет торговли специей, обеспечило обитателям дзенсуннитских деревень удобную жизнь. Они больше теперь рассчитывали на то, что покупали в городе Арра-

кисе, чем на то, что могли с трудом отвоевать из когтей пустыни. Оказавшись на дикой территории Арракиса, Азиз обнаружил, что далеко не владеет старым забытым умением – выживать в пустыне.

Мальчик делал все, что в его силах, чтобы его заметили, – он зажигал по ночам костры, а днем пускал зеркалами солнечные зайчики. Он не мог поверить, что Селим Укротитель Червей даст ему погибнуть в таком юном возрасте. Объявленный вне закона изгнанник смотрел Азизу прямо в глаза во время нападения на караван сборщиков меланжа, и мальчик думал, что знает теперь сердце этого великого человека, что бы там ни говорил дед.

Селим и его шайка причиняли Дхартхе куда больше бед, чем чужеземные болезни. За много лет налеты банды на караваны сборщиков вызвали резкое сокращение доходов деревни. Однако, несмотря на это, наиб отказывался оправдываться этим перед Туком Кеedayром, когда торговец прибывал в Арракис за новой партией меланжа.

– Это наше внутреннее дело, – неизменно говорил старик в ответ на все вопросы. – Мы сами разберемся с ним.

Недовольный Кеedayр грозил прислать команды чужеземных профессионалов – разведчиков и убийц. Но дедушка Азиза пообещал принять меры и справиться с ситуацией, стремясь сохранить деловые отношения и неприкосновенность своей деревни. Вот так и получилось, что с тяжелым сердцем старый наиб послал в пустыню своего юного внука, чтобы разыскать бандитов и предложить им перемирие.

– Селим когда-то был членом нашего племени, – рассказал наиб вечером третьего дня, когда Азиз готовился к выходу в пустыню. Они сидели вдвоем перед угасавшим костром. – В детстве Селима поймали на краже воды, и за это он был изгнан из деревни. Мы думали, что он погибнет, но каким-то образом он сумел выжить.

– Да, дедушка! – Глаза Азиза сверкнули в полумраке пещеры. – И он научился ездить на чудовищах пустыни.

Глаза старика, синие от длительного употребления меланжа, увлажнились от нахлынувших воспоминаний.

– С тех пор мы научились собирать и продавать специю, а Селим Укротитель Червей собрал банду преступных своих последователей и терроризирует наших трудолюбивых сборщиков меланжа. Я знаю, что Селим ненавидит меня за тот вынесенный мною ему приговор, и теперь для нас настало время простить друг друга – или убить.

Старый наиб выглядел утомленным и сломленным, и у Азиза сердце защемило. Мальчик втайне дал себе клятву разрешить эту старую вражду, навсегда засыпать пропасть, разделившую наиба Дхартху и Селима Укротителя Червей.

– Мы должны преодолеть эту глупую вражду и объединиться во имя наших общих интересов. В противном случае чужеземцы расколют нас и завоюют. Этого не может хотеть даже такой отпетый преступник, как Селим. Ты должен найти его, Азиз, и передать то, что я тебе сказал.

Гордый возложенной на него ответственностью, мальчик ушел в пустыню, идя навстречу опасности с надеждой и решимостью. Но вот он уже бродит по пескам несколько дней, а пустыня не прощает ошибок. И теперь мальчик хотел лишь одного – лечь под скалу и умереть.

Вместе с двумя другими отверженными Марха смотрела, как мальчик, шатаясь, бредет по пустыне. Она уже устала считать, сколько глупых ошибок он наделал, и знала, что часы его сочтены. Селим говорил, что неумение и невнимательность неизбежно приводят на Арракисе к смерти. Пустыня испытала этого мальчишку и сочла непригодным.

Предыдущие поколения дзенсуннитских кочевников Арракиса научились жить в гармонии с суровой природой, но Селим и его последователи сделали на этом пути еще один шаг, обходясь еще меньшими ресурсами, чем остальные местные племена. Шайка Селима жила

своим умом и своими навыками, не рассчитывая на предметы роскоши, воду или инструменты, которые доставляли в город Арракис изнеженные чужеземцы.

Марха провела в шайке Селима уже почти год. Она научилась драться ножом, выживать во время песчаной бури, прятаться от зноя в расщелинах, вызывать и обуздывать Шай-Хулуда. Теперь и у нее был свой кристальный молочно-белый кинжал, бывший когда-то зубом песчаного червя. Было бы намного милосерднее просто перерезать мальчишке горло, чем дать ему мучительно умирать от зноя и жажды.

Потом она узнала в мальчике внука наиба Дхартхи. Зная, что Селим наверняка захочет поговорить с ним, она решила спасти Азиза от смерти, предоставив Селиму самому решать судьбу юноши.

Когда мальчик, дрожа от усталости и страдая от невыносимой жажды, улегся в расщелине под усыпанным звездами небом, разбойники окружили его. Сначала Азизу показалось, что Марха и ее спутники – лишь порождение его галлюцинаций. Они окружали его, подавая друг другу сигналы, но Азиз был настолько слаб, что не мог даже поднять голову.

Они захватили его без борьбы и, дав ему глоток драгоценной воды, понесли его, как несут бревно. Он пытался назвать свое имя и объяснить им, зачем пришел, но вместо слов с его уст срывались лишь нечленораздельные хриплые звуки. Наконец мальчик сдался и лишь произнес, едва раскрыв потрескавшиеся кровоточащие губы:

– Я знал, что вы придете...

Пещеры Селима Укротителя Червей были далеко отсюда, но отверженные умеют быстро передвигаться в пустыне. Когда они добрались до поселка, Марха поместила Азиза в уютной нише, дала ему еще воды и немного еды и оставила спать глубоким исцеляющим сном. Сам Селим уехал на черве в набег на дальние меланжевые поля и должен был вернуться не раньше завтрашнего дня.

Спустя довольно долгое время Азиз проснулся в прохладном полутемном помещении. Он быстро сел, но едва не потерял сознание. Пришлось снова опуститься на топчан и остаться лежать с открытыми глазами, глядя на мелькавшие текущие тени и пытаясь сориентироваться. Марха ошеломила его, когда сказала:

– Мы не часто спасаем глупцов. Тебе повезло, что Шай-Хулуд не пожрал тебя. Как ты мог отправиться в пустыню таким неподготовленным?

Она отцепила от пояса фляжку с водой, откупорила ее и дала Азизу попить. Несмотря на обожженную кожу и темные круги под глазами, Азиз улыбался.

– Мне надо было найти Селима Укротителя Червей. – Он тяжело дышал, стараясь сохранить силы. – Я...

Марха не дала ему договорить.

– Я знаю, кто ты, внук наиба Дхартхи. Только твоя ценность как заложника убедила меня не проливать воду твоего тела. Возможно, Селим пожелает замучить тебя до смерти, отомстив за преступление твоего деда.

Мальчик дернулся, как от удара.

– Мой дедушка хороший человек! Он хочет только одного...

– Наиб Дхартха изгнал Селима из племени, хотя хорошо знал, что преступление совершил не он, а другой человек. Он не посчитался с тем, что невинный сирота умрет в песках, и решил спасти более важного члена племени. Мальчик, который действительно совершил кражу, знал об этом, так же как и твой дед. Но платить за это преступление пришлось Селиму.

Азиз растерялся. Очевидно, ему никто не рассказывал такого про деда.

– Мне рассказывали не так.

Марха пожала плечами и презрительно скривилась.

– Наиб Дхартха отказался от обычаев пустыни ради чужеземных удобств. Люди твоей деревни живут во лжи. Меня совершенно не удивляет, что ты им веришь.

Прищурившись, мальчик в полутьме наконец узнал свою собеседницу по шраму на брови.

– Ты была одной из нас, но убежала. Я видел тебя среди напавших на наш караван.

Марха вызывающе вздернула подбородок.

– Я буду женой Селима Укротителя Червей. – Она сама удивилась столь смелому признанию, но решение она приняла еще месяц назад. И все равно это было видно каждому члену шайки. Голос ее стал тверже. – Я борюсь с теми, кто хочет уничтожить Шай-Хулуда, отбирая его специю и отсылая ее чужеземцам. Наиб Дхартха – наш заклятый враг.

Азиз попытался сесть.

– Но я принес послание от деда. Он желает заключить мир с Селимом Укротителем Червей. Нам нет необходимости длить вражду.

Марха, нахмурившись, окинула мальчика презрительным взглядом.

– Это будет решать Селим.

Когда Азиз снова проснулся в темной нише, ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что прямо у него за спиной кто-то сидит в полном молчании. Не Марха... кто-то другой.

– Ты... ты Селим Укротитель Червей?

– Многие ищут меня и некоторые находят. Некоторым даже удается вернуться и рассказать.

– Я слышал эти рассказы, – сказал Азиз, чувствуя себя очень храбро. Он сел. – Я видел тебя прежде, когда вы напали на наш караван. Ты не тронул никого из нас. Думаю, что ты – человек чести.

– В отличие от твоего деда.

Селим зажег маленький светильник. Свет был довольно тусклый, но Азизу он показался ослепительным после дней, проведенных во тьме пещеры.

– Я не сомневаюсь, что ты чтить наибо Дхартху, мальчик. Ты считаешь его достойным человеком, так как он – вождь племени. Но не смотри на него как на героя. И не верь всему, что рассказывают о героях.

Теперь Азиз видел, что лицо у Селима обветренное, но очень молодое. На нем выделялись твердые умные глаза, и выражение лица было более величественным, чем то, которое запомнилось Азизу после первой встречи. Видения и предначертанное свыше предназначение, запечатленные в сознании Селима, отражались и на его лице. Мальчик затаил дыхание, стараясь примерить этот образ к тем легендам, которые он слышал. И теперь, оказавшись наконец лицом к лицу с этим человеком, большим, чем сама жизнь, Азиз вдруг почувствовал, что теряет дар речи.

– Я понимаю, что ты принес послание. Но что может сказать мне наиб Дхартха?

Сердце Азиза тяжело билось в груди, так как сейчас ему предстояло совершить самый значительный поступок в своей жизни.

– Он поручил мне сказать тебе, что формально прощает тебя за преступление, которое ты совершил, будучи мальчиком. Племя больше не считает тебя преступником, и мой дед предлагает тебе вернуться в деревню. Он хочет, чтобы ты снова был со своим народом и чтобы мы могли дальше жить в покое и мире.

Селим рассмеялся, услышав такое предложение.

– Я – носитель миссии Буддаллаха. Я избран им для великого дела. – Он невесело улыбнулся, темно-синие глаза вспыхнули огнем. – Передай своему деду, что я разрешу племя от его вины, как только оно прекратит собирать специю.

Пораженный Азиз возразил:

– Но наш народ живет продажей специи. У нас нет другого способа...

– Есть много способов выживания, – перебил мальчика Селим. – И всегда было много. Мои ученики ясно показали это. Дзенсунниты жили на Арракисе много поколений, когда еще не знали такой зависимости от предметов чужеземной роскоши. – Он решительно тряхнул головой, заканчивая разговор. – Но ты еще мальчик, и я не жду, что ты меня поймешь.

С этими словами Селим встал.

– Соберись с силами, и я отвезу тебя к деду. Целым и невредимым. – Он улыбнулся. – Сомневаюсь, что наиб Дхартха оказал бы мне подобную любезность.

Беспощадное солнце жгло их обоих. В пустыне стояла оглушительная тишина.

– Если побежишь – погибнешь, – сказал Селим Укротитель Червей.

Азиз стоял рядом с ним на гребне пыльной дюны в самой глубине океана пустыни.

– Я не побегу, – сказал он, хотя чувствовал, как становятся ватными его колени.

Вождь людей вне закона насмешливо улыбнулся.

– Запомни эти слова, когда ум у тебя завопит от страха, а ноги захотят сами броситься в бегство.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.